JUN 13 1933

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

52

ТОМ ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРОЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Несколько документов из царских архивов. — М. Н. Покровский. — Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке. — Северо-Американские Соединенные Штаты и царская Россия в 80-х гг. XIX в. — Прогрессивный блок в 1915-1917 гг. — Письмо А. П. Морейнейма о французской политике на Ближнем Востоке. — Из истории интеллигенции 80-х годов.

ЦЕНТРАРХИВ

1932

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1932 г.

НА ЖУРНАЛ

Центрархива РСФСР

АРХИВНОЕ ДЕЛО

В 1932 ГОДУ ВЫЙДЕТ 4 ВЫПУСКА

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

на год 4 р. 50 к. на полгода 2 р. 50 к.

Цена отдельного номера 1 р. 50 к.

„АРХИВНОЕ ДЕЛО" ставит своей задачей научную разработку, на основе марксистско-ленинской методологии, основных проблем архивной теории и практики и освещение опыта советского архивного строительства в центре и на местах.

Журнал необходим в качестве руководящего пособия всем работникам центральных и местных органов ЦАУ СССР и РСФСР, а также работникам государственных, профессиональных и кооперативных учреждений и организаций. Журнал ставит своей целью привлечение передовых архивистов-ударников и актива архивной молодежи к глубокому изучению архивного дела, к наиболее полному овладению техникой архивных процессов, к преодолению нашей технической отсталости. Журнал должен стать для архивистов научно-технической энциклопедией, восполняющей недочеты их архивно-технической учебы и практики. В программу журнала, помимо научной проработки актуальных проблем текущего архивного строительства, входит всестороннее освещение положения архивного дела в государственных, профессиональных и кооперативных учреждениях и организациях, методическая разработка вопросов архивной техники и рационализации производственных процессов, освещение деятельности Центрархивов союзных республик и состояния архивного дела за границей, вопросов архивного образования и общественно-профессиональной жизни архивных работников. В журнале широко поставлен отдел о работе местных органов ЦАУ, а также отдел библиографии (отзывы о книгах по архивоведению).

Подписка принимается: Москва, Центр, ул. 25 Октября, Центральное архивное управление РСФСР.

Редакционно-издательский отдел.

Тел. редакции 3-72-91.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

Krasnij Archiv

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ТРЕТИЙ (ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРОЙ)

1932

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1932 ЛЕНИНГРАД

ПЕРВАЯ
ТИПОГРАФИЯ ОГИЗА РСФСР
«ОБРАЗЦОВАЯ».
МОСКВА, ВАЛОВАЯ, 28

★

Упол. мочен. Главлит № В-39303
Тираж 2950 экз. Заказ № 2251.
Сдан в производство 20/VI-32 г.
Подписано к печати 7/XII-32 г.
Формат 72×105¹/₁₆. Объем 13 п. л.
В 1 п. л. 40 000 п. зн.

Михаил Николаевич
ПОКРОВСКИЙ
(1868—1932)

(Снимок относится к 1924 г.)

10 апреля, в 23 ч. 30 м., скончался Михаил Николаевич Покровский, заведующий Центрархивом СССР и РСФСР, основатель и бессменный руководитель исторического журнала Центрархива «Красный архив».

Партия, рабочий класс и советская наука потеряли в лице Михаила Николаевича виднейшего представителя старой большевистской гвардии, активного участника революции 1905 г. и Октябрьской Пролетарской революции, непримиримого борца за генеральную линию партии, одного из основоположников марксистской исторической науки, виднейшего организатора и руководителя на теоретическом фронте.

Глубоко скорбя по поводу кончины Михаила Николаевича, редакция «Красного архива» в своей дальнейшей научно-публикаторской работе будет твердо следовать пути, указанному Михаилом Николаевичем, всемерно используя архивные документы, это могучее политическое оружие борющегося пролетариата, для достижения победы рабочего класса во всем мире.

РЕДАКЦИЯ «КРАСНОГО АРХИВА».

Несколько документов из царских архивов о М. Н. Покровском [1].

Отношение Московского охранного отделения на имя пристава 3 участка Сущевской части от 1 июня 1907 г. № 8516 о производстве обыска в квартире М. Н. Покровского.

Вследствие приказания градоначальника и на основании § 21 высочайше утвержденного в 14 день августа 1881 года положения об усиленной охране, охранное отделение просит ваше высокоблагородие, с получением сего, произвести, в порядке ст. 258 уст. уг. суд., самый тщательный и всесторонний обыск у приват-доцента Московского университета Михаила Николаева Покровского, проживающего в д. быв. Фидлера, кв. № 24, по Долгоруковской.

Причем надлежит обратить особое внимание на бесцензурные издания, переписку, фотографические и визитные карточки и адреса; все эти предметы, по просмотре, должны быть опечатаны и с протоколом обыска препровождены в отделение.

Обыскиваемый же подлежит безусловному задержанию.

Справка: Циркуляр московского градоначальника от 14 декабря 1906 г. № 17448.

За начальника отделения помощник ротмистр Колоколов.

Протокол обыска в квартире М. Н. Покровского в Москве 2 июня 1907 г.

1907 года, июня 2 дня, в г. Москве, я, помощник пристава 3 участка Сущевской части губернский секретарь Бунар, по распоряжению г. московского градоначальника, переданному в отношении охранного

[1] Публикуемые документы извлечены из хранящихся в Архиве революции и внешней политики дел Московского охранного отделения (№ 1217, 1907 г., «О приват-доценте М. Н. Покровском»), Московской судебной палаты (№ 4490 за 1910 г., №№ 14 и 62 за 1913 г.), Московского комитета по делам печати (№ 118 за 1912 г.). Документы подготовлены к печати бригадой научных работников Архива революции и внешней политики.

отделения от 1 июня 1907 года за № 8516, прибыв в 4 часа утра в дом № 56, бывший Фидлер, по Долгоруковской улице, в квартиру № 24, занимаемую приват-доцентом Московского университета Михаилом Николаевичем Покровским, произвел в присутствии ниже подписавшихся понятых, в порядке ст. 258 уст. уг. суд., тщательный и всесторонний обыск во всей квартире Покровского. Квартира состоит из 5 комнат, кухни, передней и коридора и ватерклозета. Ко времени моего прибытия для производства обыска в квартире находилась жена Покровского Любовь Николаевна Покровская, спавшая в своей комнате и прописанная, прислуга — волоколамская мещанка Васса Аполлонова Дятлова, спавшая в отдельной комнате и прописанная, и студент Московского университета Леонид Александрович Плавтов, 24 лет, непрописанный, прибывший в Москву, по его словам, два дня тому назад из Кунцево, из дачи Бухбендера, близ станции, постоянно живет в Уфимской губернии, едет в Крым, не прописан потому, что в Москве проездом, у Покровских остановился только для того, чтобы пойти в университет и возвратить туда входной билет. Все находящиеся в квартире лица были также обысканы, но у них ничего подлежащего отобранию не обнаружено.

Подлежащий задержанию Покровский в доме бывший Фидлер, ныне страхового общества «Россия», не прописан и по домовой книге значится выбывшим заграницу 25 апреля сего года. Спрошенная по этому поводу жена Покровского Любовь Николаевна Покровская объяснила, что она не знает, где в настоящее время проживает ее муж. По другим сведениям, Покровский из заграницы возвратился и дней 10 тому назад заезжал в свою квартиру на 1 час.

Плавтов предъявил в удостоверение своей личности свидетельство, выданное Московским университетом 3 февраля 1907 года, за № 7159, сроком по 1 сентября 1907 года, явлен 15 февраля сего года по дому Пенкина 2 уч. Тверской ч. и 18 марта по дому Румянцева-Смирнова 2 уч. Арбатской ч. О чем и составлен сей протокол.

Помощник пристава 3 уч. Сущев. части Бунар.

Понятые: швейцар дома страхового общества «Россия» кр. Курмышевского у., Чембелеевской вол., с. Чембелей, Арифулла Ибраимов и проживающий по Бахметьевской улице в доме Карлович кр. Новосильского у., Понинской вол., сельца Рахнинского, Грачев.

Любовь Николаевна Покровская.

Леонид Александрович Плавтов.

ВѢДОМОСТЬ

о лицахъ, подлежащихъ розыску

Составлена марта 20 дня 190[illegible] года

По порядку, имя, отчество и фамилія.	1) Захаръ [illegible] ПОКРОВСКІЙ
[illegible]	[illegible] изъ дворянъ Московскаго [illegible] [illegible] пребыванія не извѣстно.
[illegible]	Свѣдѣній не имѣется.
[illegible]	
Примѣты.	Роста [illegible], брюнетъ [illegible] лицо чистое, [illegible] [illegible]
[illegible] фотографическая карточка [illegible]	Не имѣется.
[illegible]	[illegible] была арестована [illegible] [illegible]
[illegible]	Московскимъ Губернскимъ Жандармскимъ Управленіемъ [illegible] привлеченъ къ формальному дознанію [illegible]
[illegible]	[illegible] по 102 ст. Угол. Улож.
Что надлежитъ сдѣлать [illegible] по разысканіи?	[illegible] препроводить въ распоряженіе Начальника Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія.

Генералъ-Лейтенантъ [signature]

Начальникъ [illegible] Губернскаго Жандармскаго Управленія

№ 7228

Ведомость о лицах, подлежащих розыску.

Составлена марта 20 дня 1909 г.

	№ по порядку, имя, отчество и фамилия	Михаил Николаевич Покровский.
а	Подробное звание, год, месяц, число и место рождения, вероисповедание, профессия и последнее место службы.	Приват-доцент Московского университета. Остальные сведения не известны.
б	Звание, имя, отчество и фамилия отца и матери (также ее девичья фамилия), а если незаконнорожденный или усыновленный— отмечается особо, и находятся ли в живых и где проживают?	Сведений не имеется.
в	Братья, сестры и прочие известные родственники и где они проживают?	Тоже.
г	Приметы.	Роста ниже-среднего, полный, лицо чистое, носит пенснэ, цвет волос светлорусый.
д	Имеется ли фотографическая карточка и не подвергался ли антропометрическому измерению или дактилоскопическому исследованию, где и когда?	Не имеется.
е	Последнее местожительство и преступная специальность или принадлежность к партии, напр., социал-революционер, анархист и т. п.	Город Москва, был делегатом на Лондонском социал-демократическом съезде от Московской окружной организации Р. С.-Д. Р. П. под фамилией Домов, социал-демократ.

ж	Каким жандармским управлением или судебным учреждением или должностным лицом и где именно привлечен?	Московскимгубернскимжандармским управлением привлечен к формальному дознанию в качестве обвиняемого.
з	В чем именно или по каким статьям закона обвиняется?	Обвиняется по 102 ст. угол. улож.
и	Что надлежит сделать и кого именно уведомить по розыскании?	Подвергнуть обыску и аресту, о чем уведомить начальника Московского губернского жандармского управления.

Верно. Ротмистр Зотов.

Генерал-лейтенант

От начальника Московского губернского жандармского управления. № 3238.

В департамент полиции.

По регистрационному отделу.

Постановление судебного следователя Московского окружного суда по особо важным делам от 25 марта 1910 г. о привлечении М. Н. Покровского в качестве обвиняемого по делу о Московской организации Р. С.-Д. Р. П.

1910 года, марта 25 дня, судебный следователь Московского окружного суда по особо важным делам Вольтановский, рассмотрев дело о Московской организации Р. С.-Д. Р. П., по ликвидациям 1906 1907 гг., нашел: у привлеченного по этому делу и ныне уже осужденного Грецова, среди конспиративных адресов Московской социал-демократической организации, в том числе и таких, какие оказались и у его сопроцессницы Елены Соколовой, был обнаружен написанный почерком обвиняемого и также уже осужденного Леонида Покровского следующий адрес: «Долгоруковская, д. Фидлер, кв. 24. Спросить Михаила Николаевича. От Степана. Покровский.» По указанному адресу оказался на жительстве приват-доцент императорского Московского университета Михаил Николаевич Покровский. Произведенный

у него в свое время обыск не дал положительных результатов, почему Покровский к следствию в качестве обвиняемого вместе с другими, ныне уже осужденными, лицами привлечен не был. Из дела видно, что означенный Михаил Николаевич Покровский был сотрудником социал-демократической газеты «Светоч», каковое обстоятельство он признал сам при допросе его на следствии в качестве свидетеля, не говоря уже о том, что имя его значится в заголовке названной газеты в числе сотрудников. Привлеченный к формальному дознанию, производившемуся при Московском губернском жандармском управлении по делу о Московской окружной организации, Григорий Алексеев Саминин, чистосердечно сознавшийся в участии в названном преступном сообществе, выдал некоторых других членов названной организации и, между прочим, оговорил Михаила Покровского, который, по его словам, состоял членом Московского комитета социал-демократической партии и в качестве такового был, во-первых, делегатом на партийном съезде, происходившем весною 1907 года в Лондоне, а во-вторых, принимал участие в конференциях окружной организации, между прочим на происходившей 17 июня 1907 года в г. Москве, близ Шаболовской больницы.

Привлеченный к формальному дознанию Михаил Покровский розыскан не был, а, по сведениям Московского охранного отделения, он скрылся за границу.

Принимая во внимание, что по всем приведенным данным приват-доцент Михаил Николаевич Покровский вполне изобличается ныне в участии в преступном сообществе, членами коего состояли указанные выше Грецов, Леонид Покровский и Соколова, на основании 296 и 386 ст. ст. уст. уг. суд., постановил: означенного Михаила Николаевича Покровского привлечь в качестве обвиняемого по делу о Московской организации Р. С.-Д. Р. П., по ликвидациям 1906 и 1907 гг., представив вместе с тем Московской судебной палате о сыске его через публикации и сообщив департаменту полиции о повсеместном его розыске.

С подлинным верно.
Судебный следователь В о л ь т .

Сообщение Московского охранного отделения о М. Н. Покровском судебному следователю Московского окружного суда по важнейшим делам от 18 октября 1910 г. № 257475.

Бывший приват-доцент Московского университета и преподаватель некоторых среднеучебных заведений в Москве дворянин Михаил Николаев Покровский, родившийся 17 августа 1868 года, известен

отделению как имевший сношения с лицами политически неблагонадежными с 1902 года.

23 декабря 1905 года названный Покровский был безрезультатно обыскан вследствие имевшихся негласных сведений о прикосновенности его к хранившемуся будто бы в доме Курникова, по Долгоруковской ул. (где он проживал), оружию.

15 июля 1906 г. Покровский вновь без дальнейших последствий был обыскан по адресу его, обнаруженному у Алексея Грецова, члена «Комитета вольного состава военных организаций», причем по обыску у Покровского была обнаружена брошюра «Манифест анархистов-коммунистов».

Затем в 1907 году, вследствие сведений, что делегатом от московской организации на Лондонском съезде Р. с.-д. рабочей партии был под псевдонимом «Домов» приват-доцент Московского университета Михаил Николаев Покровский, он подлежал аресту, но до обыска (2 июня сего года) успел скрыться, в квартире же, где оставалась проживать жена его, ничего относящегося к делу обнаружено не было.

В настоящее время, согласно розыскному циркуляру департамента полиции от 12 июня 1909 года № 151379—47 ст. 84, в случае обнаружения Покровского, надлежит его обыскать и арестовать и уведомить Московское губернское жандармское управление, разыскивающее его по делу о московской окружной организации Р. с.-д. р. партии.

О местопребывании Покровского в делах отделения имеется сообщение начальника финляндского жандармского управления от 18 сентября 1909 года, № 1230, что Покровский 26 августа того же года выехал из Финляндии в Швецию через Торнео, предполагая затем поехать в Берлин.

За начальника отделения ротмистр Турчанинов.

Сообщение Московского охранного отделения о М. Н. Покровском судебному следователю Московского окружного суда по важнейшим делам от 23 ноября 1911 г. № 307017.

Дополнительно сообщения от 18 октября 1910 г. за № 257475 отделение уведомляет ваше высокородие, что выехавший в 1909 году заграницу разыскиваемый департаментом полиции бывший приват-доцент Михаил Николаев Покровский, по сведениям за 1911 г., состоял лектором пропагандистской школы социал-демократов в Болонье.

Других сведений к выяснению местожительства названного Покровского в отделение не поступало.

За начальника отделения помощник подполковник Турчанинов.

Отношение Московского комитета по делам печати на имя прокурора Московской судебной палаты от 17 июля 1906 г. об утверждении ареста, наложенного на брошюру М. Н. Покровского «Экономический материализм» [1]).

Копия.

Господину прокурору Московской
судебной палаты.

Главное управление по делам печати при предписании от 2 сего июля за № 5968 препроводило в Московский комитет по делам печати, в числе других изданий, брошюру под заглавием «Лекции и рефераты по вопросам программы и тактики социал-демократии. Выпуск III. М. Покровский. Экономический материализм. Москва. 1906 г. Типография торгового дома А. Печковский, П. Буланже и К-о (Москва, Пантелеевский переулок, соб. дом, № 53). Цена 10 коп.», и предложило комитету рассмотреть эту брошюру по существу ее содержания и, поступив в дальнейшем согласно требованиям закона, о последующем донести Главному управлению.

Рассмотрев означенную брошюру в заседании 15 сего июля, комитет нашел в ней нижеследующее.

В брошюре этой идет речь о том, что «нам» будто нужна демократическая республика, потому что, якобы, «только она одна приближает час окончательной развязки» со старым строем. «Сладкие рассуждения о благодетельной роли монарха, стоящего «над классами», «примиряющего» борющиеся экономические интересы и созидающего таким образом общественную гармонию», — говорит автор, — «будет», будто, «держать нас в застое», «у мертвой точки классовой борьбы» (стр.31,32). Домогаться же такой республики, будто, следует при посредстве насильственного переворота, «ибо, — говорит автор, — Маркс и Энгельс вовсе не были мирными эволюционистами», а призывали своих последователей (в «Коммунистическом манифесте») к социальной революции, к насильственному перевороту самых громадных размеров, какой только видело человечество. Они представляли себе историю не как мирное развитие, а как «борьбу, жестокую, непрерывную борьбу между общественными классами» (стр. 3). «Идеи «Коммунистического манифеста», — говорит автор, — глубоко коренятся в самых основах того нового миросозерцания, которое пришло на смену средневековому католицизму в XVII—XVIII вв. Противоположность классовых интересов, в частности — противоположность интересов буржуазии и пролетариата», будто «была уже обоснована» еще «Сен-Симоном (1760—1825), лет за двадцать до «Манифеста» (стр. 7). «Динамика марксизма, —

[1]) ЛОЦИА.

утверждает автор, — выражается в теории классовой борьбы, как движущего начала истории» (стр. 22). Словом, только будто экономический материализм да демократическая республика обеспечивают прогресс человечества и в частности, значит, нашего государства. «Всякий же раз, — уверяет автор, — как в европейской истории мы встречаем вновь монархическую власть, мы можем быть уверены, что мы стоим у мертвой точки классовой борьбы, где два класса, одинаково утомленные продолжительной и бесплодной схваткой, ищут посредника, который бы помог им заключить временное перемирие до новой схватки». История Франции, будто, «полна примерами этого» и т. д. (стр. 32).

Находя в изложенном признаки преступления, предусмотренного п. п. 2 и 6 ст. 129 угол. улож., Московский комитет по делам печати постановил: на брошюру М. Покровского «Экономический материализм» наложить арест согласно ст. 3 отд. VI временных правил для неповременных изданий от 26 апреля 1906 года, а против ответственных по настоящему делу лиц возбудить судебное преследование по указанной выше статье уголовного закона.

Сообщая об этом, комитет имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство об утверждении ареста, наложенного комитетом на означенную брошюру, и о привлечении виновных по сему делу лиц к судебной ответственности по п. п. 2 и 6 ст. 129 угол. улож.

Об аресте инкриминируемой брошюры, а также о доставлении вашему превосходительству сведений об ответственных по настоящему делу лицах комитетом сделано надлежащее распоряжение отношением на имя старшего инспектора книгопечатания и книжной торговли в г. Москве от 15 июля текущего года за № 2520.

Экземпляр брошюры при сем прилагается.

Подлинное за надлежащим подписом.

С подлинным верно: секретарь [подпись].

Экстренная телеграмма московского градоначальника всем приставам и начальникам жандармских железнодорожных полицейских отделений от 11 сентября 1912 г.

Копия Московскому комитету по делам печати.

Предлагаю немедленно конфисковать в книжных магазинах и везде, где будут обнаружены, и доставить в мою канцелярию арестованное по постановлению Московского комитета по делам печати издание под заглавием «Русская история с древнейших времен» М. Н. По-

кровского, при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева, том пятый, издание т-ва «Мир», Москва, 1912 г., тип. «т-ва И. Н. Кушнерев и К-о.»

Вр. и. д. московского градоначальника полковник М о д л ь.

Прошение товарищества «Мир» на имя московского градоначальника от 13 сентября 1912 г.

12 сентября с. г. нам была предъявлена телеграмма вашего превосходительства с распоряжением конфисковать «Русскую историю с древнейших времен» М. Н. Покровского, при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева, т. 5-й, причем была взята у нас подписка в том, что нам объявлено о наложении Московским комитетом по делам печати ареста на вышеозначенную книгу. Так как в действительности арест наложен лишь на девятую книгу 5-го тома, а в последний входят еще книги, то благодаря опущению слов «девятая книга» распоряжение вашего превосходительства будет толковаться распространительно, т. е. что должны быть конфискованы все книги, входящие в 5-й том этого издания, что может нам причинить очень значительный материальный ущерб. Ввиду этого мы настоящим имеем честь покорнейше просить ваше превосходительство о дополнительном распоряжении с указанием, что конфискации подлежит девятая книга 5-го тома «Русской истории с древнейших времен» М. Н. Покровского, а также о замене взятой у нас подписки другой с соответствующей поправкой.

Т-во «Мир».

Член-распорядитель Л у р ь е.

Сообщение Московского комитета по делам печати в канцелярию московского градоначальника от 24 сентября 1912 г. № 3511.

Вследствие прошения т-ва «Мир» на имя московского градоначальника от 13 сего сентября по поводу ареста, наложенного Московским комитетом по делам печати на издание названного т-ва под заглавием «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского, при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева, комитет уведомляет канцелярию градоначальника, что аресту действительно подлежит не весь пятый том означенного издания, а одна только девятая книга пятого тома.

Председатель

Секретарь

Экстренная телеграмма московского градоначальника всем приставам и начальникам жандармских железнодорожных полицейских отделений от 27 сентября 1912 г.

Копия Московскому комитету по делам печати.

Дополнительно к телеграмме от 11 сего сентября о конфискации пятого тома издания под заглавием «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского, при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева, изд. т-ва «Мир», 1912 г., тип. Кушнерева, даю знать, что арест, наложенный Московским комитетом по делам печати, относится лишь к девятой книге пятого тома названного издания.

Градоначальник свиты его величества генерал-майор
Адрианов.

Заключение товарища прокурора Московской судебной палаты от 28 сентября 1912 г.

12 сентября 1912 года Московский комитет по делам печати, наложив арест на изданную в Москве книгу под заглавием «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского, при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева, том 5-й, книга 9-я, просил возбудить судебное преследование против лиц, издавших таковую, по обвинению в преступлении, предусмотренном 129 ст. угол. улож.

В подтверждение этого комитет излагает нижеследующее: названная книга открывается цитатой из книги маркиза Кюстина «Россия в 1839 году» с резким отзывом о «всепоглощающем деспотизме русского императора» (стр. 2): «В России деспотизм работает всегда с математической правильностью, и результатом этой крайней последовательности является крайнее угнетение — пишет Кюстин. — Приходишь в негодование, видя суровость этой непреклонной политики и с ужасом спрашиваешь себя: отчего в делах человека так мало человечности?» (стр. 1). Личность императора Николая I рисуется в предлежащем выпуске такими штрихами: среди всего своего антуража «тот, кто казался господином всего, играл роль первого актера»... «раболепную толпу» нужно было занять, как ни мало доставляло это удовольствия самому «живому богу» (стр. 3); «мыслительный аппарат Николая Павловича был не так устроен, чтобы видеть на большое расстояние вперед» (стр. 6); «легенда» о его железной воле объясняется командирским тоном, выработавшимся у государя на разводах (стр. 8); в действительности, 14 декабря, напр. — «он с беспомощным видом расхаживал по площади и, вместо того, чтобы распоряжаться, растерянно обнимал

и целовал подходивших к нему офицеров» (стр. 9). В революцию 48 года «весть о новой республике так подействовала на Николая, что он потерял способность к членораздельной речи» (стр. 44), и манифест, от первой до последней строчки написанный императором, «свидетельствовал о совершенном нарушении душевного равновесия у писавшего» (стр. 43). При определении отношения императорской власти к классам населения говорится, что для купечества это была «сильная рука, не очень деликатно — за шиворот — но все же помогавшая ему держаться на поверхности» (стр. 19); что касается крестьян, то «Николай носился с освобождением крестьян, но мало у него из этого вышло» (стр. 1). Вообще же, «главное свое достоинство Николай Павлович видел в том, чтобы делать ружейные приемы, «как лучший ефрейтор», и ничего так не желал своим подданным как того, чтобы каждого из них можно было произвести в ефрейторы» (стр. 129). Недопустим также тон книги и в отношении преемника Николая Павловича, императора Александра II: так, по поводу подготовительных работ по освобождению крестьян, говоря, что «с помещиков велено было взять честное слово, что они заботятся в самом деле об интересах крестьян, а не своего кармана», автор замечает: «это был грубый окрик, выражавший лишь настроение кричавшего и не имевший никакого практического значения; но если бы окрик дошел до крестьянской массы, она, конечно, с приятностью почувствовала бы, как о ней заботятся» (стр. 71).

По соображении изложенного я нахожу, что отмечаемые комитетом места книги относятся к событиям эпохи императора Николая I, обсуждая его деятельность во время этих событий и отчасти пытаясь дать общую характеристику его личности и деятельности. Если в некоторых допускаемых автором выражениях и обнаруживается критическое отношение к практиковавшейся в ту эпоху системе управления, то, во всяком случае, в них нельзя усмотреть выражения дерзостного неуважения к верховной власти вообще и, в частности, — к современной верховной власти в России.

По этим основаниям я полагал бы: не возбуждать уголовного преследования по содержанию изданной в Москве в 1912 году книги, озаглавленной «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского и др., том 5-й, книга 9-я, отменив арест, наложенный на означенную книгу комитетом по делам печати.

Настоящее заключение подлежит рассмотрению Моск. судебной палаты.

Составлено сентября 28 дня 1912 года в г. Москве.

Исп. об. товарища прокурора судебной палаты **Бируков**.

Определение Московской судебной палаты от 6 октября 1912 г.

По указу его императорского величества Московская судебная палата, по 3 уголовному департаменту, в распорядительном заседании, происходившем под председательством председателя департамента Л. Б. Шадурского, в составе членов палаты Г. Д. Вельсовского и Н. Л. Шкотта, при товарище прокурора палаты А. Ф. Микулине и при помощнике секретаря И. П. Левашеве, слушала: внесенную прокурором Московской судебной палаты при предложении от 30 сентября 1912 года за № 62—12 с заключением о дальнейшем направлении переписку об издании книги, озаглавленной «Русская история с древнейших времен», том 5-й, книга 9-я.

Рассмотрев настоящую переписку и выслушав словесное заключение товарища прокурора судебной палаты, находит, что в упомянутой книге помещены следующие выражения: «В России деспотизм работает всегда с математической правильностью, и результатом этой крайней последовательности является крайнее угнетение» (1), «Кюстин иллюстрирует свои размышления о всепоглощающем деспотизме русского императора»; (2), «ему принадлежит знаменитое определение русского образа правления, как абсолютной монархии, умеряемой убийством» (3), «положение сильнее человека и нельзя делать людей свободными при помощи абсолютизма» (80), «отеческое самодержавие давало буржуазии все, что ей было нужно: его лозунгом на берегах Невы, как и на берегах Сены, было: «обогащайтесь», — заключающие в себе дерзостное неуважение верховной власти, а также: «Император ли (Александр II), который, отрекаясь от петровщины, совместит в себе царя и Стеньку Разина» (129), — заключающее в себе оскорбление памяти усопшего царствовавшего деда царствующего императора, т. е. признаки преступления, предусмотренного 128 и 107 ст. угол. улож.

Ввиду изложенного судебная палата, не считая возможным отменить наложенный на означенную книгу арест и руководствуясь 1213—14 ст. уст. угол. суд., определяет: наложенный 12 сентября 1912 года Московским комитетом по делам печати на изданную в Москве книгу под заглавием «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского, при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева, том 5-й, книга 9-я, оставить в силе, заключение же прокурорского надзора оставить без утверждения при делах судебной палаты. Копию настоящего определения вместе с упомянутой книгой и перепиской на 4 листах возратить для исполнения прокурору с удебой палаты.

Шадурский. Шкотт.

Помощник секретаря Левашев.

Заключение товарища прокурора Московской судебной палаты от 8 декабря 1912 г.

12 сентября 1912 года Московский комитет по делам печати, наложив арест на изданную в Москве книгу под заглавием «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского, при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева, том 5-й, книга 9-я, просил возбудить судебное преследование против лиц, виновных в издании этой брошюры, по обвинению в преступлении, предусмотренном 128 ст. угол. улож.

Наложенный на означенную книгу комитетом по делам печати арест утвержден определением Московской судебной палаты от 6 октября 1912 года (л. 7).

На возникшем по этому поводу предварительном следствии осмотром упомянутой книги установлено, что она начинается выдержкой из книги путешествовавшего по России в 1839 году маркиза де Кюстина, следующего содержания: «В России деспотизм работает всегда с математической правильностью, и результатом этой крайней последовательности является крайнее угнетение. Приходишь в негодование, видя суровость этой непреклонной политики, и с ужасом спрашиваешь себя: отчего в делах человека так мало человечности?.. Мне кажется, что передо мной какой-то ветхозаветный народ, и с ужасом и любопытством в одно и то же время я стою у ног этого допотопного чудовища» (стр. 2).

По поводу этой выдержки автор говорит: «На самом деле тот, кому принадлежат эти строки, смотрел на чудовище сверху и видел не его ноги, а его спину. Живая сценка, которою Кюстин иллюстрирует свои размышления о всепоглощающем деспотизме русского императора, показывает нам петербургский «большой свет», собравшийся в чудный летний вечер на острове не для того, чтобы насладиться прогулкой, а для того, чтобы видеть пароход императрицы — удовольствие, которое никогда здесь не надоедает».

Отмечая далее, что Кюстин мог делать свои наблюдения только среди высшего круга русского общества и среди него заметил проявления «раболепства» по отношению к императору, автор высказывает: «Верхний слой дворянства был окончательно приручен, очевидно. По старой памяти Кюстин еще говорит об «ужасных антрактах», какими прерывался иногда этот «сплошной спектакль»; ему принадлежит знаменитое определение русского образа правления, как «абсолютной монархии, умеряемой убийством», и т. д. (стр. 3).

По существу дальнейшее содержание книги представляется изложением событий царствований императоров Николая I и Александра II, причем, помимо тенденциозности в описании событий и стремления

представить деятельность императоров в отрицательном освещении, — автор нередко подкрепляет свою мысль рассуждениями общего свойства, среди которых обращают на себя внимание следующие: касаясь деятельности Милютина по отношению к депутатам «второго приглашения», автор говорит, что Милютин «не хотел быть орудием камарильи, но роль такого орудия он, помимо своей воли и сознания, все же сыграл. Положение сильнее человека, и нельзя делать людей свободными при помощи абсолютизма» (стр. 80).

Описывая настроение русского общества в период, последующий за подавлением польского восстания, автор, между прочим, высказывает: «Буржуазный либерализм, казалось, так же «крепко умер», как в свое время император Павел. «Отеческое самодержавие» давало буржуазии все, что ей было нужно: его лозунгом на берегах Невы, как и на берегах Сены, было «обогащайтесь» (стр. 153).

К рассуждениям такого рода относится и приводимая автором нижеследующая выдержка из сочинений Герцена. Отмечая, что Герцен «ликовал» по случаю манифеста 20 ноября 1857 года, автор говорит, что даже после того, как стало ясно, что ...вместо эмансипации вышла экспроприация, он (Герцен) не совсем утратил свои надежды. «Кто же будет суженый? спрашивал он после 19 февраля, читая, как народ, в ответ на «волю» дошел чуть не до открытого мятежа. «Император ли, который, отрекаясь от петровщины, совместит в себе царя и Стеньку Разина? Новый ли Пестель, опять ли Емельян Пугачев?» (стр. 129).

Осмотром типографской книги типо-литографии т-ва «И. Н. Кушнерев и К-о» и показанием заведующего этой типографией свидетеля Щипанова установлено, что упомянутый выше выпуск «История России» был напечатан в количестве 5 000 экземпляров, и заказ на его напечатание был сделан издательством товарищества «Мир» в лице его представителя и участника лекаря Лейбы Ароновича (Льва Аркадьевича) Лурье, который являлся в названную типографию и вел все переговоры по поводу напечатания упомянутой книги (л. л. 9—10).

Из сообщения старшего инспектора книгопечатания и книжной торговли в г. Москве видно, что указанная выше книга распространения не получила (л. л. 11 об.).

Ввиду изложенного названному Лурье было предъявлено обвинение в преступлении, предусмотренном 1 п. 132 ст. угол. улож., причем он, будучи допрошен в качестве обвиняемого, не признал себя виновным и объяснил, что хотя и обязан был наблюдать за выходом в свет «Русской истории с древнейших времен», но редакторский труд на нем не лежал, и он не ознакомлялся с содержанием упомянутого выше выпуска этого издания. Отпечатанные гранки «Русской истории» посылались на просмотр проживающему безвыездно заграницей автору

этого сочинения, бывшему приват-доценту Московского университета Михаилу Николаевичу Покровскому, и, по присылке от него обратно, печатались без всякого изменения (л. л. 29—30, 12—13).

Это последнее объяснение обвиняемого нашло себе подтверждение в показании свидетеля Фитермана (л. л. 16). Свидетель же Сторожев показал, что в книгоиздательстве «Мир» для «Русской истории» особого редактора не имеется, а каждый автор сам проверяет присылаемую ему из конторы корректуру (л. 24).

Названный выше Михаил Николаев Покровский также был привлечен к следствию в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренном 51 и 1 ч. 132 ст. угол. улож., но остался недопрошенным на следствии, так как местожительство его обнаружено не было и лишь получены были сведения о том, что он с 1909 года проживает заграницей и что он розыскивается согласно циркуляра департамента полиции от 12 июня 1909 года и, в случае розыска, подлежит задержанию по делу об участии его, Покровского, в Московской окружной организации Российской социал-демократической рабочей партии (л. л. 33, 39 и об.).

По соображении вышеизложенного, я нахожу, что имеющие преступный характер места данной книги почти все заимствованы из сочинений, относящихся к эпохе императора Николая I и первых годов царствования императора Александра II, и притом рассеяны в книге среди изложения событий названного исторического периода, а потому представляется недоказанным, чтобы издатель, отдавая в печать означенную книгу, руководствовался при этом специальным умыслом оказать дерзостное неуважение верховной власти или же оскорбить память усопшего императора Александра II.

Сверх того, объяснение обвиняемого Лурье о том, что он не принимал участия в редактировании данной книги, осталось по делу неопровергнутым, а потому виновность названного Лурье, как издателя книги, нельзя признать установленной.

Принимая затем во внимание: 1) что обвиняемый Михаил Николаев Покровский скрылся за границу и действительное его местопребывание осталось необнаруженным и 2) что Московская судебная палата в определении своем от 6 октября 1912 года признала в содержании настоящей книги признаки преступления, предусмотренного 128 и 107 ст. угол. улож., я полагал бы: 1) уголовное преследование лекаря Лейбы Аронова Лурье по настоящему делу за недостаточностью улик дальнейшим производством прекратить, отменив принятую в отношении его меру пресечения способов уклоняться от следствия и суда — отобрание подписки о неотлучке из определенного местожительства, 2) суждение об уголовной ответственности дворянина Михаила Ни-

колаева Покровского отложить до явки или задержания его, с соблюдением правил, изложенных в 852 ст. уст. угол. суд., и 3) на основании 1213—16 ст. уст. угол. суд., 36 и 38 ст. угол. улож. постановить в судебном порядке приговор об уничтожении издания напечатанной в Москве книги под заглавием «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского, при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева, том 5-й, книга 9-я, в содержании которой усматриваются признаки преступлений, предусмотренных 128 и 107 ст. угол. улож.

Настоящее заключение подлежит рассмотрению Московской судебной палаты.

Составлено декабря 18 дня 1912 года в г. Москве.

Исп. об. товарища прокурора судебной палаты Бирюков.

Определение Московской судебной палаты от 13 июля 1913 г.

По указу его императорского величества Московская судебная палата, по уголовному департаменту, в распорядительном заседании, происходившем под председательством председателя департамента Л. Б. Шадурского, в составе членов палаты В. И. Грекова и Н. Л. Шкотта, при товарище прокурора палаты И. Н. Бирукове и при помощнике секретаря А. И. Адельфинском, слушала: дело о дворянине Михаиле Николаеве Покровском, обвиняемом по 1 ч. 132 ст. угол. улож., по вопросу о применении высочайшего указа правительствующему сенату 21 февраля 1913 года.

Рассмотрев дело, судебная палата находит: 1) что вменяемое в вину подсудимому Покровскому преступление погашается статьей 5 отдела XVIII высочайшего указа правительствующему сенату, как предусмотренное ст. 1 ч. 132 ст. угол. улож., и 2) что настоящее дело еще не разрешено судебной палатой по существу, вследствие чего, на точном основании 4 п. 16 ст. уст. угол. суд., начатое против подсудимого судебное преследование подлежит прекращению с отменой сыска Покровского и с отнесением судебных издержек на счет казны согласно 976 ст. уст. угол. суд.

Принимая затем во внимание, что гражданского иска по делу не заявлено, а вещественные доказательства — книга под заглавием «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского, при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева, том 5-й, книга 9-я, ввиду неразрешения вопроса об уничтожении издания названной книги, надлежит оставлению при деле, судебная палата, руководствуясь XXIX отделом названного высочайшего указа, определяет: уголов-

ное преследование дворянина М. Н. Покровского по сему делу прекратить, судебные издержки принять на счет казны, вещественные доказательства оставить при деле и сыск Покровского прекратить.

Копию сего определения передать прокурору судебной палаты для сведения и распоряжения об исполнении.

Ш а д у р с к и й.
Ш к о т т.

Заключение товарища прокурора Московской судебной палаты от 21 марта 1913 г.

19 февраля 1913 года Московский комитет по делам печати, наложив арест на изданную в Москве в феврале 1913 года книгу под заглавием «Русская история», том 5-й, книга десятая, издание т-ва «Мир», просил прокурора Московской судебной палаты возбудить судебное преследование против лиц, издавших означенную книгу, по обвинению в преступлении, предусмотренном 2 п. 129 ст. угол. улож.

В подтверждение этого обвинения комитет ссылается на нижеследующие основания: книга десятая 5-го тома «Русской истории», издания т-ва «Мир», занята главным образом изложением революционных движений в России конца минувшего и начала настоящего столетия при прямом сочувствии революционерам. Полиция «натаскивалась» на революционеров (стр. 206), а «казней было гораздо более, чем покушений — неизмеримо более, чем убийств. С августа 1878 года по декабрь 1879 года было казнено семнадцать революционеров, а со стороны правительства за этот промежуток времени пали только двое: харьковский генерал-губернатор князь Кропоткин и шеф жандармов Мезенцев. Тут уже не «смерть за смерть», а смерть за десять смертей. Желябов правильно резюмировал положение, сказав: «Мы проживаем капитал». Сосредоточение, наконец, всех покушений на одном лице народовольцы считали поэтому при данных условиях неизбежным» (стр. 199). И через страницу мы находим (в примечании) перечень всех покушений на императора Александра II — как картину, живописующую всю энергию деятельности революционеров, причем выше в тексте (стр. 201) встречаем симпатизирующие отзывы о революционном энтузиазме Желябова (величаемого по имени и отчеству). Политика Лорис-Меликова определяется, между прочим, так: «Он понимал, что у него не отвалится язык от лишней либеральной фразы; ну, а затем — человек, действительно порядочный, мысль, действительно независимая — трепещи» (стр. 204). От начала XX века достаточным представляется привести такие выдержки: «Только приведение в действие диких «временных правил» 1899 г. вынудило московскую сходку 9 фев-

раля принять такую резолюцию: «считая ненормальность существующего академического строя лишь отголоском общего русского бесправия, мы откладываем навсегда иллюзию академической борьбы и выставляем знамя общеполитических требований» (стр. 359); наличность же «революционного рабочего движения сделала движение студенческое окончательно и бесповоротно революционным» (стр. 360). Но зато «буржуазия» теперь «сомкнулась в одну сплошную реакционную массу; когда крестьянское движение обнаружило явную тенденцию взяться сначала не за политическую вершину дворянского государства, а за его экономическое основание, единственный буржуазный попутчик революции быстро отстал и прибег даже снова к весьма оригинальной форме правительственного «воспособления», арендуя, на льготных условиях, казенные пулеметы для защиты своих имений от тех самых, на ком строила все свои надежды народническая революция» (стр. 365). При таком положении вещей едва ли только исторический интерес можно признать и за народовольческой прокламацией к «земским людям», помещенной на стр. 202 предлежащего выпуска: «Нам ли одним предстоит вынести на своих плечах задачу переживаемой родной страной минуты? Так пусть же помнят земские люди, что в наших руках есть только одно средство — террор. Не с легким сердцем мы к нему прибегаем, нас вынуждает к тому сила обстоятельств и бессилие людей. Будет еще кровь — будем мы казнить. Ответственность за эту кровь падает не только на обезумевшее правительство, а и на тех, кто, сознавая неотложную потребность родины (как сознают ее либеральные земские люди) и имея в руках другие, мирные и легальные средства борьбы, прячутся по норам, как только на них прикрикнут: «Молчать! руки по швам!».

Затем в дополнительном сообщении от 7 марта с. г. комитет просил возбудить против лиц, издавших настоящую книгу, судебное преследование по 1 параграфу 129 ст. уг. улож. ввиду помещения в книге упомянутой выше фразы из прокламации к «земским людям»: «Так пусть же помнят земские люди, что в наших руках есть только одно средство — террор».

По соображении изложенного я нахожу, что инкриминируемая книга посвящена изложению событий русской истории последней четверти XIX столетия, а потому представляется естественным, что автору приходится касаться революционных движений, проявившихся в России в этот период времени, и в частности — движения, возникшего среди студенчества (стр. 359, 360 и др.). При этом перечисление отдельных выступлений революционеров (как, например, покушений на императора Александра II (стр. 201), являющихся, по большей части, фактами общеизвестными, не может иметь преступного характера. Из числа

воззваний, исходивших от партийных организаций, в книге приведена лишь прокламация партии «Народной воли» к земским людям (стр. 202), причем хотя прокламация эта могла бы сама по себе иметь преступный характер, но, относясь к довольно отдаленному периоду революционного движения в России и будучи приведена в виде исторического документа, она утрачивает значение воззвания, могущего возбуждать к ниспровержению современного государственного и общественного строя или к учинению бунтовщического деяния. Наконец, прочие отмеченные комитетом места книги представляют лишь отчасти тенденциозные рассуждения о деятельности правительства в борьбе с революционным движением (199, 206), о деятельности отдельных правительственных деятелей (напр., графа Лорис-Меликов на стр. 204) или же об отношении буржуазии к революционному движению, в особенности — крестьянскому (стр. 365).

При этом нельзя не иметь ввиду, что отмечаемые комитетом места рассеяны среди многих десятков страниц, имеющих характер вполне объективного исторического исследования, и что они помещены в составе обширного издания, которое, по своему свойству, предназначено к обращению среди довольно узкого круга читателей.

По этим основаниям я полагал бы: не возбуждать уголовного преследования по содержанию изданной в Москве в феврале 1913 г. книги, под заглавием «Русская история», том 5-й, книга десятая, издание т-ва «Мир», отменив арест, наложенный на эту книгу комитетом по делам печати.

Настоящее заключение подлежит рассмотрению Московской судебной палаты.

Составлено марта 21 дня 1913 г. в г. Москве.

Исп. об. товарища прокурора Бирюков.

Определение Московской судебной палаты от 29 апреля 1913 г.

По указу его императорского величества Московская судебная палата, по 3 уголовному департаменту, в распорядительном заседании, происходившем под председательством председателя департамента Л. Б. Шадурского, в составе членов палаты Н. Л. Шкотта и В. В. Терзиева, при товарище прокурора палаты А. М. Лопатине и при помощнике секретаря И. П. Левашеве, слушала: заключение исполняющего обязанности товарища прокурора Московской судебной палаты от 21 марта 1913 года о прекращении уголовного преследования по содержанию изданной в Москве в феврале 1913 года книги под заглавием «Русская история», том 5-й, книга десятая, издание т-ва «Мир».

Рассмотрев настоящую переписку и выслушав словесное заключение товарища прокурора, судебная палата находит, что в упомянутой книге помещены следующие выражения: Полиция «натаскивалась» на революционеров (стр. 206), а «казней было гораздо более, чем покушений — неизмеримо более, чем убийств. С августа 1878 года по декабрь 1879 года было казнено семнадцать революционеров, а со стороны правительства за этот промежуток времени пали только двое: харьковский генерал-губернатор князь Кропоткин и шеф жандармов Мезенцев. Тут уже не «смерть за смерть», а смерть за десять смертей. Желябов правильно резюмировал положение, сказав: «Мы проживаем капитал». Сосредоточение, наконец, всех покушений на одном лице народовольцы считали поэтому при данных условиях неизбежным» (стр. 199). «Считая ненормальность существующего академического строя лишь отголоском общего русского бесправия, мы откладываем навсегда иллюзию академической борьбы и выставляем знамя общеполитических требований» (359). Наличность же «революционного рабочего движения сделала движение студенческое окончательно и бесповоротно революционным» (стр. 360). Но зато «буржуазия теперь сомкнулась в одну сплошную реакционную массу; когда крестьянское движение обнаружило явную тенденцию взяться сначала не за политическую вершину дворянского государства, а за его экономическое основание, единственный буржуазный попутчик революции быстро отстал и прибег даже снова к весьма оригинальной форме правительственного «воспособления», арендуя, на льготных условиях, казенные пулеметы для защиты своих имений от тех самых, на ком строила все свои надежды народническая революция». При таком положении вещей едва ли только исторический интерес можно признать и за народовольческой прокламацией к «земским людям», помещенной на стр. 202 предлежащего выпуска: «Нам ли одним предстоит вынести на своих плечах задачу переживаемой родной страной минуты? Так пусть же помнят земские люди, что в наших руках есть только одно средство — террор! Не с легким сердцем мы к нему прибегаем, нас вынуждает к тому сила обстоятельств и бессилие людей. Будет еще кровь — будем мы казнить. Ответственность за эту кровь падает не только на обезумевшее правительство, а и на тех, кто, сознавая неотложную потребность родины (как сознают ее либеральные земские люди) и имея в руках другие, мирные и легальные средства борьбы, прячутся по норам, как только на них прикрикнут: «Молчать, руки по швам», — т. е. признаки преступления, предусмотренного 129 ст. угол. улож.

Ввиду изложенного судебная палата, не считая возможным отменить наложенный на означенную книгу арест и руководствуясь 1213—14 ст. уст. угол. суд., определяет: наложенный арест 19 февраля 1913 г.

Московским комитетом по делам печати на изданную в Москве книгу под заглавием «Русская история», том 5-й, книга десятая, издание т-ва «Мир» оставить в силе, заключение же прокурорского надзора оставить без утверждения при делах судебной палаты. Копию настоящего определения вместе с упомянутой книгой и перепиской на 5 листах возвратить для исполнения прокурору судебной палаты.

С подлинным верно. За секретаря [подпись].

Прошение товарищества «Мир» в Московскую судебную палату от 6 июня 1913 г.

В настоящее время, вследствие наложения ареста, из многочисленных изданий нашей фирмы подверглись задержанию два последних выпуска «Русской истории», составляющих последний — 5-й том обширного, стоящего 25 рублей, издания «Русской истории с древнейших времен». Этим арестом поставлена в чрезвычайно затруднительное положение фирма, которая по изданию «Русской истории», тесно связанному с другими, не менее объемистыми и даже еще более дорогими изданиями, состоит в договорных отношениях с целым рядом лиц, подписчиков на издания, которые, как можно судить уже по довольно высокой цене наших изданий, принадлежат к наиболее состоятельным слоям русской читающей публики и которые, уплатив нам значительную часть подписной суммы, весьма настойчиво требуют окончания этих изданий. Ввиду этого при настоящем положении дела фирма находится под страхом предъявления к ней целого ряда исков, а это в свою очередь, не может не отразиться не только на материальном благосостоянии фирмы, но и на ее престиже в условиях русского рынка.

Все это заставляет фирму вновь почтительнейше ходатайствовать перед Московской судебной палатой о незамедлительном по возможности рассмотрении вопроса о задержании двух означенных выпусков «Русской истории» и об освобождении их из-под ареста.

Настоящее прошение верю подать поверенному фирмы присяжному поверенному Николаю Константиновичу Муравьеву.

Т-во «Мир». Член-распорядитель Л у р ь е.

Приговор Московской судебной палаты от 18 октября 1913 г.

1913 года, октября 18 дня, при товарище прокурора А. И. Галиновском и при и. д. секретаря Е. М. Хмелевском, приговор сей объявлен, на основании 829 ст. уст. угол. суд., с соблюдением порядка, указанного в 832—842 ст. ст. того же устава.

При объявлении приговора из участвующих в деле лиц никого не было.

Член палаты Т е р з и е в.

Приговор.

1913 года, сентября 19 дня, по указу его императорского величества, Московская судебная палата, по 3 уголовному департаменту, в судебном заседании, в составе: председателя департамента Л. Б. Шадурского, членов палаты: С. Е. Громова и В. В. Терзиева, при и. д. секретаря Е. М. Хмелевском, в присутствии товарища прокурора палаты А. И. Галиновского, слушали: дело об уничтожении издания книг «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского, при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева, издание т-ва «Мир», Москва, том V, книги девятая и десятая.

Определениями Московской судебной палаты от 6 октября 1912 года и 29 апреля 1913 года утверждены аресты, наложенные на вышеуказанные книги Московским комитетом по делам печати.

Выслушав доклад, прения сторон и обсудив все обстоятельства дела, судебная палата находит: I) что книга 9-я, том V, «Русская история с древнейших времен» начинается выдержкой из книги путешествовавшего по России в 1839 году маркиза де-Кюстина, и в ней говорится: «В России деспотизм работает всегда с математической правильностью, и результатом этой крайней последовательности является крайнее угнетение. Приходишь в негодование, видя суровость этой непреклонной политики, и с ужасом спрашиваешь себя: отчего в делах человека так мало человечности?.. Мне кажется, что передо мной какой-то ветхозаветный народ, и с ужасом и любопытством в одно и то же время я стою у ног этого допотопного чудовища» (стр. 2). По поводу этой выдержки автор говорит: «На самом деле тот, кому принадлежат эти строки, смотрел на чудовище сверху и видел не его ноги, а его спину. Живая сценка, которою Кюстин иллюстрирует свои размышления о всепоглощающем деспотизме русского императора, показывает нам петербургский «большой свет», собравшийся в чудный летний вечер на острове не для того, чтобы насладиться прогулкой, а для того, чтобы видеть пароход императрицы — удовольствие, которое никогда здесь не надоедает». Отмечая далее, что Кюстин мог делать свои наблюдения только среди высшего круга русского общества и среди него заметил проявления «раболепства» по отношению к императору, автор высказывает: «Верхний слой дворянства был окончательно приручен, очевидно. По старой памяти Кюстин еще говорит об «ужасных антрактах», какими прерывался иногда этот «сплошной спектакль»; ему принадлежит знаменитое определение русского образа правления, как «абсолютной монархии, умеряемой убийством», и т. д. (стр. 3). По существу дальнейшее содержание книги представляется изложением событий царствований императоров Николая I и Александра II,

причем, помимо тенденциозности в описании событий и стремления представить деятельность императоров в отрицательном освещении, автор нередко подкрепляет свою мысль рассуждениями общего свойства, среди которых обращают на себя внимание следующие: касаясь деятельности Милютина по отношению к депутатам «второго приглашения» автор говорит, что Милютин «не хотел быть орудием камарильи, но роль такого орудия он, помимо своей воли и сознания, все же сыграл. Положение сильнее человека, и нельзя делать людей свободными при помощи абсолютизма» (стр. 80). Описывая настроение русского общества в период, последующий за подавлением польского восстания, автор, между прочим, высказывает: «Буржуазный либерализм, казалось, так же «крепко умер», как в свое время император Павел. «Отеческое самодержавие» давало буржуазии все, что ей было нужно: его лозунгом на берегах Невы, как и на берегах Сены, было — «обогащайтесь» (стр. 153). К рассуждениям такого рода относится и приводимая автором нижеследующая выдержка из сочинений Герцена. Отмечая, что Герцен «ликовал» по случаю манифеста 20 ноября 1857 года, автор говорит, что даже после того, как стало ясно, что... вместо эмансипации вышла экспроприация, он (Герцен) не совсем утратил свои надежды. «Кто же будет суженый?» спрашивал он после 19 февраля, читая, как народ, в ответ на «волю», дошел чуть не до открытого мятежа. «Император ли, который, отрекаясь от петровщины, совместит в себе царя и Стеньку Разина, новый ли Пестель, опять ли Емельян Пугачев?» (стр. 129);

II) что в книге 10-й, том V, «Русская история с древнейших времен» говорится главным образом о революционных движениях в России в конце минувшего и начале настоящего столетия при прямом сочувствии революционерам: полиция «натаскивалась» на революционеров (206 стр.), а «казней было гораздо более, чем убийств. С августа 1878 г. по декабрь 1879 г. было казнено 17 революционеров, а со стороны правительства за этот промежуток времени пали только двое: харьковский генерал-губернатор князь Кропоткин и шеф жандармов Мезенцев. Тут уже не «смерть за смерть», а смерть за десять смертей. Желябов правильно резюмировал положение, сказав: «Мы проживаем капитал». Сосредоточение, наконец, всех покушений на одном лице народовольцы считали поэтому при данных условиях неизбежным (199 стр.). Далее находится перечень всех покушений на императора Александра II (стр. 201), цитируются воспоминания об убийце императора Александра II Желябове, в коих о Желябове, именуемом Андреем Ивановичем, говорится в сочувственных выражениях, приводится цитата из «Народной воли». Политика Лорис-Меликова определяется, между прочим, так: «Он понимал, что у него не отвалится язык от лиш-

ней либеральной фразы, ну, а затем — человек, действительно порядочный, мысль, действительно независимая — трепещи» (стр. 204), приводится цитата из «Общественного движения»: «только приведение в действие диких «временных правил» 1899 г. вынудило московскую сходку 9 февраля 1902 г. принять такую резолюцию: «Считая ненормальность существующего академического строя лишь отголоском общего русского бесправия, мы откладываем навсегда иллюзию академической борьбы и выставляем знамя общеполитических требований» (стр. 359); говорится, что наличность рабочего революционного движения сделала студенческое движение окончательно и бесповоротно революционным (360 стр.), утверждается, что «когда крестьянское движение обнаружило явную тенденцию взяться сначала не за политическую вершину дворянского государства, а за его экономическое основание, единственный буржуазный попутчик революции — буржуазия — быстро отстал и прибег даже снова к весьма оригинальной форме правительственного «воспособления», арендуя на льготных условиях казенные пулеметы для защиты своих имений от тех самых, на ком строила все свои надежды народническая революция» (стр. 365). ... и что охваченному кольцом «усмиренных деревень» городу ничего другого не осталось как сдаться; приводится народовольческая прокламация к «земским людям» (стр. 202), где значится: «Нам ли одним предстоит вынести на своих плечах задачу переживаемой родной страной минуты? Так пусть же помнят земские люди, что в наших руках есть одно только средство — террор. Не с легким сердцем мы к нему прибегаем, нас вынуждает к тому сила обстоятельств и бессилие людей. Будет еще кровь — будем мы казнить. Ответственность за эту кровь падает не только на обезумевшее правительство, а и на тех, кто, сознавая неотложную потребность родины (как сознают ее либеральные земские люди) и имея в руках другие мирные, легальные средства борьбы, прячутся по норам, как только на них прикрикнут: «Молчать, руки по швам!».

Таким образом, в 9-й книге «Русская история с древнейших времен» хотя и встречаются места, позаимствованные из сочинений относящихся к эпохе императора Николая I и первых годов царствования императора Александра II, но в ней рассеяны тенденциозные описания исторических событий с стремлением представить деятельность императоров в отрицательном освещении, и кроме того, в этой книге заключаются дерзостное неуважение к верховной власти, оскорбление памяти усопшего царствовавшего деда царствующего императора, о котором говорится: «Император ли, который, отрекаясь от петровщины, совместит в себе царя и Стеньку Разина», — т. е. заключает в себе признаки преступления, предусмотренного 128 и 107 ст. угол. улож.

Содержание 10-й книги того же 5-го тома носит характер сочувствия революционерам и призыв к террору для ниспровержения существующего в России государственного строя, т. е. заключает в себе признаки преступления, предусмотренного 2 п. 129 ст. угол. улож.

Независимо от сего, в помещенных к тексту листках содержится в обеих книгах тенденциозное объяснение рисунков, так, например, в тексте «Памятник императору Александру III в Петербурге» говорится: «Император Александр III открыто и решительно выступил абсолютным сторонником самодержавно-бюрократического строя. Тяжелая десница первобытного строя, политически переставшего дышать, должна была давить зарождавшееся общественное сознание, не давая ему развертываться согласно естественному ходу вещей. Такого свойства исторические моменты неблагодарны для художественного резца и если не посчастливилось Москве, то удалось однако справиться с своей задачей Паоло Трубецкому для Петербурга: его замысел не только величественно прост, не только правдиво и ярко говорит о герое, но и в блистательной форме выразительно отчеканивает всю внутреннюю природу политики тринадцатилетия в ее целом... На громадном гранитном пьедестале, тяжело и грузно придавившем землю, покоится конная фигура императора, тяжело сидящего на коренастой массивной лошади... Лошадь властно и резко задержана в своем движении, она не двинется в места. Всадник сидит крепко на страже устоев, которые ему представляются исконными, единственно терпимыми и долженствующими пребывать в неподвижности; он исполнен веры в правоту своей позиции».

Ввиду изложенного и согласно 36 ст. угол. улож. и 1213—16 ст. уст. угол. суд. означенное издание подлежит уничтожению.

Переходя затем к обсуждению вопроса, подлежит ли уничтожению все издание или частью, судебная палата признает, что все вышеуказанное издание книги 9 и 10 «Русская история с древнейших времен», т. V, должно быть уничтожено во всем его объеме, за исключением лишь рисунков, так как общий характер издания находится в тесной связи с вышеприведенными местами преступного содержания а также и с содержанием листков, приложенных к рисункам. Рисунки же, как не содержащие в себе ничего преступного и имеющие значительную стоимость, могут быть сохранены.

Имеющиеся при деле вещественные доказательства надлежит препроводить в Московский комитет по делам печати.

По изложенным основаниям Московская судебная палата определяет: издание книг под заглавием «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского, при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева, том 5-й, книги девятая и десятая, издания т-ва «Мир»,

уничтожить, за исключением находящихся в этих книгах рисунков, помещенных вне текста. Вещественные доказательства препроводить в Московский комитет по делам печати.

С. Громов.

Терзиев.

Определение Московской судебной палаты от 23 ноября 1913 г.

По указу его императорского величества Московская судебная палата, по 3 уголовному департаменту, в распорядительном заседании, происходившем под председательством члена судебной палаты Г. Д. Вельсовского, в составе членов палаты С. Е. Громова и В. В. Терзиева, при товарище прокурора палаты А. Ф. Микулине и при и. д. секретаря Е. М. Хмелевском, слушала: доклад по делу о бывшем приват-доценте Московского университета Михаиле Николаеве Покровском, обвиняемом по 102 ст. угол. ул.

Выслушав означенный доклад и словесное заключение товарища прокурора, судебная палата находит, что поименованный обвиняемый Михаил Николаев Покровский, скрывшийся от следствия и суда, не мог быть отыскан ни по произведенным чрез полицию розыскам, ни после публикации, последовавшей в «Сенатских объявлениях» 7 октября 1910 года, а потому и на основании 852 ст. уст. угол. суд. определяет: приостановив суждение о Михаиле Николаеве Покровском впредь до явки или задержания его, с имуществом его поступить по правилам, предписанным в отношении безвестно отсутствующих, и копию сего определения для исполнения в чем следует сообщить прокурору палаты.

Вельсовский.

Терзиев.

И. д. секретаря Хмелевский.

Статья о сыске.

На основании 846, 847, 848 и 851 ст. уст. угол. суд., согласно определению Московской судебной палаты, розыскиваются приват-доцент императорского Московского университета Михаил Николаев Покровский в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренном 102 ст. угол. уложения.

Приметы обвиняемого: рост ниже среднего, полный, носит пенсне, лицо чистое, волосы светлорусые.

Всякий, кому известно местопребывание Михаила Николаева

Покровского, обязан указать суду, где он находится, установления же, в ведомстве коих окажется имущество обвиняемого, обязаны немедленно отдать таковое в опекунское управление.

Член судебной палаты [подпись].

Секретарь [подпись].

Указ сената Московской судебной палате от 11 января 1914 г.

По указу его императорского величества правительствующий сенат в судебном заседании слушал дело по апелляционному отзыву поверенного торгового дома Л. А. Лурье и М. Я. Фитермана, торгующего под фирмой т-во «Мир», на приговор Московской судебной палаты об уничтожении издания книги «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского, при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева, издания т-ва «Мир», в Москве, том 5-й, книги девятая и десятая [1]).

На этот приговор судебной палаты принесен был присяжным поверенным Муравьевым апелляционный отзыв, в коем он ходатайствует об отмене приговора судебной палаты или об исключении из обоих выпусков инкриминируемого пятого тома «История России» указанных в отзыве цитат, объяснений к картинкам и других мест сочинения.

Выслушав доклад дела и прения сторон, правительствующий сенат, разделяя доводы и соображения, приведенные в приговоре Московской судебной палаты, — определяет: приговор Московской судебной палаты утвердить, а апелляционный отзыв оставить без последствий, о чем названной судебной палате, с возвращением подлинного дела, послать указ. Января 11 дня 1914 г.

Обер-секретарь [подпись].

Прошение товарищества «Мир» в Московский комитет по делам печати от 3 мая 1914 г.

Т-во «Мир» издает «Русскую историю с древнейших времен» М. Н. Покровского с участием Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева. Издание должно было состоять из 10 книг, из коих выпущено восемь книг, а на 9 и 10 книги, по предложению комитета по делом печати, наложен был арест, и по постановлению суда книги подвергнуты уничтожению. Так как распространение «Русской истории» происходило по подписке и издательство обязалось дать подписчикам все 10 книг, оно, выну-

[1]) Опускаем следующее далее изложение приговора Московской судебной палаты об уничтожении 9-й и 10-й книги 5-го тома «История России с древнейших времен» от 18 октября 1913 г.

жденное выполнить свои обязательства перед подписчиками, приступило к переработке последних 2-х книг и в настоящее время отпечатало девятую книгу в измененном и переработанном виде. Представляя при сем 2 экземпляра 9-й книги, издательство честь имеет обратиться с покорнейшей просьбой о просмотре означенной книги и об указании, может ли т-во в таком измененном виде выпустить 9-ю книгу «Русской истории» в свет.

Т-во «Мир».

Член-распорядитель Лурье.

Отношение Московского комитета по делам печати на имя прокурора Московской судебной палаты от 7 мая 1914 г. № 1925.

Копия.

Т-во «Мир» издает «Русскую историю с древнейших времен» М. Н. Покровского, с участием Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева. Издание это должно было состоять из 10 книг, из коих выпущено восемь книг, а на 9-ю и 10-ю книги, по распоряжению Московского комитета по делам печати, был наложен арест, и по приговору суда обе эти книги подвергнуты уничтожению.

Так как распространение «Русской истории» происходило по подписке и издательство обязалось дать подписчикам все 10 книг, то оно, вынужденное выполнить свои обязательства перед подписчиками, приступило к переработке двух последних книг и, отпечатав в настоящее время девятую книгу в измененном виде, представило в комитет два экземпляра этой книги в новой редакции при прошении, в котором ходатайствует о просмотре означенной книги и об указании, может ли т-во в таком измененном виде выпустить 9-ю книгу «Русской истории» в свет.

Рассмотрев названную книгу в заседании 5 сего мая по докладу члена комитета действительного статского советника Генца, комитет нашел, что те места, которые отмечены были в отношении комитета на имя вашего превосходительства от 12 сентября 1912 года за № 3340, ныне исключены, а в сделанных добавлениях оснований для судебного преследования не усматривается.

Ввиду же того, что приговором Московской судебной палаты от 19 сентября 1913 года постановлено было 9-ю книгу, том 5-й, названной «Истории» уничтожить полностью, за исключением рисунков вне текста, комитет признал необходимым просить отзыва вашего превосходительства по вопросу о возможности выпуска этой книги в свет в новой, измененной редакции.

Сообщая об изложенном, с приложением одного экземпляра названной книги, комитет имеет честь покорнейше просить о последующем не оставить своим уведомлением.

Отношение прокурора Московской судебной палаты в Московский комитет по делам печати от 12 мая 1914 г. № 3444.

Вследствие отношения от 7 сего мая за № 1925, с возвращением приложения, имею честь уведомить, что разрешение вопроса о том, представляет ли собой вновь выпущенная 9-я книга «Русской истории» новое издание или представляет собой перепечатку книги, которая согласно приговору судебной палаты подлежала уничтожению, зависит не от прокурорского надзора, а от комитета по делам печати.

За прокурора судебной палаты [подпись].

Выписка из журнала заседания Московского окружного народного суда 9 августа 1918 г. о прекращении дела Московской судебной палаты о М. Н. Покровском.

Московский окружный народный суд, по 1-му уголовному отдел., в распорядительном заседании 9 августа 1918 г. выслушав дело Московской судебной палаты о приват-доценте Московского университета Михаиле Николаеве Покровском, обв. по 102 ст. уг. ул., постановил: на основании п. 2 указа Временного правительства от 17 марта 1917 г., настоящее дело производством прекратить, розыск отменить, передать в Революционный архив, уведомить об этом подсудимого.

Старший секретарь.

Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888—1903 гг.).

В L—LI томе «Красного архива» опубликована дипломатическая переписка, посвященная японо-китайской войне 1894—1895 гг., т. е. тому периоду, который характеризуется, с одной стороны, первым выступлением незаметно и быстро выросшего на японских островах нового капиталистического хищника, с другой — деятельной подготовкой к новому дальне-восточному дебюту царизма, только что стяжавшего себе достаточно громкую «славу» в средне-азиатских делах. Значение опубликованной переписки заключается в изображении той международной обстановки, с которой встретилась на Дальнем Востоке царская дипломатия.

Среди тех же материалов Китайского стола царского министерства ин. дел, которые послужили источником для упомянутой документации, хранятся также протоколы Особых совещаний, созывавшихся в ту пору для обсуждения вопросов дальне-восточной политики. Совещания эти имели своим непосредственным назначением дать для определенного момента тем или другим вопросам русской политики на Дальнем Востоке общую установку и наметить ее основные линии.

Те специальные проблемы, которым посвящены эти журналы, теснейшим образом, органически, связаны с рядом других, выраставших в ту пору перед царизмом на Д. Востоке политических и экономических проблем. Поэтому, кладя эти журналы в основу настоящей публикации, мы не сочли возможным ограничиться воспроизведением их одних и дополнили их рядом документов, хранящихся в смежных делах того же Китайского стола и освещающих основные линии царской д. восточной политики 90-х и начала 900-х гг. Формально между собой не связанные, документы эти дают однако достаточно выразительную иллюстрацию основных тенденций этой политики и намечают определенную эволюцию, какой подверглась за период 1888—1903 гг. русская д.-восточная программа, от старых целевых установок, унаследованных от феодально-крепостнической эпохи, через их индустриализацию приходящая к типично империалистической практике.

Если первоначально мы встречаемся с преобладанием в ней мотивов незамерзающего порта и частичного захвата корейской территории, в дальнейшем, с определенным разрешением вопроса о направлении Сибирской железной дороги, корейский вопрос заслоняется манчжурским — вопросом о закрытии манчжурских дверей, об эксплоатации естественных богатств Манчжурии, о южных ответвлениях Китайско-восточной железной дороги и, наконец, о вооруженном захвате манчжурских территорий, с превращением временной военной оккупации в постоянную. Публикуемые документы касаются, таким

образом, тех основных тенденций русской дальне-восточной политики 90-х — начала 900-х гг., которые привели царизм к вооруженному конфликту с Японией и в дальнейшем, — через оказавшуюся не «маленькой» и далеко не «победоносной» войну, — к ускорению его вооруженного конфликта с народом. Касаясь той международной обстановки, в которой приходилось действовать в ту пору царизму, только попутно, публикуемые документы выдвигают на первый план вопрос о тех целях, какие преследовал царизм на Дальнем Востоке, о тех методах, с какими он подходил к достижению этих целей; они ставят перед читателем вопрос об общем характере внешней политики, проводимой царизмом на рубеже XX века, а также вопрос о природе субъекта этой политики.

К 1885 году, датирующему заключительный акт Текинской экспедиции, царская Россия, обогатившись новым колониальным приобретением и упершись в афгано-памирский тупик, завершала предпринятое ею дело завоевания средне-азиатских рынков, дело, торгово- и промышленно-капиталистический смысл которого не вызывал никаких сомнений [1]).

Вызванная действиями ген. Комарова военная тревога скоро улеглась. Начались англо-русские переговоры о размежевании, закончившиеся в следующее десятилетие соглашением о разграничении сфер влияния на Памирах. Это была последняя на азиатском материке территория, остававшаяся, по выражению географа Супана, «незанятой» и, во всяком случае, «бесхозяйной» [2]).

Памирским соглашением сигнализировался в контексте азиатских дел тот факт, что наступало время «перехода от колониальной политики, беспрепятственно расширяемой на незахваченные ни одной капиталистической державой области, к колониальной политике монопольного обладания территорией земли, поделенной до конца» [3]). Касаясь вопроса о «разделе мира великими державами» и отмечая происходивший в течение последних десятилетий процесс «нивеллировки мира, выравнивания условий хозяйства и жизни в различных странах под давлением крупной промышленности, обмена и финансового капитала», Ленин считал вместе с тем необходимым не упускать из виду индивидуальных особенностей участников этого раздела, особенностей, определяемых не только степенью их экономического развития, но и соотношением классовых сил. Вопрос о том, с какими данными своего экономического и политического развития вступала в этот новейший этап капиталистических отношений царская Россия, имеет, как мы знаем, не только научно-исторический интерес: неправильная постановка вопроса об империализме в дооктябрьской России и о темпах его развития ведет к ошибкам в оценке практики революционной борьбы пролетариата в капиталистических странах, она же приводит к ложной оценке всей практики нашего социалистического строительства.

В результате критики троцкистских и полутроцкистских тенденций в концепциях Ванага, Ронина, Гольмана достигнута, как мы знаем, твердая общность в определении

[1]) М. Н. Покровский, «Русско-японская война», стр. 518.

[2]) A. Supan, «Die territoriale Entwicklung der europäischen Kolonien», 1906.

[3]) В. И. Ленин. Сочинения, (изд. 1-е) т. XIII, стр. 305.

природы русского империализма, каким он сложился к Октябрю. Этим сделано уже много, но впереди предстоит еще большая работа, но исчерпывающий марксистско-ленинский анализ тенденций развития русского империализма, характеристика основных этапов его развития, не ограничивающаяся выявлением статистических данных, даваемая на основании многогранного конкретного исторического материала, — задача, ожидающая дальнейшей углубленной разработки.

Достаточно указать на имеющиеся в нашей литературе разноречия по вопросу о том, дает ли основания свойственный 80-м 90-м гг. бурный процесс концентрации производства считать к концу 90-х гг. всю систему русского капитализма вступившей в законченную монополистическую стадию [1]). Достаточно указать на разноречия по вопросу о динамике сращивания капитала банкового и промышленного [2]). Достаточно указать на то, что вопрос о вывозе русского капитала в 90-х гг. (а в эту пору мы стоим перед фактом вывоза его в Персию и Китай) не подвергся в литературе достаточной разработке. Между тем вопрос этот — вопрос исключительной важности ввиду того политического значения, какое приобретает факт экспорта капитала, хотя бы экспортирующей стране самой приходилось прибегать к усиленному ввозу чужого капитала [3]). «Вопрос о рынках для вывоза капитала представляет, — по словам т. Сталина, — характернейшую черту империалистического этапа» [4]).

Особенно большая работа предстоит впереди в освещении марксистско-ленинской теорией империализма вопросов царской внешней политики последнего десятилетия прошлого века. Именно освещение этих вопросов приобретает особенно важное значение в связи с происходящим в ту пору интенсивным процессом сращивания иностранного банкового капитала с капиталом промышленным; именно углубленная разработка этой стороны дела дала бы ответ на многие, оставшиеся до сих пор темными, вопросы о природе русского капитализма в 90-х годах и вскрыла бы диалектику нарождения империалистических тенденций в недрах отсталого хозяйственно-политического организма царской России.

Доказывая народникам «исторически прогрессивную миссию» капитализма и свойственный ему путь «неравномерного» развития, Ленин считал необходимым для характеристики экономического развития России с особенной силой подчеркнуть, что «ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие, безмерно ухудшающие положение производителей, которые «страдают и от капитализма и от недостаточного развития капитализма» [5]).

---

[1]) Сравн. Е. Грановский, «Монополистический капитализм в России», стр. 9—53; Л. Эвентов, «Иностранные капиталы в русской промышленности», стр. 94; также Н. Рожков, «Русская история», т. XI, стр. 243—244.

[2]) Сравн. И. Гиндин, «Банки и промышленность в России до 1917 г.», стр. 58—80, и Е. Грановский, op. cit.

[3]) Л. Эвентов, op. cit., стр. 7.

[4]) И. Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 410.

[5]) В. И. Ленин, Сочинения, т. III, стр. 490.

Свой труд «Развитие капитализма в России», откуда мы цитировали приведенные выше слова, Ленин писал в 1896—1898 гг., в те годы, когда, именно, происходил бурный процесс развития русского промышленного капитализма, несшего с собой концентрацию производства, рост учредительской деятельности банков и практику личной унии. И русский исторический процесс остался бы нами совершенно непонятым, если бы из одних цифр, доказывающих факт концентрации производства, из одних данных экономической статистики, мы стали бы делать непосредственные заключения о природе тех или иных политических фактов, о характере русской политической системы, игнорируя расстановку классовых сил и всю объективную обстановку, в которой эти силы действовали [1]).

Процесс промышленного развития России протекал, как известно, в условиях господства «полу-средневековых форм земледелия» [2]), в условиях системы монопольного владения помещиками огромными земельными пространствами, в условиях той мертвой хватки помещика-крепостника, от которой пауперизировались крестьянские массы, в условиях прогрессирующего обмеления внутреннего рынка. Той мертвой крепостнической хваткой, в тисках которой нищала деревня, был зажат весь государственный аппарат — так же, как и земля, он был монополизирован помещиком-дворянином. Как разрешалось это противоречие между стремительным развитием русской промышленности и упорной задержкой в развитии производительных сил русской деревни? В какие формы выливались отношения между дворянско-феодальной реакцией и представителями промышленного капитала?

Либеральная оппозиция в течении последних трех десятилетий прошлого века рекрутировалась преимущественно из среды представителей буржуазии аграрно-капиталистической. Как отмечал в свое время Ленин, «русские предприниматели», пользовались всеми «выгодами до-капиталистических приемов хозяйства», которые «задерживают развитие капитализма и которые держатся во многих случаях силой закона» [3]). Разоряя крестьянское хозяйство, феодально-дворянское самодержавие создавало для промышленности неисчерпаемый резервуар дешевой рабочей силы. Сбрасывая налоговую тяжесть с буржуазии на плечи народных масс, правительство тем самым, через ограбление внутреннего рынка, ставило промышленность на путь зависимости от казенных заказов, прививая ей казеннокоштные навыки.

Превратив Госуд. банк в свое покорное политическое орудие, открывая широкую дорогу взяточничеству всевластного чиновничества, дворянско-феодальное самодержавие выступало в глазах буржуазии как главный источник экономической благодати. Отсюда же вытекало то обстоятельство, что русские промышленники, по признанию одного из их представителей на страницах журнала «Промышленный мир» за 1900 г., «издавна» были приучены к «осанию соски» и до сих пор «не вышли из состояния младенчества» [4]).

---

[1]) М. Покровский, «Ответ т. Томскинскому», «Вестник Ком. академии», № 15 стр., 284 — 299.

[2]) В. И. Ленин. Сочинения, т. III, стр. 285.

[3]) В. И. Ленин. Сочинения, т. III, стр. 401.

[4]) Цитируем по книге П. Берлина «Русская буржуазия в старое и новое время», стр. 141.

Политическая отсталость и дряблость — характерная черта русской промышленной, а тем более торговой буржуазии того времени. Известно, что даже в 1903 г. Витте приходилось убеждать представителей биржевых комитетов в необходимости и пользе «организованных» и «сплоченных» действий. Мы хорошо знаем, что у буржуазии с 70-х гг. были свои классовые организации в виде съездов фабрикантов и заводчиков. А во время Всероссийской Нижегор. ярмарки 1896 г. газ. «Волгарь», увлекаясь ролью аббата Сийэса, воспевала доблести русского «третьего сословия», заявляя, что «оно единственно сильное в наше время», что «оно все может»... Политическую дряблость и отсталость русской буржуазии не следует принимать за политическое бессилие, а тем более за политическое небытие. Но и констатируемое купеческой газетой «всемогущество» надо понимать также условно. «Практика такова, — говорил в 1905 г. в Совете по горно-пром. делам один из крупнейших представителей буржуазии Н. Авдаков, — что до сих пор нас никто никогда ни в чем не стеснял, и даже, напротив, мы всегда пользовались широким простором». Имея в лице промышленности дружественную державу и пользуясь выгодами роста ее, поскольку представители помещичьего землевладения, в свою очередь, превращались в держателей промышленных бумаг, самодержавие, действительно, по словам члена совета министерства финансов Кобеко, «всегда чутко прислушивалось к голосу промышленников и купечества», предоставляя к их услугам организацию переселения крестьян, легальные формы хищнической эксплоатации рабочей силы, надлежащее устройство фабричной инспектуры, блага протекционизма во всех областях производства и, наконец, когда внутренний рынок оказывался исчерпанным и выжатым, как лимон, предпринимая его расширение за счет внешнего.

К 80-м гг. аппарат самодержавной власти, сохраняя свою феодально-крепостническую природу, мирно и вместе с тем крепко срастался с развивающимся промышленным капиталом, и, если в дальнейшем между ними навремя и образовывались более или менее глубокие трещины, то на проблемах расширения рынка обе стороны всегда находили общий язык и забывали старые распри.

Говоря об условности понятий внутреннего и внешнего рынков, Ленин отмечал: «Капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства. И это свойство с громадной силой проявлялось и продолжает проявляться в пореформенной России» [1]).

Не подпуская буржуазию непосредственно к самому аппарату власти, дворянско-феодальное самодержавие работало в области внешней политики за двоих. Здесь, в этой области, и русская военщина и русская дипломатия феодального типа пользовались всей полнотой поддержки буржуазии. Здесь, в этой области, политика царского самодержавия консервировала лучше всего старые военно-феодальные традиции, облекая их, по мере надобности, в форму защиты «общенациональных» интересов и осуществления «общенациональных» задач, — облекая их в эти формы даже тогда, когда речь шла о самых неприкрытых захватах того, что плохо лежит, и—тем более тогда, когда дело

[1]) В. И. Ленин, Сочинения, т. III, стр. 485.

доходило до участия в империалистическом соревновании с прочими капиталистическими хищниками.

Говоря о необходимости различать специфические особенности капиталистических стран, участвующих в разделе мира, Ленин из числа этих участников особо выделял царскую Россию и характеризовал ее, как «страну, наиболее отставшую в экономическом отношении, в которой новейший капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических» [1]). Необходимо подчеркнуть, что Ленин давал такую характеристику царской России, исходя из сравнения ее с передовыми капиталистическими странами. По степени экономического ее развития с точки зрения всего мирового хозяйства он относил Россию к категории «средне-слабых», среднеотсталых. Касаясь того же вопроса в своей брошюре «Социализм и война», Ленин в 1915 г. писал: «В России капиталистический империализм новейшего типа вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Манчжурии, Монголии, но вообще в России преобладает военный и феодальный империализм» [2]). Этот диалектический подход Ленина к конкретным историческим фактам дает нам твердую отправную точку и надежный ключ к пониманию тех противоречий, которыми характеризуется эпоха зарождения русского империализма, а вместе с тем и тех противоречий, которые столь свойственны нашей не только экономической, но и исторической литературе, посвященной этой эпохе.

Те военно-феодальные черты, о которых говорил Ленин, как о преобладающих в русском империализме предвоенного периода, являются безусловно господствующими во всей внешней политике царизма 80—90 -х гг. Это относится, разумеется, прежде всего к ближне-восточному театру, но распространяется в значительной мере также и на Дальний Восток. «Ему (русскому государству — *А. П.*) тем легче было вести здесь (на Востоке — *А. П.*)» буржуазную политику, что для этого оно вовсе не должно было изменять своей феодальной природы.» [3]) Возьмем несколько общеизвестных эпизодов из истории этой политики. Если русскую политику 80-х гг. в Болгарии рассматривать, согласно концепции М. Н. Покровского [4]), не только как определенный этап в борьбе за проливы, но и как политику железнодорожную, а, следовательно, как определенную политику вывоза русского капитала в Болгарию (борьба Полякова и Гинсбурга с бар. Гиршем в этом смысле, действительно, весьма показательна), то вместе с тем приходится констатировать, что этот вывоз собирались проводить в таких архаических политических формах, и он оказывался в условиях данной международной обстановки настолько и экономически и политико-дипломатически неуместным, что все предприятие отходит скоро в историю с недвусмысленной квалификацией «авантюры». Обычно считают, что эта «авантюра» закончилась в 1886 г. с отъездом миссии ген. Каульбарса из Болгарии. Однако теперь на основании свежих архивных материалов мы можем сказать, что втечении и 1887 и 1888 и 1889 годов Нелидов — в Константинополе, Хитрово —

[1]) В. И. Ленин, Сочинения, т. XIII, стр. 299.

[2]) Там же, стр. 99.

[3]) См. М. Н. Покровский, «Дипломатия и войны царской России в XIX в., стр. 321.

[4]) Там же, стр. 345—355.

в Одессе настойчиво продолжают взятый царским правительством ранее курс, не покладая рук работая над организацией восстаний в Восточной Румелии, организуя, вдохновляя, наставляя и субсидируя болгарскую эмиграцию, снабжая повстанцев оружием, посылая террористов в пределы Болгарии и укрывая их [1]).

В те же 1887—1889 гг. мы имеем еще одну красочную «авантюру» — экспедицию пресловутого Ашинова в Абиссинию. Субсидируемая старообрядческим купечеством, поддерживаемая Катковым, покровительствуемая синодом, эта военно-духовная миссия, как известно, занимает на берегах Красного моря по виду беспризорную территорию и торжественно закладывает здесь станицу «Новая Москва». Захваченная, по невежеству руководителей, как «бесхозяйная», территория эта оказывается принадлежащей французам, не желающим уступить ее пришельцам. Дело завершается артиллерийским разгромом «духовной» миссии и международным скандалом, грозящим расстроить налаживающуюся франко-русскую дружбу [2]).

Через несколько лет, в 1896 г., в Петербурге на Особом совещании всерьез обсуждается нелидовский проект немедленного захвата Босфора русскими военными судами [3]). Проект этот встречает сочувственное отношение со стороны Николая II и одновремя получает косвенную поддержку со стороны Витте. Усилия творцов этого проекта разбиваются о сопротивление Франции, без согласия которой немыслимо было осуществление плана, и вся попытка становится достоянием истории, как один из «авантюрных» эпизодов царской политики того времени.

Немногим раньше, в 1893 г., список русских дипломатических «авантюр» пытается пополнить придворный аферист Бадмаев, обхаживающий Александра III со своим проектом овладения Китаем, Монголией и Тибетом. Получив от казны 2 милл. рублей на организацию частного коммерческого товарищества в Чите, долженствовавшего служить главным штабом всего начинания, Бадмаев оказывается вынужденным свернуть свое предприятие и временно сходит со сцены перед лицом надвигающихся на Д. Востоке событий [4]).

Участие царизма в этих последних, не только заканчивающееся для него неудачей, но подводящее его к краю гибели, получает также в нашей историографии общую характеристику «авантюры», а иногда даже «авантюры в квадрате».

Разумеется, у всех этих «авантюр» есть нечто общее. И не только в том, что каждая из них имеет свою длинную историю. Если исторические корни «дальне-восточной авантюры» лежат в относящихся к 1858—1860 гг. послекрымских захватах левого берега Амура, то «абиссинская авантюра» своими корнями уходит в тот же период, ибо еще в 1858 г. в министерстве ин. дел трактовался вопрос о необходимости для России обза-

---

[1]) Архив револ. и вн. политики, фонд мин. ин. дел, «Бухарест», 1887 г. № 27, № 113, № 114; 1888 г., №№ 31—35; 1889 г. №№ 36—39.

[2]) Материалы об экспедиции Ашинова подготовляются к печати и будут опубликованы в одном из следующих томов «Красного архива».

[3]) См. «Красный архив», т. XLVII—XLVIII, «Проект захвата Босфора в 1896 г.», стр. 50—70, а также С. Витте, «Воспоминания», т. I, стр. 80—84.

[4]) См. «За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева», стр. 47—87.

вестись собственной угольной базой на берегах Красного моря [1]). Об историческом прошлом проекта овладения Босфором говорить не приходится. Общим для всех перечисленных «авантюр» является их неудачный исход, что и делало их «авантюрными» в глазах не только современников, но также и некоторых историков.

Это же последнее обстоятельство подводит нас к тому общему, что было свойственно всей внешней политике царской России второй половины 80—90-х гг. и что неизменно приводило к тождественным результатам все попытки царской России, направленные к продолжению в новых исторических условиях традиционной политико-экономической экспансии.

Вывоз капитала в Болгарию принял грубо-военные формы обращения Болгарии в «Задунайскую губернию», столкнулся с противодействием Англии и уперся в стену тройственного англо-австро-итальянского средиземноморского соглашения. Искание порта на берегах Красного моря приняло формы захвата пьяной ордой казаков и монахов территории, принадлежащей одной из великих держав, в районе, где заканчивалась обостренная борьба за раздел черного материка. Под флагом элементарного до глупости босфорского проекта реставрировался давний проект Екатерины II — он непредвиденно натолкнулся на факт существования сложной, неприемлемой для царской дипломатии, организации международного контроля над турецкими финансами, осуществляемого Советом оттоманского долга. Когда, в конце 90-х гг. царская Россия подошла к вопросу о незамерзающем порте, она взяла курс на захват новых территорий на Д. Востоке, и встретила здесь мощную англо-японо-американскую коалицию, в образовании которой она долго не могла разобраться, сил которой она не дооценивала, интересов которой не учитывала, методов действий которой не понимала.

В эпоху, когда заканчивался прямой раздел мира и речь шла о его переделе, в эпоху, когда капитализм достигал своей высшей, империалистической, стадии, царская Россия вступала хотя и с зарождающимися империалистическими устремлениями, но также со всем грузом своей экономической отсталости, со всеми своими феодальными методами эксплоатации и военно-феодальными навыками в политике, унаследованными от эпохи раздела мира, и теперь, в новой, империалистической, обстановке, получающими новую питательную силу. Только тому, кто боится диалектики, с ее законом единства и борьбы противоположностей, может показаться парадоксом утверждение, что сугубо агрессивный характер русского империализма был тесно связан именно с относительной экономической и исключительною политической отсталостью царской России.

Нет никакой нужды для доказательства теоретически и политически неоспоримого тезиса о самостоятельной политике русского империализма, стараться во что бы то ни стало доказывать факт сугубо раннего его созревания и утверждать, что к рубежу XX в. царская Россия как к старту подошла в стадии законченного монополистического капитализма. Такой досрочный во что бы то ни стало выпуск русского империализма на мировую арену, как и меньшевистско-троцкистская обрисовка его, как недоноска или

[1]) Архив рев. и вн. пол., фонд мин. ин. дел, полит. архив, записка Хитрово от 1858 г.

мертворожденного, искажая историческую действительность, ничего, кроме политического вреда, принести не может. Нет сомнения в том, что самый факт существования передовых империалистических стран, что самый факт образования мирового империализма стимулировал темпы его развития.

Всем хорошо известно, что импорт иностранных капиталов в Россию в форме инвестиций и займов не только освобождал русский капитализм от необходимости начинать с азов, но уже с 70-х годов обеспечивал ему бурные американские темпы. Однако Ленин недаром, как мы видели, из числа всех «великих» или впоследствии империалистических держав, даже в 1915 г., отводил России особое, но не особенно «почетное» место. Недаром, подтверждая ленинскую характеристику русского империализма, т. Сталин говорил так: «Царская Россия была очагом всякого рода гнета — и капиталистического, и колониального, и военного, взятого в его наиболее бесчеловечной, варварской форме. Кому не известно, что в России всесилие капитала сливалось с деспотизмом царизма, агрессивность русского национализма — с палачеством царизма в отношении нерусских народов Турции, Персии, Китая — с захватом этих районов царизмом, с войной за захват. Ленин был прав, говоря, что царизм есть военно-феодальный империализм... Царизм был средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат».

Говоря о русском империализме 90-х — начала 900-х гг., надо брать его таким, каким он был тогда на самом деле, надо брать его in statu nascendi, со всей ему в ту пору свойственной «отсталостью» и «оплетенностью», со всем его неприглядным военно-феодальным лицом. Только в такой связи станет понятной и относительная зависимость его от иностранного капитала и относительная самостоятельность его политики, определяемой специфическими интересами, им преследуемыми. Совершенно несомненно, что специфичность этих интересов находилась в теснейшей связи с его «отсталостью» и получала свое выражение и в методах политики, ему присущих, в тех «самобытных» (в условиях «капиталистического империализма новейшего типа») путях, которыми он стремился итти — иногда «вопреки рассудку» международного империализма и «наперекор его стихии». А если так, то не должно казаться странным и утверждение, что самостоятельность политики русского империализма следует рассматривать не только в связи с его внутренней силой и той или иной степенью его зрелости, но также в связи с чертами его сугубой отсталости.

Эта самостоятельная политика нарождающегося империализма, «оплетенного» густою «военно-феодальною» сетью, чрезвычайно яркое выражение получает на Дальнем Востоке в период, предшествующий русско-японской войне. Очень часто события всей той эпохи рисуются в тонах психологического романа с изменой, среди главных действующих лиц которого самодержцу всея Руси отводится чисто пассивная несамостоятельная роль, причем, согласно разыгрываемой им роли, из одной зависимости он попадает в другую.

Как явствует из переписки Вильгельма с Николаем II, первая психологическая атака Вильгельма на Николая II, первое выступление Вильгельма в роли библейского дальне-восточного змия относится к 26/IV 1895 г., когда он обещал «сделать все», что

в его «власти», чтобы «охранить тыл России» [1]). Дальнейшая психологическая обработка слабоумного царя должна была, по распространенной концепции, сделать последнего активным японофобом и энтузиастом русско-германского союза. Более пристальное изучение документов показывает однако, что активности у царизма и до его романа с Берлином было достаточно, и только все та же международная империалистическая конъюнктура не дала ему возможности проявить ее до конца. Вопрос о захвате части корейской территории с незамерзающим портом на побережье стоял перед царизмом еще с 1885 г. И теперь, в обстановке 1895 г., еще 23/IV, т. е. до цитированной телеграммы Вильгельма и через неделю после японского симоносекского торжества, Хитрово сообщал из Владивостока, что «без войны заставить Японию отказаться от Ляодунского полуострова... не остается никакой надежды». Хитрово советовал примириться с создавшимся положением, потребовав лишь себе в компенсацию северную Манчжурию [2]). Совет Хитрово был для российского правительства неприемлем. Еще с февраля морское министерство держало суда Тихоокеанской эскадры «в готовности ко всяким случайностям, с полными запасами», и предлагало Тыртову «наметить себе порт корейского архипелага или Китая», как опорную базу [3]). И теперь Тыртов стал готовиться к нападению на японский флот без объявления войны [4]). Приморский генерал-губернатор минировал владивостокскую гавань и отдал распоряжение о немедленном выселении из области всех японских подданных «ввиду предстоящих военных действий» [5]). Воинственный пыл царизма был погашен временным уходом Японии с симоносекских позиций под согласованным дипломатическим давлением трех держав. Однако инициативная роль в этом деле царской России была настолько ясна, что за свое участие в нем французское правительство подверглось жестоким нападкам печати, и газ. «Autorité» в номере от 26/IV не стеснялась писать: «У России на Дальнем Востоке свои интересы, которые не имеют ничего общего с нашими... Действовать там совместно с ней неблагоразумно. Быть другом, союзником России — хорошо, но мы превращаемся в ее раба». Используя по возможности обоих героев своего романа, самодержец всея Руси умел в нужный момент давать своим поклонникам и нужный отпор. Так, на интимнейшем свидании в октябре 1901 г. в Спале с принцем Генрихом Прусским Николай II, в ответ на перешедшую все границы германскую навязчивость, дал понять, что для него окончание постройки Сибирской железной дороги это все, и что в связи с этим разрыв с Францией невозможен [6]).

Вместе с тем было бы преувеличением думать, что столь тесно сжившаяся с парижской биржей, столь многим ей обязанная, в частности, в своих дальне-восточных похождениях, царская Россия выполняла здесь безынициативную роль alter ego своего политического партнера: достаточно напомнить о том, что, основывая в 1895 г. Русско-китай-

[1]) «Переписка Вильгельма II с Николаем II», изд. Центрархива, 1923 г., стр. 7—8.
[2]) Арх. рев. и вн. пол., Кит. ст., секр. тел. Хитрово от 23/IV 1895 г.
[3]) Арх. рев. и вн. пол., Кит. ст., письмо адм. Чихачева к Шишкину от 18/II 1895 г.
[4]) См. М. Павлович «Русско-японская война», изд. 1925 г., стр. 57.
[5]) Арх. рев. и вн. пол., Кит. ст., письмо Шишкина Ванновскому от 1/V 1895 г., № 1866.
[6]) См. «Die Grosse Politik», B. 18, T. 1, №№ 5393—5399.

ский банк при помощи французских миллионов, царское правительство обеспечивало себе, при большинстве русских голосов в правлении банка, достаточное влияние на общее направление его работы. Когда, в 1897 г., в шанхайском отделении банка между французским и русским директорами банка обострились отношения, и французы стали выражать недовольство действиями русских, влиятельный агент министерства финансов Покотилов советовал русскому правительству «категорично заявить французам, чтобы они оставили нас в покое, и, если они недовольны деятельностью Русско-китайского банка, то пускай основывают свой собственный» [1]).

В период подавления боксерского движения Николай II в своих пометах любил распространяться о самостоятельных путях русской политики на Дальнем Востоке, отличных от путей западно-европейских держав [2]) . Нужно признать, что русская дипломатия, последовательно отказываясь от всяких связывающих ее свободу действий соглашений с Францией, Англией и Германией, по разным причинам искавшими в ту пору такого соглашения, именно, с Россией, в значительной мере действительно выдерживала эту самостоятельную линию [3]). И это не было только лицемерной фразой или красивым жестом — это была борьба за интересы русского империализма в манчжурском вопросе, за закрытие манчжурских дверей, за захват манчжурской территории и превращение ее в заамурскую губернию со всеми вытекающими отсюда последствиями культурно-политического и хозяйственного порядка. История русской политики на Дальнем Востоке втечении всего периода, предшествовавшего русско-японской войне, отличается, разумеется, вместе с тем и обилием таких самостоятельных, претендующих на известную самобытность акций, которые являлись характерными для методов всей русской политики этого времени: достаточно вспомнить хотя бы факт сепаратных переговоров с Китаем, строившихся на личной заинтересованности Ли хун-чжана и сорванных смертью последнего, или, картину «блестящей» военной манчжурской кампании 1900 г., так похожей на средне-азиатские кампании 60-х годов [4]).

Но самым интересным моментом во всей международной конъюнктуре того времени и характерным для русской внешней политики являлся тот факт, что после завершения расхвата великими державами китайских портов в разгорающейся вслед за тем на Дальнем Востоке империалистической борьбе за концессии царская Россия бьет рекорд в области всех выставленных притязаний и идет, не взирая на сопротивление выступающего под флагом открытых дверей империалистического блока трех держав, по кратчайшему и много раз ею испытанному пути военных захватов.

История русской политики на Дальнем Востоке интересна тем, что, как мы сказали выше, в процессе назревания и развития империалистических тенденций в обстановке происходящей «смены» старого «мирного капитализма» «немирным воинствующим ката-

---

[1]) Тел. Покотилова от 20/X 1897 г. См. Б. Романов, «Россия в Манчжурии», стр. 91.

[2]) См. подготовляемый Центрархивом к печати сборник документов «Боксерское восстание и европейские державы».

[3]) См. Б. Романов, op. cit., стр, 240—253.

[4]) М. Н. Покровский, «Русско-японская война», стр. 560—562 и «Дипломатия и войны царской России», стр. 320—345.

строфическим империализмом» [1]) происходит особое возбуждение военно-феодальных элементов.

Торжество «безобразовщины», т. е. «авантюра в квадрате», — верное тому доказательство. Но, разумеется, нет более убогого взгляда на вопрос, чем взгляд старых буржуазных радикалов, сводивших все дело к концессионной авантюре на Ялу.

Вопрос о завязавшейся в определенный момент вокруг трона борьбе противоречивых интересов различных общественных групп имеет особый интерес и особое значение. Подробный марксистский анализ этой борьбы необходим, во-первых, в плане разрешения проблемы о природе самодержавия. Но сейчас, говоря прежде всего о постигшем русский империализм на Дальнем Востоке фиаско, отбросившем царскую дальне-восточную политику в категорию авантюрных, можно смело сказать, что дело здесь, разумеется, не в одном Безобразове, как представителе придворных крепостнических групп, и дело, разумеется, не в одном Витте, как выразителе интересов промышленного капитала, и дело не в борьбе двух представлявшихся ими фракций буржуазно-феодального блока, — дело во всей той политической системе, которая проводилась всей конкретной совокупностью буржуазных и помещичьих тенденций, диалектически сплетавшихся и уживавшихся в буржуазно-феодальном блоке с его феодально-помещичьим исполнительным комитетом — царским самодержавием во главе, дело в столкновении в районе Манчжурии интересов этой системы с интересами мирового, водворявшегося на Дальнем Востоке, империалистического механизма.

Если верно то, что дело прежде всего в «военном происхождении» Сибирской железной дороги, нужной для успешного продолжения англо-русской борьбы и для новых колониальных захватов, то не менее верным становится в дальнейшем и то, что дело в той служебной роли, какую играло железнодорожное строительство с точки зрения интересов тяжелой индустрии, как не менее верно, наконец, и то, что в конечном итоге дело оказывается в диалектическом объединении этих двух моментов, получающем в лице прокладываемой трансманчжурской хорды и южно-манчжурских ответвлений в определенную эпоху определенное империалистическое выражение вывоза капитала.

В августе 1901 г., во время сепаратных переговоров России с Китаем о Манчжурии, царское правительство вырабатывает проект «частного» соглашения с Русско-китайским банком, о «преимущественном праве банка на получение в Манчжурии промышленных концессий». При этом, по мысли Витте, китайское правительство должно было взять перед банком на себя обязательство, что оно не предоставит в Манчжурии никому никаких железнодорожных и промышленных концессий, не предложив их ранее банку. Узнав об этом, видавший многие виды, Ли хун-чжан не мог удержаться от того, чтобы не сделать своему собеседнику сцены и не заявить в раздражении, что соглашение это «отдает в руки банка всю Манчжурию» [2]). Он правильно угадывал суть дела. В Манчжурии стремился развернуть свою деятельность финансовый капитал, тот самый, который уже строил Китайско-восточную железную дорогу с ее южно-манчжурским ответвлением.

---

[1]) В. И. Ленин, Сочинения, т. XIX, стр. 335.

[2]) См. Б. Романов, op. cit., стр. 318—329.

Дело Русско-китайского банка было делом вывоза русского капитала, хотя, по справедливости говоря, это было дело капитала французского. Оно было заключено в русскую военно-феодальную оболочку. То противоречие, которое существовало между природой этой оболочки и капиталистическим содержанием дела, диалектически разрешалось взаимопроникновением свойственных им тенденций, их сращиванием в единую систему русского военно-феодального империализма в Манчжурии, которая не могла выросшие между царской Россией и японо-англо-американским империализмом противоречия разрешить иначе, как в форме войны — этой последней колониальной [1]) и первой империалистической [2]) войны царской России.

Чтобы убедиться в том, что концепция об авантюризме различных придворных клик, а тем более отдельных политических деятелей является для объяснения русской дальневосточной политики не только недостаточной, но и убогой, чтобы убедиться в том, на сколько тенденции этой политики имели глубокие социально-политические корни, достаточно бросить хотя бы самый беглый взгляд на отношение к дальне-восточной проблеме непосредственно с троном не связанных и далеких от него буржуазных и мелкобуржуазных кругов. Отношение это отразилось прежде всего в повременной печати, в газетах и «толстых» журналах того времени. Оставим в стороне официозную и правую печать. Занимаемая ею в дальне-восточном вопросе позиция очень ярка и выразительна, но всякому ясно, что органы реакционных помещичьих группировок должны отличаться сугубой воинственностью, и что официозы должны отстаивать известную нам из опубликованных документов официальную правительственную линию. И «Гражданин», и «Свет», и «Новое время», и «Московские ведомости» в период японо-китайской войны проникаются в равной мере воинственными настроениями. «Гражданин» жаждет захвата незамерзающего порта в Корее, «Новое время» требует установления над последней протектората, а «Свет» — присоединения, помимо Кореи с незамерзающим портом, также и части Манчжурии.

Во время симоносекских переговоров из того же лагеря слышатся даваемые адм. Тыртову советы не медлить с вооруженным выступлением, и даже («Свет») выдвигается проект вооруженного занятия острова Иезо [3]).

Не менее активистски настроены и русские биржевые круги. В передовой «Новостей» от 20 января 1895 г. речь идет о необходимости вмешательства держав в японо-китайскую войну с целью «парализовать» успехи Японии. «Китайский вопрос, — замечает автор передовицы, — имеет несомненную аналогию с восточно-европейским вопросом. Если оказалось возможным разделить значительную часть Турции и создать из некоторых ее провинций самостоятельные государства, то тем более это возможно относительно Китая». «Теперь-то и представляется вполне удобный случай, — читаем

---

[1]) Ср. М. Н. Покровский, «Русско-японская война», стр. 606, В. И. Ленин. Соч., т. VI, стр. 39.

[2]) Ср. Е. Грановский, op. cit., стр. 149; С. Томсинский, «К вопросу о социальной природе русского самодержавия», «Вестник Ком. ак.», № 15, стр. 255—283; Ленин, Сочинения, т. XIII, стр. 99.

[3]) См. М. Павлович, op. cit., стр. 58.

в передовице той же газеты от 28 января 1895 г., — разом и без хлопот покончить с Китаем, разделив его между главными заинтересованными европейскими державами». Упускать такой момент, — по мнению газеты, — непростительно: «China delenda est!»

Значительно больший интерес представляют для нас взгляды буржуазно-либеральной печати. Если мы обратимся хотя бы, например, к такому выдержанному органу либеральной буржуазии, как «Русская мысль», то не найдем здесь, разумеется, той алармистской крикливости и экспансивности, какая характерна для всей правой печати, мы встретимся здесь с тем «профессорским» отношением к вопросу, которое требовало возникающие вопросы внешней политики разрешать в конъюнктурной связи с вопросами внутренне-политическими.

«Твердая и благоразумная политика нашего отечества и европейских держав, — писал В. Гольцев в мартовской книге журнала за 1895 г.[1]),—дает основания думать, что новорожденному японскому шовинизму не будет предоставлено широкое поле действия... Европейским государствам, вообще, а нашему отечеству, в особенности, необходимо зорко наблюдать за тем, что будет происходить в Японии и Китае. Великая Сибирская дорога усилит, конечно, наше военное положение, но важно, чтобы своевременные реформы оживили Сибирь, подняли в ней законность и охраняемую ею общественность и частную предприимчивость». В апрельской книжке того же журнала тот же обозреватель, анализируя положение, создавшееся на Д. Востоке в результате Симоносекского мира, приходит к мысли о «вероятности и желательности» вмешательства держав и о неизбежности военного столкновения с Японией в случае нежелания последней сойти с симоносекских позиций[2]). Можно было бы признать, по его мнению, независимость Кореи только в том случае, если бы это не повело к решительному преобладанию в ней японского влияния. Но признание независимости Кореи неприемлемо, так как рост японского влияния при этом в ней неизбежен, а «в таком случае исчезла бы надежда приобрести незамерзающий порт на Великом океане». «Коллективный шаг России и Франции вместе с Германией увенчался полным успехом, — пишет В. Гольцев в майской книжке «Русской мысли». Нашему отечеству представляется теперь возможность путем дипломатических переговоров приобрести незамерзающий порт на Великом океане и укрепить вполне наше политическое и военное положение»[3]).

Совершенно тождественная линия проводится социально-политическим аналогом «Русской мысли»— «Русскими ведомостями». В передовой газеты от 15/IV 1895 г. приветствуется согласованное выступление трех держав против Японии и намечаются стоящие перед царской Россией на Дальнем Востоке общие задачи: «путем реформ и ряда экономических мер поднять промышленные силы нашей тихоокеанской окраины и тем прочнее установить свой престиж в Азии и облегчить путь своей культурной задаче». Наряду с крупными задачами культуртрегерства на Дальнем Востоке газета не забывает также и о скромной задаче приобретения незамерзающего порта. В номере от 7 апреля, в статье «Результаты японо-китайской войны», мы читаем: «Вообще, был один момент,

[1]) «Русская мысль», март 1895 г., ст. В. Гольцева: «Иностранное обозрение», стр. 210—219.
[2]) «Русская мысль», апрель 1895 г., стр. 152—158.
[3]) «Русская мысль», май 1895 г., стр. 201—209.

когда Россия могла получить значительное влияние в Корее (1888 г. — *А. П.*), но этот момент, повидимому, был упущен... Во всяком случае, для нашей окраины было вполне уместным и желательным сохранить с Кореей мирные дружественные сношения, развить по возможности торговый обмен и получить, может быть, удобный незамерзающий порт на ее берегах. Необходимость такого порта для России, особенно в виду Сибирской железной дороги, признается даже иностранцами»... И автор ссылается при этом на книгу германского исследователя, признающего законность стремлений России занять не только северную часть Кореи, но и Гириньскую провинцию Манчжурии. [1])

Если русский либерализм второй половины XIX века принято рассматривать, как либерализм преимущественно аграрно-капиталистической буржуазии, то и голос либеральной печати не может, конечно, претендовать на роль выразителя взглядов русской буржуазии в целом и тем более — мелкой городской и сельской буржуазии, втечении предшествовавших десятилетий сумевшей выделить из себя отряды, решительно выступившие на борьбу с дворянско-феодальным режимом.

90-е годы, как известно, характеризуются притуплением мелкобуржуазного радикализма, с позиций революционного народовольчества сползающего на плоскость «либерального народничества».

Но, так как ни одна социальная группа не может дать больше того, чем она располагает, нам приходится при выяснении точки зрения мелкобуржуазной демократии по интересующему нас вопросу обратиться к журналу «Русское богатство», этому органу народничества «периода упадка».

Вопросам внешней политики русская радикальная печать 80—90-х гг. уделяла, как известно, мало внимания. Здесь сказывалась не только система цензурных репрессий, с особой бдительностью оберегавшая работу царской дипломатии, здесь отражались также унаследованные от предшествующих десятилетий политические традиции мелкобуржуазного революционаризма, неспособного выйти за пределы своей национальной ограниченности. Происходящая же в 90-х гг. смычка интересов мелкобуржуазной интеллигенции с интересами бурно развивающейся промышленной буржуазии, разумеется, росту политической принципиальности эпигонов народничества способствовать не могла.

Втечении всего 1895, даже 1896 года иностранный обозреватель «Русского богатства» вопросы Дальнего Востока почти обходит молчанием или ограничивается голой констатацией фактов, не выявляя своего отношения к ним. Здесь мы имеем дело с определенным «отставанием» редакции народнического органа в вопросах международной политики.

В то время, когда русский феодально-буржуазный блок делал на Д. Востоке первые шаги в своей империалистической практике, идеологи мелкой буржуазии продолжали жить внешне-политическими темами, унаследованными от предыдущей эпохи. Вопросы Бл. Востока оказываются в центре внимания иностранного обозревателя журнала втечении всей второй половины 90-х гг. И здесь находятся у журнала достаточно яркие слова и точные формулировки. Возбужденный армянскими событиями ино-

[1]) E. von Hesse-Wartegg «Korea, 1895».

странный обозреватель приходит к мысли о «необходимости» произвести «общеевропейскую оккупацию Турции, достаточно богатой для того, чтобы оплатить издержки общеевропейской оккупации» [1]). Вопросу о разделе «турецкого наследства» отдает обозреватель все свое внимание и весь свой литературный темперамент. Турки у него не что иное, как «варвары», Турция — «азиатская орда», которую Европа призвана «укротить». Этим турецким вопросом вопрос дальневосточный у него заслоняется совершенно. «Упразднение турецкого владычества, — говорит он, — едва ли не важнее всего Д. Востока» [2]). Только в конце 1898 г., когда захват Порт-Артура стал давно совершившимся фактом, когда в Китае стали обнаруживаться явственные признаки роста национального движения, народнический обозреватель решает высказаться по китайскому вопросу. Рассматривая происходящие в Китае волнения как «бунты», угрожающие «международному положению и интересам держав», он приходил к следующему заключению: «Гниение такого громадного трупа может заразить все окружающее и надолго парализовать нормальное течение дел. Интерес всей Европы, всего существующего мира — притти на помощь этому больному гиганту и, впредь до выздоровления, взять под общую опеку и охрану» [3]).

Отметим попутно одно замечание Южакова, характерное для внешне-политической ориентации мелко-буржуазных кругов в 90-х годах. Говоря о совершающемся разделе мира и о назревающем англо-германском конфликте, Южаков намечает перспективы «англо-франко-русского сближения» [4]). Образованием такой политической комбинации, по концепции Южакова, разрешится всецело и д.-восточный вопрос: «Соединенных англо-франко-русских сил на Д. Востоке совершенно достаточно для встречи всяких случайностей... Только действительно прочное соглашение между Россией, Англией и Францией может явиться комбинацией, солидно гарантирующей интересы этих держав».

В приведенной цитате для нас важно не то, что, намечая выход из дальне-восточного кризиса, Южаков попадал пальцем в небо. Здесь важно констатировать тот факт, что мелкая буржуазия того времени кладет свои симпатии на сторону одной из возможных группировок империалистических держав, на сторону будущей англо-франко-русской Антанты. Народнический публицист не был пионером в этом деле. В. Гольцев еще в 1885 г. развивал эту идею на страницах «Русской мысли». Он повторял ее теперь, в 1895 г., когда писал: «Крепкое сближение Великобритании и России было бы великим благом не только для русского и английского народов, но и для всего человечества» [5]). А более непосредственные «Новости» тогда же расшифровывали эти идеальные возможности так: «Азия велика, и России и Англии хватит на ней места» [6]).

---

[1]) «Русское богатство» 1896 г., № 4, С. Южаков, «Дневник журналиста», стр. 145—170.
[2]) «Русское богатство» 1898 г., № 10, С. Южаков, «Политика», стр. 147—166.
[3]) «Русское богатство» 1898 г., № 2, С. Южаков, «Политика», стр. 107—131.
[4]) «Русское богатство» 1895 г., № 1, С. Южаков, «Из современной хроники», стр. 186—218.
[5]) «Русская мысль» 1895 г., № 1, В. Гольцев, «1894 г. в полит. отношении», стр. 185—194.
[6]) «Новости», 1895 г., 25/II, № 55.

Какой же вывод может быть сделан из всего сказанного? В 90-х гг., в период зарождения мирового империализма, русская буржуазия начинает уже говорить словами, звучащими явно империалистически, — объективно приобретающими иногда, независимо от желания их произносящих, прямой империалистический смысл. Мелко-буржуазные политики, не идущие с пролетариатом по его последовательному революционному пути, который мог бы создать им твердую базу в крестьянских массах, объективно заинтересованных в борьбе с нарождающимся империализмом, оказываются во внешне-политических вопросах плетущимися в хвосте буржуазии.

В 90-х годах русская буржуазия во внешне-политических вопросах от мала до велика выступает в общем и целом единым фронтом с самой реакционной частью помещичьего класса. М. Н. Покровский в свое время правильно отметил, что «незамерзающий порт гвоздем сидел» в голове Николая II, положившего немало резолюций на эту тему. Теперь мы можем сказать, что мысль о незамерзающем порте была также одной из «лейтмыслей» всей русской буржуазии 90-х гг., что идеи территориальных приобретений в Корее и Манчжурии, идея участия в разделе Китая и даже план превентивного нападения на Японию носились в воздухе. Убогой голове Николая II не приходилось в данном вопросе испытывать ни малейшего напряжения: ему нужно было лишь повторять много раз слышанное.

Допуская на минуту недопустимое, мы можем сказать, что в 90-х гг. воинственный редактор газеты «Свет» Комаров мог, в случае нужды, с успехом заменить в деле нападения на японский флот адмирала Тыртова, что редактор либеральной «Русской мысли» Гольцев мог с успехом наложить за Николая II ряд резолюций о незамерзающем порте, что даже народнический публицист Южаков мог с успехом заменить Муравьева при подписании англо-русского соглашения о разделе Китая на сферы влияния.

Русская либеральная и особенно «радикальная» буржуазия, как известно, изменила в дальнейшем на время свое отношение к царской политике в дальне-восточных делах. Но это относится только к началу 900-х гг., ко времени нарастания промышленного кризиса, толкающего буржуазию в условиях подъема рабочего и крестьянского движения к временной половинчатой оппозиции всему политическому режиму. Тогда началась, как известно, буржуазная критика себестоимости царской дальне-восточной политики, и, после исторических неудач царизма 1904—5 годов, той же либеральной и радикальной буржуазией, которая не так давно принимала посильное участие в обосновании, защите и развитии царской дальне-восточной политики, с легкой руки Витте, была пущена в оборот легенда об особых специальных виновниках войны.

Рассмотрение вопроса об отношении различных фракций буржуазии к царской дальне-восточной политике в этот интересный предреволюционный период лежит за пределами настоящего краткого очерка. Ограничимся в заключение несколькими замечаниями.

Выше мы говорили о характерной для русской промышленности 90-х годов бурной концентрации производства. Мы отмечали также свойственный той же эпохе факт обнищания деревни, оскудения внутреннего рынка, роста эксплоатации наемного труда.

Что же из этого следовало?

Это приводило, как известно, к бурному численному росту промышленного пролетариата, к быстрому развитию его классового самосознания и организованности, к интенсивному процессу оформления его классовой идеологии, к закалке его партийного руководства, это приводило к стремительному превращению в эти годы русского пролетариата из класса «в себе» в класс «для себя», способный вести за собою миллионные крестьянские массы. Выше мы указывали на то, что, пользуясь всеми выгодами докапиталистических приемов хозяйства, русская буржуазия мирно уживалась с дворянско-феодальной властью. Теперь мы можем сказать что «политическая дряблость» русской буржуазии, «зависимой от казенных заказов», усугублялась «революционностью пролетариата» [1]), что это толкало буржуазию непосредственно в объятия феодальной реакции, что, многократно усиливаясь, последняя с тем большей энергией проводила общую для буржуазно-феодального блока монополистическую программу в Манчжурии и тем ускоряла свой большой выход на мировую империалистическую арену.

Что же из этого вытекало?

Отсюда должен был вытекать тот общеизвестный факт, что, когда, во время японской войны, пролетариат поднял знамя восстания против самодержавия, восстание это стало перерастать в восстание против империализма. Отсюда должна была вытекать и вся та роль, какую в дальнейшем развертывании революции сыграла либеральная буржуазия с ее «программой измены», с ее «жаждой сделки со старой властью» [2]). Популярная в буржуазных кругах концепция о виновниках неудачной войны, своего рода теория «Kriegsschuldfrage» в национальном масштабе, объективно играла роль прикрытия власти от ярости рабочего класса. И нужно сказать, что концепция эта пользовалась не меньшей популярностью среди радикальной мелкой буржуазии в лице н.-с., с.-р. и меньшевиков, т. е. тех социальных групп, которые впоследствии составили, по выражению т. Сталина, «крайнюю левую фракцию империалистической буржуазии» [3]).

Так, на оселке дальне-восточной проблемы на рубеже XX века, русская буржуазия — и либеральная и радикальная, каждая в меру своих сил, — выявляла свою потенциальную империалистическую сущность, ту сущность, которая в развернутом виде выявилась в делах и днях их достойных потомков.

Русско-японская война, как первый англо-германский конфликт, являлась, по выражению М. Н. Покровского, прологом большой империалистической войны 1914—1917 гг. [4]).

Это же означало наступление такой эпохи, в условиях которой «кто хотел бить по царизму, неизбежно замахивался на империализм», в условиях которой «революция против царизма» должна была «перерастать в революцию против империализма» [5]).

Много позднее, говоря о возможностях прорыва «мирового фронта империализма», т. Сталин, на основании закона о неравномерности развития капиталистических

---

[1]) И. Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 48.

[2]) В. И. Ленин, Сочинения, т. VII, ч. I, стр. 269 и 284.

[3]) И. Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 50.

[4]) М. Покровский, «Русско-японская война», стр. 607.

[5]) И. Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 10.

стран, намечал следующее положение: «Этот прорыв вероятнее может произойти в тех пунктах и в тех странах, где цепь империалистического фронта слабее, т. е. где империализм менее всего подкован, а революции легче всего развернуться»[1]). Таким пунктом в начале XX в. могла оказаться только Россия.

Царизм уцелел... Революция 1905 г. явилась, по выражению т. Сталина, «прологом пролетарской революции».

90-е годы прошлого века были годами подготовки этого двойного пролога. 90-е годы прошлого века были той исторической мастерской, где выковывались элементы русского империализма, сохранившего до конца своих дней «военно-феодальные» черты. Можно, пожалуй, сказать, что 90-е годы были беременны империализмом. Но методологически было бы не только не нужно, но и ошибочно — и это была бы механистическая ошибка — стремиться во что бы то ни стало к установлению «акушерских» сроков перехода некогда «экономически отсталой» России к законченной системе монополистического капитализма.

Мы начали с ленинской характеристики царской России, как «экономически отсталой» страны, хотя бы и «средне-отсталой», а кончаем признанием факта зарождения в 90-х годах империалистических тенденций, хотя бы и «военно-феодального» типа.

Нет ли противоречия между нашим началом и нашим концом? Есть безусловно. Но не по нашей вине. Это — противоречие, свойственное природе исторического развития, свойственное конкретной диалектике исторической жизни. «То, что впервые начинает быть, — вспомним слова Гегеля, — еще не существует и тем не менее уже существует, потому что начинает быть».

И в этом противоречии находила свое выражение та неравномерность экономического и политического развития, которая, по выражению Ленина, является «безусловным законом развития капитализма».

Прошло около трех десятилетий с того времени, когда военно-феодальный аппарат царской России, осуществляя захватническую манчжурскую программу, совершал свой первый большой империалистический рейд.

Дальне-восточный вопрос снова поставлен историей в порядок дня. Китайские территории снова стали центром противоречий между хищниками мирового империализма, Манчжурия — объектом жадных притязаний одного из них.

Но, если 27 лет тому назад молодой японский капитализм, подчинивший уцелевшие в стране феодальные пережитки интересам своего развития, выступая тогда против отсталой страны царизма, выполнял тем самым исторически прогрессивную миссию [2]), теперь, переходя снова в открытое наступление по всему дальне-восточному фронту, в условиях принципиально отличной от прошлого исторической обстановки, он выполняет миссию, приобретающую диаметрально противоположный политический смысл и значение. Исторический путь, пройденный в течении трех последних десятилетий мировым капитализмом, привел его к небывалому обострению свойственных ему противо-

---

[1]) И. Сталин, там же, стр. 103.

[2]) В. И. Ленин, Сочинения, т. VI, стр. 35.

речий внешних и внутренних и, подняв его на высшую империалистическую стадию, подвел его к той грани, у которой в неизбывных кризисах начинается процесс его загнивания, где в неминуемых и неразрешимых конфликтах расшатываются устои его.

Если и прежде японский капитализм страдал от недостатка сырьевой базы, если и прежде господствовавшая в стране политическая система, консервируя узость внутреннего рынка, стимулировала агрессивную внешнюю политику Японии, теперь, в условиях мощного развития в стране финансового капитала, японская внешняя политика бьет мировой рекорд агрессивности.

Выросшая из неравномерности капиталистического развития и попавшая в полосу острого промышленного кризиса, испытывающая общую для капиталистического мира судьбу загнивания, Япония с тем большей силой, возрождая уцелевшие в правящих классах остатки военно-феодальных тенденций, рвется к новым захватам, выступая в роли застрельщика нового передела Китая, развязывая антагонистические силы капиталистического мира для новых столкновений.

Исторический путь, пройденный мировым капитализмом втечении трех последних десятилетий, привел также к тому, что те самые, хорошо знакомые японскому империализму, земли азиатского материка, где он развертывает снова свою захватническую программу, теперь не являются уже тем удобным объектом эксплоатации, какими они были раньше, — что теперь «миллионы и сотни миллионов колониальных и полуколониальных народов выступают как самостоятельные, активные, революционные факторы» [1]).

То же пройденное капиталистическим миром тридцатилетие привело его еще и к тому, что осуществлять свою империалистическую программу ему приходится на многократно усиливающейся эксплоатации народных масс, на костях того класса, который на наших глазах вырастает в мощную фигуру его могильщика. С первого дня японо-китайского военного столкновения японская коммунистическая партия заняла непримиримую большевистскую позицию, подав свой голос за поражение японского империализма. Катастрофическое понижение жизненного уровня японских народных масс неизбежно усиливает рост их революционной энергии, стимулирует их мобилизацию под знаменем японской компартии, действующей не одиноко, связанной тесными узами с другими революционными отрядами мирового пролетариата. И, наконец, то же пройденное капиталистическим миром тридцатилетие привело к созданию совершенно нового фактора, который росту международного рабочего движения дает исключительную питательную силу и который принципиально изменил ту историческую обстановку, в какой японский капитализм действовал 27 лет тому назад,— на том самом месте, где стояла прежде отсталая царская Россия, выросла новая система хозяйства, в корне отличная от капиталистической, ей противостоящая, которая «самым фактом своего существования демонстрирует гнилость капитализма, расшатывает его основы» [2]), которая сейчас создает для Японии непреодолимое препятствие на пути ее империалистической экспансии.

---

[1]) В. И. Ленин, Сочинения, т. XVIII, ч. I, стр. 323.

[2]) И. Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 633.

В новой исторической обстановке, в какой протекает теперь военная агрессия японского империализма, происходит таким образом процесс созревания тех объективных и субъективных исторических факторов, сочетание которых должно привести к созданию той «революционной ситуации», которой, как указал XII пленум ИККИ, в «непосредственном» виде «в важнейших и решающих капиталистических странах» мы еще не имеем, но в которую перерастает нынешний период «конца относительной стабилизации капитализма». Если о царской России 90-х гг. можно было с оговоркой — ибо там речь шла о структурных изменениях, происходящих в системе капитализма, — сказать, что она была беременна империализмом, о нынешней исторической обстановке, характеризующейся накоплением неразрешимых в рамках капитализма противоречий, можно безоговорочно утверждать, что она чревата элементами пролетарских революций, призванных завершить всю эволюцию буржуазного общества.

Выступление японского империализма, являющееся симптомом переживаемого капитализмом кризиса, — одна из попыток капиталистического мира найти выход из этого кризиса. От силы и энергии международного пролетариата, идущего под руководством своих компартий, от его уменья использовать существующую обстановку будут зависеть сроки освобождения капитализма от этих бесплодных исканий — через освобождение мира от капитализма.

А. Попов.

Журнал Особого совещания 8 мая (26 апреля 1888 г. [1]).

Вследствие признанной как министерством иностранных дел, так и приамурским генерал-губернатором необходимости выяснить взгляд правительства на политическое положение наше на Крайнем востоке с тем, чтобы объединить образ действий как местной русской власти, так и представителей наших в соседних с нашими владениями азиатских странах ввиду возможных в этой части Азии событий, означенные вопросы были подвергнуты 26 апреля 1888 года совместному обсуждению генерал-адъютанта барона Корфа [2]) и начальника азиатского департамента тайного советника Зиновьева.

Как доказал опыт последних лет, политические интересы наши в этих краях группируются преимущественно около Кореи, ввиду занимаемого ею географического положения, почему выяснение нашего образа действий в вопросах, относящихся до этой страны, должно преимущественно способствовать рациональному направлению нашей политики.

---

[1]) Архив революции и внешней политики. Публикуемые тексты подготовили к печати А. Л. Попов и С. Р. Димант.

[2]) Приамурский ген.-губернатор.

По мнению как генерал-адъютанта барона Корфа, так и тайного советника Зиновьева, основанием наших отношений к Корее должны служить нижеследующие соображения.

I. Желательно ли приобретение Россией Кореи и каких можно ожидать от этого последствий?

Приобретение Кореи не только не обещало бы нам никаких выгод, но и не преминуло бы повлечь за собой весьма неблагоприятные последствия.

Будучи страной весьма бедной, Корея не может служить для нас выгодным торговым рынком, в особенности ввиду отсутствия промышленности в наших собственных владениях на Тихом океане. Существует предположение, что Корея обладает значительными минеральными богатствами, но если бы предположение это и оправдалось, то эксплоатация означенных богатств потребовала бы значительных пожертвований, которые, во всяком случае, не скоро окупились бы.

Находясь на фланге Манчжурии, Корея, при известных условиях, могла бы быть обращена нами в важную стратегическую позицию, но выгоды этой позиции теряют свое значение ввиду неудобств и затруднений, с коими была бы сопряжена ее оборона. Корея слишком удалена от центров, где мы располагаем достаточными боевыми силами, а, при ограниченности средств в Приамурском военном округе, всякое расширение нашей территории было бы для нас обременительным, в особенности, если бы на нас выпала обязанность оборонять обширную береговую линию Кореи, которая с трех сторон окружена морем.

Наконец, завладение Кореей нарушило бы наши отношения не только к Китаю, но и к Англии, которая также имеет виды на означенную страну. Наше положение ввиду китайско-японской коалиции сделалось бы во всех отношениях крайне затруднительным.

II. Может ли грозить нам опасность со стороны Кореи?

Будучи сама по себе ничтожна, Корея, благодаря своей слабости, могла бы обратиться в орудие враждебных нам целей, если бы она подпала владычеству одного из своих соседей.

Как Китай, так и Япония простирают на Корею виды, основанием коим служат их исторические отношения к этой стране.

Что касается Японии, то энергетическое противодействие, которое честолюбивые замыслы ее встречают со стороны Китая со времени

смут, происшедших в Сеуле в 1884 г. [1]), заставило уже ее изменить свой взгляд на Корею. Недоразумения, возникшие, было, между Китаем и Японией по поводу означенного столкновения, были устранены состоявшимся в том же году в Тянь-цзине соглашением, в силу коего обе стороны обещались вывести свои отряды из Кореи и не вводить вновь в оную без взаимного предупреждения. С тех пор правительство микадо, не считая благоразумным подвергать себя опасности столкновения с Китаем, не только отказалось от всяких личных замыслов на Корею, но одно время показывало даже полное равнодушие к будущей судьбе страны этой и только недавно стало вновь обнаруживать заботливость о средствах обеспечить означенную страну от захвата китайцами. Такое направление японской политики совершенно согласно с нашими взглядами, и нам следует стараться поддерживать токийский кабинет в этом направлении.

Более сильное влияние на судьбу Кореи может иметь Китай, связи коего с страной этой освящены веками. Обаяние, которым Китай, благодаря своей сравнительно высокой цивилизации и своему могуществу, пользуется в глазах своих слабых соседей-вассалов, всесильно и в Корее, население коей тем искреннее благоговеет перед империей богдыханов, что оно никогда не испытывало на себе его гнета и что неоднократно китайцы спасали Корею от внешних покушений со стороны Японии. Правда, корейский король и его приближенные не разделяют этих взглядов; дабы избавиться от сделавшейся в последнее время слишком назойливой опеки пекинского правительства, они желали бы добиться обеспечения за их страной полной независимости, но стремления короля не находят поддержки в народе, а материальные силы, коими он может располагать, слишком ничтожны для осуществления такого предприятия, в особенности ввиду равнодушия, с коим большинство великих держав относится к судьбе Кореи.

Если бы опека Китая над Кореей ограничивалась заботами об охранении существующих между обеими странами традиционных связей, то мы не только не имели бы поводов восставать против этого порядка вещей, но могли бы, напротив того, ему сочувствовать, так как означенные связи представляются до известной степени задатком неприкосновенности Кореи, опасение войти в столкновение с Китаем будет всегда удерживать державы от посягательств на его бессильного соседа-вассала. К сожалению, китайское правительство не доволь-

[1]) В 1884 г. в Сеуле произошло восстание, организованное сторонниками японской ориентации. Втечении 7 дней город был в руках восставших. Присланные для восстановления порядка японские войска оставались в Корее втечении года (до 1885 г.), в связи с чем возникли «недоразумения» между Японией и Китаем.

ствуется охранением еще недавно существовавших отношений, но, под влиянием как внушаемых ему нашими мнимыми помыслами опасений, так и пробудившегося в нем в последние годы самомнения, видимо, стремится подчинить своему контролю даже внутреннюю политику Кореи с тем, конечно, чтобы со временем обратить страну эту в китайскую область. Если только замысел этот когда-либо осуществится, то положение наше в Южно-уссурийском крае сделается крайне опасным, так как вместо слабого и безобидного соседа на фланге нашем очутится Китай, располагающий разнообразными и значительными материальными средствами, на развитие коих уже обращено серьезное внимание в Пекине, и владеющий, между прочим, по близости окраины нашей прекрасными портами. Притом, вследствие благополучного для него исхода столкновения с Францией, Китай проникся сознанием своей собственной неуязвимости и убеждением, что пример Франции побудит другие державы с крайней осмотрительностью относиться к вопросам, в коих замешаны китайские интересы. Все эти симптомы заслуживают тем более серьезного с нашей стороны внимания, что большинство держав, разочаровавшись в своих расчетах на выгоды, которые могли бы быть извлечены из торговли с Кореей, относится совершенно безучастно к опасности, грозящей ее независимости со стороны Китая, и более всего дорожит поддержанием дружественных отношений с пекинским правительством. С другой стороны, Англия, которая смотрит на империю богдыхана, как на своего естественного и надежного союзника в случае столкновения с Россией, видимо, поощряет самомнение и честолюбивые замыслы китайских сановников, будучи притом убеждена, что Китай не в состоянии будет извлечь из обладания Кореей тех выгод, кои извлекла бы из нее Россия, если бы ей удалось стать твердой ногой на полуострове. Выражением такого направления политики Англии служит между прочим англо-китайская периодическая пресса, упорно поддерживающая в китайцах опасения относительно замыслов России.

III. В чем должны заключаться меры, которые нам предстоит принимать в видах противодействия замыслам китайцев противъ Кореи?

Хотя и трудно сомневаться в существовании в Пекине замысла современем обратить Корею в китайскую провинцию, тем не менее нельзя также упускать из виду, что случаи резкого вмешательства Китая во внутренние дела означенной страны являлись, по большей части, последствием обстоятельств, которые, если принять в соображение отличающую китайцев крайнюю недоверчивость и систематические подстрекательства извне, действительно, могли подать повод к по-

дозрению, что между нами и корейским королем существуют тайные сношения. Так случилось, когда король передавал представителю нашему в Сеуле письмо, заключавшее его ходатайство о принятии его под покровительство России. При всем самомнении, к которому склонны правящие сферы в Пекине, опасение возможности войти в открытое столкновение с Россией продолжает удерживать китайцев от мер, непосредственно направленных к порабощению Кореи, как доказал это, между прочим, в 1886 г. образ действий чжилийского наместника Ли хун-чжана. Понимая трудности предложенной ему задачи, последний не решился приступить к выполнению предписанных, было, ему из Пекина крутых мер и предпочел объясниться с нашим поверенным в делах в Пекине с целью выяснения будущих отношений России и Китая к Корее. Следствием объяснений этих и было состоявшееся в октябре 1886 г. в Тянь-цзине соглашение, на основании коего как Россия, так и Китай должны были принять на себя обязательство воздерживаться от посягательств на неприкосновенность Кореи. Хотя обязательство это и не было облечено в окончательную, письменную форму ввиду заявленного из Пекина домогательства о включении в оное пояснений, гарантирующих вассальные отношения Кореи к Китаю, тем не менее с тех пор мы не имели повода обвинить китайцев в явном нарушении означенного соглашения.

В июне прошлого года посланник наш в Пекине, на основании доверительно переданных ему германским посланником сведений, сообщил, что правительство богдыхана сознает затруднения и опасности, к коим может повести попытка обратить королевство в провинцию, не думает пока о приведении в исполнение этого плана и не желает возбуждать смут в Корее.

Такое отношение пекинского правительства к Корее не исключает однако с его стороны других мер, направленных к упрочению китайского влияния в стране этой. Меры эти выражаются во вмешательстве представителя Ли хун-чжана в Сеуле Юаня в дела внутренние, в стремлении привязать к Китаю высшие классы населения, в частных захватах корейской территории в верховьях Тумынь-Цзяна и, наконец, в стремлении Китая путем соглашения с Кореей проложить себе чрез ее территорию путь к бухте Гошкевича с тем, чтобы связать Манчжурию с Японским морем.

Прямое вмешательство наше во все эти частные вопросы вовлекло бы нас в бесконечные пререкания с китайским правительством и в то же время едва ли остановило бы попытки последнего к упрочению своего влияния в Корее мирными средствами, почему нам предстоит ограничиваться недопущением посягательств на территориальную неприкосновенность Кореи в смысле Тяньцзинского соглашения 1886 г.

Но, так как при всем этом открытая борьба с Китаем представляется случайностью, в высшей степени нежелательной, которая потребовала бы от нас громадных жертв и притом подвергла бы опасности нашу собственную территорию, то средства к побуждению китайцев к соблюдению означенного соглашения должны заключаться преимущественно в устранении с нашей стороны, — с сохранением, конечно, нашего достоинства, — каких бы то ни было вызывающих действий и в нравственном воздействии наших представителей в Пекине и Сеуле на правительства, при коих они аккредитованы.

Мы должны стараться поколебать в китайцах поддерживаемое в них нашими недоброжелателями подозрение, что мы сами имеем виды на Корею, и вселить в них убеждение, что точное соблюдение Тяньцзинского соглашения вполне нас удовлетворяет.

Имея ввиду, что в самоуверенности заключается средство внушить к себе уважение в азиатцах, мы не должны подавать китайцам повода думать, что мы опасаемся их замыслов; ввиду этого нам следует относиться с возможно меньшей придирчивостью к отношению Китая в Корее, поскольку отношениями этими не нарушается означенное соглашение.

Хотя вопрос о вассальных отношениях Кореи к Китаю, о существовании каковых отношений сам корейский король заявил нам по подписании Сеульского договора 25 июня 1884 г., и остается невыясненным, тем не менее ни под каким видом не следует возбуждать его, дабы не подать китайскому правительству повода заявить чрезмерные притязания, которые не преминули бы повлечь за собой бесплодные пререкания. Даже в том случае, если бы сами китайцы обратились к нам в видах выяснения означенных отношений, казалось бы нужным уклониться, по возможности, от объяснений по этому щекотливому вопросу и отвечать китайским сановникам, что мы не отвергаем традиционных связей, существующих между Кореей и Китаем, но, под условием сохранения в целости преимуществ, обеспеченных за Кореей ее договорами с европейскими державами и Северо-Американскими Штатами, первые из каковых договоров заключены были при содействии китайского правительства.

Хотя в настоящее время и нет основания опасаться в ближайшем будущем явного нарушения со стороны Китая Тяньцзинского соглашения, тем не менее, при переговорах, предшествовавших этому соглашению, Ли хун-чжан высказал, между прочим, что пекинское правительство может быть вынуждено временно отправить войска свои в Корею для прекращения внутренних смут, подавить каковые корейское правительство было бы не в силах за неимением в своем распоряжении достаточных военных сил. Состоявшиеся в 1884 г. в Тяньцзине между ки-

тайскими и японскими уполномоченными условия, равным образом, допускают, при известных обстоятельствах, временную посылку китайских отрядов. Необходимо всячески отклонить китайское правительство от принятия такой меры, но, если бы представления наши не возымели желаемого успеха, следует, основываясь на обеспеченном за нами Тяньцзинским соглашением праве, потребовать от означенного правительства объяснений относительно цели его вмешательства и дать понять ему, что мы рассчитываем на немедленное очищение Кореи его войсками, по выполнении ими возложенной на них задачи.

Если бы, за всем этим, обнаружилось, что временное вмешательство есть не более как предлог, за которым скрывается намерение китайского правительства оставить войска свои в Корее и прочно утвердиться в крае этом, то, в таком случае, предстоять будет прибегнуть к мерам давления на Китай. Средства к такому давлению, если бы таковое соответствовало нашему общему политическому положению, могут легко быть приисканы на нашей обширной границе с Китаем, в особенности на западной ее части, где китайское владычество еще шатко. Но так как война с Китаем из-за Кореи представляется во всех отношениях случайностью нежелательной, то крайней мерой с нашей стороны может быть или морская демонстрация в китайских водах или же занятие нами на корейском побережье какого-либо пункта, по возможности близкого к границе нашей, причем нам предстоять будет заявить китайскому правительству, что занятую местность мы очистим, как только и оно, с своей стороны, выведет войска свои из Кореи.

Одновременно представителю нашему в Сеуле надлежит в сношениях своих с корейским правительством руководствоваться следующими соображениями.

Помня то, что Корея сама по себе совершенно бессильна, необходимо удерживать корейское правительство от предприятий, направленных к изменению его отношений к Китаю, и советовать ему тщательно избегать всего того, что может послужить поводом к вмешательству Китая.

Так как принятие корейских интересов под нашу исключительную защиту, не обещая нам никаких выгод, может вовлечь нас в затруднения, то корейскому правительству, в случае встреченной им потребности во внешней поддержке, надлежит советовать прибегать к содействию всех вообще иностранных представителей в Сеуле.

Вмешательство наше во внутренние дела Кореи должно быть крайне осторожно и строго ограничено лишь теми случаями, когда оно может помешать внутренним осложнениям и смутам.

Наиболее надежное средство к обеспечению международного по-

ложения Кореи заключается в ее жизненном развитии, и на этот предмет следует преимущественно обращать внимание ее правительства.

Из всех иностранных держав только Северо-Американские Штаты обнаруживали до сих пор нежелание поощрять честолюбивые замыслы Китая на Корею, почему мы не имеем основания считать американское влияние враждебным нашему. При корейском короле состоит в качестве советника по внешним сношениям американец Денни, который с замечательными добросовестностью и настойчивостью защищал интересы Кореи пред китайскими сановниками, но, ввиду затруднительного своего положения, он намерен покинуть свой пост, и, как явствует из донесений нашего поверенного в делах в Сеуле, есть основание предполагать, что его заменит нынешний американский резидент в Сеуле г. Динсмор. С другой стороны, корейское правительство вступило в сношения с правительством Соединенных Штатов по предмету высылки американских инструкторов для организации корейского войска. Мы не имеем повода противиться этим мерам, но в то же время не должны и слишком явно поощрять их, дабы опять таки не возбудить подозрений в китайском правительстве. Сдержанность в этом случае обязательна для нас уже потому, что нам неизвестно, в какой степени правительство Соединенных Штатов расположено будет оказать Корее свое содействие, если бы она очутилась в затруднительном положении.

Ко всему этому следует присовокупить, что было бы несогласно с нашими интересами поощрять корейское правительство к развитию его военных сил в размерах, превышающих потребность поддержания порядка внутри страны. Армия, превышающая эти размеры, не будет служить залогом безопасности Кореи от внешних покушений, а между тем, при бедности страны этой, она может легко оказаться для нее бременем и, в таком случае, перейти на иждивение Китая и образовать авангард китайской армии.

Существующий в Токио взгляд на положение Кореи, как сказано выше, вполне отвечает нашим интересам, почему нам следует стараться окончательно убедить правительство микадо в бескорыстном отношении нашем к этому вопросу с тем, чтобы, в случае затруднений, воспользоваться его содействием.

Одно из наиболее существенных условий успешного выполнения вышеизложенных соображений заключается, между прочим, в постоянных сношениях представителей наших в Пекине, Токио и Сеуле как между собой, так и с приамурским генерал-губернатором.

Генерал-адъютант барон К о р ф.
Тайный советник З и н о в ь е в.

Всеподд. записка министра ин. дел (27) 15 августа 1894 г.

Беру смелость повергнуть при сем на всемилостивейшее воззрение вашего императорского величества журнал Особого совещания, состоявшегося вследствие высочайшего повеления 9 сего августа для обсуждения образа действий, коего нам следовало бы держаться в виду возникшей между Японией и Китаем войны [1]).

Гирс.

Журнал Особого совещания (21) 9 августа 1894 г. [2])

В совещании принимали участие: министр иностранных дел, военный министр, управляющий морским министерством, министр финансов, товарищ министра иностранных дел и директор азиатского департамента [3]).

Министр иностранных дел заявил, что, по высочайшему государя императора повелению, совещанию предстоит обсудить вопрос, какого образа действий нам следует ныне держаться ввиду возникшей между Японией и Китаем войны и какое решение нам следовало бы принять в том случае, если бы одна из воюющих держав, оставшись победительницей, вознамерилась нарушить территориальную неприкосновенность Кореи.

Статс-секретарь Гирс объяснил, что недоразумения между Японией и Китаем из-за Кореи возникли вследствие происшедших в стране этой внутренних волнений [4]), побудивших обе державы послать туда свои отряды, и что когда недоразумения эти приняли серьезный оборот, то чжилийский генерал-губернатор Ли хун-чжан, имеющий от своего правительства самые широкие полномочия на ведение корейских дел, обратился к нам с просьбою о посредничестве, дав заверение, что, если мы настоим пред японским правительством на отозвании из Кореи

---

[1]) Формально объявление войны Японией Китаю относится к 1 августа (20 июля) 1894 г., но военные действия против Китая начались несколько ранее, и уже в телеграмме от 26/14 июля Кассини (посланник в Китае) сообщал Гирсу о нападении японцев на китайские суда в Ассане.

[2]) Печатается по копии.

[3]) Мин. ин. дел — Гирс, военный министр — Ванновский, упр. морским мин-вом — Чихачев, мин. финансов — Витте, тов. министра ин. дел — Шишкин, директор азиатского департамента — Капнист.

[4]) «Конфликт между Китаем и Японией составляет естественный результат уже давно начавшейся дипломатической борьбы этих государств из-за политического и экономического влияния в Корее... Япония в 1876 году заключила трактат с Кореей, решительно указав Китаю, что не признает его сюзеренитета над ней (Кореей)... Со времени заключения трактата Японией с Кореей в 1876 г. китайское правительство стало зорко следить за поведением японцев в Корее.

японских войск, то правительство богдыхана одновременно отзовет оттуда свои войска.

Ввиду такого ходатайства, мы не преминули поручить посланнику в Токио употребить усилия склонить правительство Японии к соглашению с китайским правительством об одновременном отозвании войск.

Токийский кабинет заявил гофмейстеру Хитрово [1]) письменно, что японское правительство не имеет никаких агрессивных целей в Корее, что он надеется, что императорское правительство отнесется с доверием к искренности этого заявления, но что при всем том он не признает возможным вывести из Кореи японский отряд до тех пор, пока не убедится, что спокойствие в стране восстановлено и нет более опасности возникновения новых беспорядков.

Вместе с тем Ли хун-чжан сделал нам предложение принять участие в решении вопроса о внутреннем устройстве Кореи совместно с Китаем и Японией.

Так как за этим предложением, повидимому, скрывалось желание китайского правительства втянуть нас в корейские замешательства и заручиться нашим содействием, то мы сочли неудобным принять на себя непосредственное вмешательство в корейские реформы и отклонили означенное предложение Ли хун-чжана, заявив однако, что приложим все зависящие от нас усилия, дабы устранить возможность войны между Китаем и Японией.

В то же время, видя безуспешность наших стараний склонить токийский кабинет вывести японские войска из Кореи, мы вошли в сношения сначала с лондонским кабинетом, как наиболее заинтересованным в делах Дальнего Востока, а затем с кабинетами парижским, вашингтонским, берлинским и римским, с целью обменяться с ними взглядами на китайско-японскую распрю и выяснить, какого образа действий они намерены держаться по отношению к враждующим сто-

---

Усиление японского влияния... вызвало со стороны китайцев слишком привязчивый и подозрительный надзор за действиями корейцев и способствовало усилению в Корее национальной партии Тон-хак. Японцы старались содействовать усилению партии Тон-хак... В 1893 г. произошли восстания... Весной настоящего года вспыхнуло новое восстание, более грозное, чем в прошлом году. Королевское войско оказалось бессильным..., король... обратился за помощью к китайцам, и те, зная, что восстание руководится дружественной Японии партией, послали войска. Воспользовавшись посылкой китайских войск в Корею, японское правительство отправило туда и свой отряд, гораздо больший китайского, который, вместо усмирения бунтовщиков, прямо занял Сеул и укрепился в нем. Одновременно японцы предъявили китайцам ультиматум признать Корею независимой и ввести в ней сообща японские реформы». (Из записки мин-ва ин. дел: «Война между Китаем и Японией, ее причины и возможные последствия»).

[1]) Российский посланник в Японии.

ронам. Из сношений этих выяснилось, что взгляды упомянутых кабинетов на корейский вопрос тождественны с нашими.

Лорд Кимберлей [1]) сообщил, что, ввиду отказа Японии очистить Корею, великобританское правительство признавало бы полезным преподать Китаю и Японии совет прийти, по крайней мере, к соглашению относительно такой совместной оккупации, при которой устранялась бы возможность столкновений, и что, по его мнению, в этих видах следовало бы посоветовать, чтобы японцы, очистив Сеул и Чемульпо, перевели свой отряд на юг, китайцы же отодвинули свои войска на север. При этом лорд Кимберлей просил поручить нашим представителям в Пекине и Токио условиться с их британскими коллегами для преподания китайскому и японскому правительствам совета в вышеизложенном смысле.

Кабинеты парижский, берлинский и римский выразили полную готовность действовать в корейском вопросе совместно с нами и Англиею; вашингтонский же кабинет, хотя и разделил наш взгляд на японско-корейскую распрю, тем не менее предпочел держаться в корейском вопросе отдельно от европейских держав, дав в Пекине и Токио советы умеренности, по просьбе самой Кореи.

Между тем вскоре-после того, как посланникам нашим в Токио и Пекине было поручено преподать совет японскому и китайскому правительствам в смысле предложения Англии, последовало формальное объявление войны между Японией и Китаем, и открылись военные действия.

По мнению министра иностранных дел, нам не следовало бы вмешиваться в возгоревшуюся войну или каким-либо способом оказывать предпочтение той или другой из воюющих держав, но надлежало бы употреблять усилия, совместно с великобританским и другими заинтересованными правительствами, к тому, чтобы склонить противников прекратить военные действия и прийти дипломатическим путем к скорейшему мирному соглашению по корейскому вопросу, положив в основание соглашения сохранение status quo в Корее. Корея, будучи сама по себе ничтожна, могла бы, благодаря своей слабости, обратиться в орудие враждебных для нас целей, если бы она подпала под владычество одной из воюющих держав. Помимо этого, если бы Япония завладела южною частью Корейского полуострова, то пролив Броутон, отделяющий ныне японскую территорию от корейской и служащий почти единственным выходом из наших восточно-сибирских портов в открытый океан, оказался бы в руках Японии, что нам, в видах сохранения свободы плавания по Японскому морю, трудно было бы допу-

[1]) Статс-секретарь по иностранным делам Великобритании.

стить. Сохранение status quo в Корее представляется тем более осуществимым, что ни Япония, ни Китай, по заверению их правительств, не желают нарушать территориальную неприкосновенность Кореи.

Статс-секретарь Гирс присовокупил, что действия министерства иностранных дел в этом вопросе сообразовались с указаниями государя императора.

Министр финансов заявил, что он также полагает, что нам следует пока оставаться безучастными к японско-китайской распре. Но нельзя упускать из виду, что по окончании этой распри, когда одна из сторон окажется победительницею и пожелает воспользоваться плодами своих побед, в дело может вмешаться Великобритания, никогда не упускающая случаев воспользоваться обстоятельствами, чтобы усилить свое положение на Дальнем Востоке. Вмешательство это не должно бы быть допущено, а потому нам следовало бы приготовиться дать отпор Англии в случае проявления ее честолюбивых замыслов.

Управляющий морским министерством высказал, что в случае вмешательства Англии для нас не представилось бы затруднительным занять лежащий у Корейского материка и принадлежащий Корее остров Гончарова, обладающий прекрасною якорною стоянкою к чему однако, по мнению ген.-адъютанта Чихачева, без особых побудительных причин приступать не следовало бы, так как всякое расширение наших владений на счет корейской территории едва ли принесло бы нам большую пользу, между тем потребовало бы значительных денежных жертв на укрепление занятых позиций.

Военный министр признает, что сохранение status quo в Корее должно служить главною задачею нашей настоящей политики на Дальнем Востоке. Для нас особенно невыгодно было бы завоевание Кореи японцами. Япония, обладающая армиею, обученною по-европейски, и значительным военным флотом, сделалась бы тогда опасным для нас соседом, в особенности в союзе с какою-либо европейскою державою. Между тем, повидимому, японцы в нынешней борьбе с китайцами одерживают верх, каковое обстоятельство может заставить Китай, в конце концов, искать союза с Англиею. Ввиду возможности этой случайности генерал-адъютант Ванновский полагал бы принять заблаговременно для ограждения наших интересов некоторые военные предосторожности, усилив, между прочим, войска на нашей южно-уссурийской границе в смысле подготовки войск Южно-уссурийского края к быстрому сосредоточению и активным действиям. Эта мера казалась бы тем более необходимою, что всякие военные приготовления на нашей тихоокеанской окраине потребуют значительного времени.

Министр иностранных дел, с своей стороны, высказал, что если бы Англия действительно вознамерилась оказать поддержку одной из

воюющих держав, то мы, конечно, не могли бы тогда остаться равнодушными зрителями. Впрочем, пока нет оснований предполагать, чтобы великобританское правительство изменило свой образ действий в корейском вопросе, так как оно, несомненно, желает лишь скорейшего заключения мира между воюющими и сохранения существующего порядка вещей на берегах Тихого океана. Не менее расположено прийти как можно скорее к заключению мира и правительство богдыхана, предложившее в последнее время составить для выработки требуемых Японией реформ в управлении Кореею особую международную комиссию из представителей Китая, Японии, России, Англии, Франции, Германии и Италии. На образование такой комиссии, быть может, удастся склонить и японское правительство.

Управляющий морским министерством полагает, что, в случае каких-либо осложнений в будущем, не представится препятствий к усилению нашего флота в Тихом океане, для чего могут быть туда направлены суда нашей эскадры Средиземного моря.

Министр финансов, не усматривая в усилении войск на корейской границе особенной необходимости в настоящее время, полагал бы, что нам лучше было бы иметь оное лишь в виду, не прибегая к этой мере преждевременно, в видах избежания непроизводительных расходов. К этому однако тайный советник Витте присовокупил, что, в случае действительной надобности, он не встретит препятствий к открытию потребного кредита на материальное приготовление войск Уссурийского края к действию.

После обмена мыслей по этому предмету совещание пришло к следующим заключениям:

1) Признавая активное вмешательство России в китайско-японскую войну не отвечающим нашим интересам, совещание полагает, что нам следует продолжать держаться в корейском вопросе образа действий, совместного с другими заинтересованными державами, и употреблять усилия к тому, чтобы склонить воюющие стороны к скорейшему прекращению военных действий и к разрешению корейского вопроса дипломатическим путем.

2) Особого заявления о нейтралитете не делать. Продолжать внушать японскому и китайскому правительствам уважение к нашим интересам и в особенности обращать их внимание на необходимость избегать всего, что могло бы подать повод к недоразумениям на нашей границе с Кореею.

3) Иметь в виду, как желательный исход китайско-японской войны, сохранение status quo в Корее.

4) По возбужденному военным министром вопросу об усилении, на случай непредвиденных обстоятельств, войск в местностях, приле-

гающих к корейской границе, предоставить генерал-адъютанту Ванновскому войти в соглашение с министром финансов на предмет открытия потребного на то кредита, когда сие окажется необходимым,

и 5) заключения эти повергнуть на всемилостивейшее воззрение государя императора [1]).

Журнал Особого совещания (1 февраля) 20 января 1895 г. [2]).

Председательствовал великий князь Алексей Александрович.

Принимали участие: военный министр, управляющий морским министерством, министр финансов, временно управляющий министерством иностранных дел, начальник главного штаба, начальник главного морского штаба и директор азиатского департамента [3]).

По открытии совещания великий князь генерал-адмирал заявил, что, согласно высочайшему повелению, совещанию предстоит обсудить те меры, которые нам следовало бы принять для ограждения наших интересов на Крайнем Востоке, как ввиду настоящего хода китайско-японской войны, так и ввиду предстоящих переговоров Китая с Японией о заключении мира. После особого совещания 9 августа минувшего года, на коем был выработан наш образ действий в корейском вопросе, обстоятельства значительно изменились, и постоянные военные успехи Японии заставляют ныне опасаться таких последствий китайско-японского столкновения, коих никак не могло предвидеть предшествующее совещание. По мнению августейшего председателя, в связи с вышеупомянутыми мерами рассмотрению совещания должен был бы подлежать и вопрос о том, следует ли нам и в настоящее время продолжать держаться в корейском деле образа действий, совместного с другими державами, как то было постановлено высочайше одобренным журналом означенного совещания, или нам следует теперь перейти к самостоятельному образу действий.

Военный министр высказал, что ему была сообщена министерством иностранных дел, для сведения, записка, в которой проводится мысль, что в случае, если бы основания мирных переговоров между Китаем и Японией нарушили явным образом наши интересы на Крайнем Востоке, то нам следовало бы для ограждения этих интересов и для приобретения гарантии свободного плавания по проливу Броутон занять

---

[1]) На подл. помета Александра III: «Одобряю заключение совещания. А».

[2]) На подлиннике пометы — Николая II: «Читал», — другим почерком: «В С.-Петербурге. 31 января 1895».

[3]) Военный мин. — Ванновский, упр. морским мин-вом — Чихачев, мин. фин. — Витте, вр. упр. мин-вом ин. дел — Шишкин, нач. гл. штаба — Обручев, нач. гл. морск. штаба — Кремер, директор азиатского деп— Капнист.

один из островов, расположенных на южной оконечности Корейского полуострова у самого входа в упомянутый пролив, примерно остров Каргодо (Ко-ие-до), и устроить там русский «settlement» наподобие английской военной станции Гон-Конг. Ген.-ад. Ванновский признает, с своей стороны, меру эту целесообразной, но полагает, что она могла бы быть приведена в исполнение лишь в крайности, которой, впрочем, он пока не усматривает, так как, согласно полученным им из министерства иностранных дел сведениям, до сих пор и японское правительство относится, повидимому, с полным уважением к нашим интересам, и Англия держится в корейском вопросе корректно. При всем том нельзя упускать из виду, что японцы, одержав ряд побед над китайцами, едва ли будут умеренны в своих требованиях к последним, а потому предположение о занятии о. Каргодо заслуживало бы серьезного внимания.

На предложенный великим князем генерал-адмиралом временно управляющему министерством иностранных дел вопрос о том, какого взгляда держатся в настоящее время на китайско-японское столкновение Англия, Франция, Германия и другие державы, а также о том, следует ли нам занимать о. Каргодо в том случае, если Япония, при заключении с Китаем мира, примет во внимание наши интересы, тайный советник Шишкин объяснил, что, сколько министерству иностранных дел известно, все европейские державы, имеющие интересы на Дальнем Востоке, а также и Северо-Американские Соединенные Штаты желают скорейшего окончания китайско-японской войны. Весьма возможно однако, что при заключении между Китаем и Японией мира некоторые из них предъявят воюющим свои требования, характер коих пока трудно предугадать, тем более, что мы еще не знаем точно мирных условий японского правительства, которое их упорно скрывает.

По мнению временно управляющего министерством иностранных дел, если Япония и наиболее заинтересованная в делах Крайнего Востока Великобритания будут действовать и впоследствии так же корректно, как теперь, то нам не следовало бы занимать ни острова Каргодо, ни других каких-либо территорий, дабы тем показать, что мы не преследуем на тихоокеанском побережье никаких агрессивных целей и чрез то сохранить прежние дружественные отношения как с Японией, так и с другими заинтересованными державами.

Управляющий морским министерством выразил желание узнать, будут ли наши интересы затронуты, если такие порты, как Артур и Вей-хай-вей, оказались бы в руках японцев, и чем вообще, по мнению министерства иностранных дел, могли бы быть нарушены интересы России на Крайнем Востоке.

Тайный советник Шишкин высказал, что, так как Печелинский

залив входит более или менее в сферу влияния России, то, само собой разумеется, утверждение японцев на берегах этого залива, в портах Артур и Вей-хай-вей, должно до известной степени затрагивать наши интересы. Но более всего наши интересы были бы задеты, если бы Япония завладела Кореею, чего, впрочем, опасаться пока преждевременно ввиду данных нам японским правительством заверений, что оно не намерено посягать на независимость Кореи.

Августейший председатель признал полезным выяснить, что было бы выгоднее для нас, в случае крайности, занять остров Каргодо или какую-либо другую часть корейской территории. Его императорское высочество полагает, что, заняв о. Каргодо, мы должны были бы для удержания его иметь значительные военные и морские силы.

Управляющий морским министерством находит, что занятие о. Каргодо представляло бы уже то важное преимущество, что оно, по всей вероятности, не повлекло бы за собой никаких пререканий с Японией, тогда как занятие такого пункта корейской территории, как напр., порта Лазарева, вызвало бы, наверное, протесты со стороны Японии ввиду стратегической важности этого пункта. Лучше всего, конечно, было бы занять часть Манчжурии, тогда взятие японцами портов Артура и Вей-хай-вея не представляло бы для России значения.

По мнению военного министра, занятие части Манчжурии представляет до проведения Сибирской железной дороги некоторые затруднения, с которыми нужно будет считаться. Во всяком случае, вопрос этот еще впереди и в настоящее время не возбуждается.

Начальник главного штаба признает, что делать какие-либо захваты пока не следовало бы, чтобы не дать повода Англии к еще большим захватам, но необходимо употребить усилия к сохранению независимости Кореи.

Министр финансов полагает, что в настоящее время трудно иметь суждение о мерах, кои нам предстоять будет принять для ограждения наших интересов на тихоокеанском побережье, потому что, судя по бумагам, доставленным министерством иностранных дел по случаю настоящего совещания, мы не только не знаем, какие требования предъявит Япония Китаю при переговорах о мире, но даже не имеем точных сведений о военных успехах Японии. Равным образом, нам неизвестны намерения европейских держав. Ввиду всего этого, нам следует пока попрежнему держаться в китайско-японской борьбе политики невмешательства, хотя в то же время мы должны быть готовыми встретить всякие случайности, для чего желательно еще увеличить наши морские силы в Тихом океане. Нельзя также упускать из виду, что Англия имеет громадные торговые интересы на Дальнем Востоке, что торговля вообще нелегко переносит военные замешательства и риски, а потому

усиление нашей эскадры на Востоке, ввиду возможных компликаций, без сомнения, будет еще в большей степени побуждать великобританское правительство действовать в духе скорейшего прекращения войны. Активное вмешательство наше могло бы иметь место разве только в особой крайности, которая еще не наступила и которую покуда нет оснований ожидать.

Директор азиатского департамента сообщил совещанию, что так как высочайше одобренным журналом Особого совещания 9 августа минувшего года было постановлено не вмешиваться в китайско-японское столкновение и иметь ввиду, как желательный исход этого столкновения, сохранение status quo в Корее, то министерство иностранных дел сообразовало свой образ действий в корейском вопросе с постановлениями названного совещания. Ввиду сего мы старались склонить воюющих к миру и выяснить условия, на коих они согласны были бы прекратить военные действия. Нам не удалось однако до сих пор узнать требований Японии. В настоящее время мы сделали новую к тому попытку при содействии Англии и Франции. Казалось бы, если требования Японии будут умеренны, то нам следует продолжать держаться прежней политики невмешательства; если же требованиями ее будут затронуты наши существенные интересы, то нам трудно будет остаться равнодушными, а придется действовать сообразно с обстоятельствами. Но, принимая в соображение, что едва ли мы располагаем в настоящее время достаточными средствами для авторитетного воздействия на Японию, являлось бы осторожнее войти в соглашение с другими державами, в особенности с Англией, как наиболее заинтересованной вместе с нами на Дальнем Востоке. Для Великобритании, как справедливо заметил министр финансов, не менее желательно, чем нам, восстановление мира между Китаем и Японией, вследствие чего совместный образ действий с этой державой казался бы возможным, хотя ее интересы и наши на Тихом океане не одинаковы. Япония ныне уже напрягла все свои военные силы, а потому едва ли решится упорствовать в принятии советов умеренности, если таковые будут преподаны ей двумя державами, обладающими наиболее значительными эскадрами в китайских водах. Надлежало бы воспользоваться настоящим моментом, чтобы теперь же попытаться войти в соглашение с лондонским кабинетом. Само собой разумеется, что в таком случае нам пришлось бы дать заверение, что мы не имеем намерения делать каких-либо захватов и стремимся только к сохранению, по возможности, существующего равновесия на Дальнем Востоке. Тождественное заверение не делать никаких захватов должно быть дано и нам со стороны Англии. Быть может даже, что для достижения полного соглашения относительно общего действия придется допустить гарантию относительно независи-

мости Кореи всеми державами, кои будут солидарны с нами и Англией в корейском вопросе. Только действуя в вышеозначенном направлении, представляется, по мнению графа Капниста, некоторая возможность предупредить пагубные последствия китайско-японского столкновения и выиграть время, необходимое для окончания Сибирской железной дороги, когда мы будем в состоянии выступить, наконец, во всеоружии наших материальных средств и занять соответствующее положение в делах Тихого океана.

На сделанное великим князем генерал-адмиралом замечание, что для великобританского правительства занятие Кореи японцами не имеет существенного значения, тайный советник граф Капнист отвечал, что лишение Японией Кореи самостоятельности представляется, как уже заявил о том временно управляющий министерством иностранных дел, маловероятным ввиду данного нам японским правительством обещания не нарушать независимости Кореи. Что же касается временного занятия японцами страны этой, то, в случае совместного действия с другими державами, мы, быть может, могли бы добиться назначения известного предельного срока японской оккупации. Как бы то ни было, настоящие обстоятельства таковы, что необходимо теперь же выяснить: можем ли мы вести самостоятельную политику в корейском вопросе и захватить в крайности некоторые пункты на корейской территории или же нам следует пока действовать сообща с Европой, на что министерство иностранных дел должно иметь определенное полномочие, если на него будет возложена ответственность.

По мнению военного министра, для России было бы полезно войти в соглашение с Англией по корейскому вопросу, если только это можно сделать, не отступая от наших требований, а главное, если можно надеяться, что это не отзовется неблагоприятно на наших будущих отношениях к Японии.

Начальник главного штаба полагает, что нам не следует итти в корейском вопросе сообща с одной только Англией, но надо склонить к тому же Францию, а будет можно, и другие державы. Генерал-адъютант Обручев высказывается в особенности против всякого совместного с Англией действия, которое имело бы целью остановить успехи японцев, так как, по его мнению, чем больше ослаблен будет Китай, тем для России будет выгоднее; в скорейшем же восстановлении торговли нуждается более Англия, чем Россия. Затем, если бы Япония захотела оставить за собой некоторые китайские порты, с их территорией, то, по мнению генерал-адъютанта Обручева, нам пришлось бы или совместно с другими державами воспротивиться сему занятию или искать для себя самостоятельных территориальных гарантий. При этом генерал-адъютант Обручев счел долгом высказать, что заня-

тие каких-либо корейских островов, отрезанных и удаленных от континентальных русских владений, а следовательно, и крайне затруднительных для упорной защиты в случае войны, не даст надежного обеспечения нашим интересам. Последние требовали бы существенного изменения всей нашей приамурской территории, но очевидно, это вопрос, о котором в данную минуту суждения были бы еще преждевременны.

Тайный советник граф Капнист заявил, что добиться содействия всех европейских держав было бы весьма трудно и что подобная попытка могла бы, по его мнению, увенчаться успехом только, если бы удалось предварительно заручиться положительным обещанием Англии, как наиболее сильной морской державы.

Министр финансов, с своей стороны, присоединился к мнению директора азиатского департамента, что при настоящих обстоятельствах нам ничего пока не остается, как действовать сообща с Англией.

Управляющий морским министерством находит, что все державы, а в том числе и Англия, будут довольны, если Япония захватит Корею и разовьет ее, так как это было бы выгодно для их коммерческих интересов. Установить общий протекторат европейских держав над Кореей представлялось бы тем неудобным, что, быть может, корейские порты понадобятся для стоянки наших военных судов, которые, согласно недавно изданным японским правительством новым правилам, могут стоять в Нагасаки в числе не более двух одновременно. Не следует упускать из виду, что Англия с нами не откровенна, чему доказательством отчасти служит то, что, оставив остров Гамильтон, она, по неизвестной для нас причине, не убрала весь телеграфный кабель, соединявший этот остров с материком, и части этого кабеля были указаны корейскими рыбаками одному из наших военных судов. Англия охотно согласится защищать интересы Китая, но никак не независимость Кореи, в каковой независимости она прямо не заинтересована.

Директор азиатского департамента возразил, что пока нет достаточных причин заподозрить Англию в неискренности. Англия могла бы, например, по конвенции ее с Китаем 1846 года, занять, при нынешних обстоятельствах, острова Чусан, при всем том она этого не делает до сих пор, хотя интересы ее на реке Ян-цы-киане, у устья которой лежат названные острова, весьма обширны.

По мнению августейшего председателя, если министерство иностранных дел находит достижение соглашения с Англией в корейском вопросе возможным, то следовало бы поручить министерству попытаться достигнуть этого соглашения. В случае же, если попытка

соглашения с Англией окажется бесплодной, дальнейший образ действий наш в корейском вопросе может быть рассмотрен в новом совещании. При этом однако надлежит иметь в виду, что, если бы даже нам и удалось добиться совместных с Англией действий в корейском вопросе, все таки нельзя рассчитывать наверное, что Япония согласится принять русско-английские советы. В предвидении подобной случайности, не следует ли нам теперь же приступить к дальнейшему усилению нашей тихоокеанской эскадры? Усиление это было бы полезно в интересах мира и заставило бы Японию с бóльшим вниманием относиться к заявлениям России.

Генерал-адъютант Чихачев полагает, что нам необходимо довести свои морские силы в Тихом океане до таких размеров, чтобы быть сильнее Японии.

Министр финансов, признавая усиление нашей эскадры на Крайнем Востоке необходимым для поддержания влияния и чести России, не встречает с своей стороны препятствий к ассигнованию на означенный предмет особого кредита, размер коего может быть определен по соглашению морского министерства с министерством финансов. Что же касается общего увеличения состава нашего флота, то это может быть предметом обсуждения при определении нормального бюджета по морскому министерству в нынешнем году на следующее пятилетие.

Остальные члены совещания вполне присоединились к мнению августейшего председателя о необходимости увеличения наших морских сил в Тихом океане, но генерал-адъютант Обручев высказал, что едва ли было бы удобно брать для того суда из Балтийского моря.

После обмена мыслей совещание пришло к следующим заключениям: 1) увеличить нашу эскадру в водах Тихого океана до таких размеров, чтобы наши морские силы в тех водах были по возможности значительнее японских. Предоставить управляющему морским министерством войти в соглашение с министром финансов по предмету открытия потребного на то кредита. 2) Поручить министерству иностранных дел попытаться войти с Англией и другими европейскими державами, преимущественно же с Францией, в соглашение относительно коллективного воздействия на Японию в том случае, если бы японское правительство при заключении мира с Китаем предъявило требования, нарушающие наши существенные интересы. При этом министерство иностранных дел должно иметь ввиду, что главная цель, которую мы должны преследовать, — это сохранение независимости Кореи. 3) Если бы попытка соглашения с Англией и другими державами на вышеизложенных основаниях не увенчалась успехом и потребовалось бы допустить, примерно, совместную гарантию корей-

ской независимости иностранными державами, то подвергнуть вопрос о нашем дальнейшем образе действий, ввиду происходящих на Крайнем Востоке событий, обсуждению в новом совещании, и 4) заключения эти повергнуть на всемилостивейшее воззрение государя императора.

Алексей, Петр Ванновский, Н. Чихачев,
С. Витте, Н. Шишкин, Обручев, Кремер,
Граф Дмитрий Каннист.

Всеподд. записка министра ин. дел (6 апреля) 25 марта 1895 г.

Представляя на воззрение вашего императорского величества полученные из Лондона и Парижа телеграммы, осмеливаюсь приложить краткую записку об отношениях наших к Японии и Китаю.

Не подлежит сомнению, что из предложенных японцами условий мира окончательное занятие ими полуострова, на котором находится Порт-Артур, вызывает наиболее замечаний; оно было бы постоянною угрозою против Пекина и даже против Кореи, коей независимость предполагается провозгласить; в то же время, с точки зрения наших интересов, оно было бы фактом крайне нежелательным. Но если мы решимся требовать от японцев, чтобы они отказались от этого условия, то возникнет вопрос: а если они отвергнут наше требование, должны ли мы прибегнуть к принудительным мерам и можем ли мы в таком случае рассчитывать на содействие других держав?

В разговоре с английским послом я поставил ему этот вопрос. Он чистосердечно ответил, что, хотя английское правительство и разделяет наш взгляд на занятие Порт-Артура, тем не менее оно, по всей вероятности, не решится на какие-либо принудительные меры или враждебные Японии демонстрации, потому что в последнее время общественное мнение в Англии все более и более склоняется на сторону японцев.

Французское правительство было бы противно уступке Пескадорских островов Японии, но неизвестно, в какой мере оно было бы готово поддержать как свои, так и наши требования.

Положение, которое Германия намерена принять в этом вопросе, также не выяснено.

При таких обстоятельствах казалось бы, что в настоящую минуту ничего другого не остается, как указать японскому правительству в самых дружелюбных выражениях на то, что завладение Порт-Артуром было бы вечным препятствием к восстановлению добрых его отношений к Китаю и поводом к нарушению мира на Востоке. Но, предварительно подобного сообщения японскому правительству, над-

лежало бы удостовериться в том, что другие державы выразят ему те же опасения.

На приведение этого предположения в исполнение всеподданнейшим долгом считаю спросить разрешение вашего императорского величества.

Статс-секретарь Лобанов.

25 марта 1895 г.

Всеподд. записка министра ин. дел (6 апреля) 25 марта 1895 г.

Выбор между Китаем и Японией, как союзниц России в будущем, совершенно зависит от того, какой политики мы предполагаем держаться по окончании китайско-японской войны: пассивной или более или менее наступательной.

Если настоящее положение наше на Дальнем Востоке нас удовлетворяет и мы стремимся лишь к тому, чтобы закрепить оное за собою, то, конечно, мы не найдем лучшего союзника, чем Китай, с которым у нас никогда не было вооруженных столкновений, не взирая на совершенно открытую сибирскую границу нашу и часто возникавшие недоразумения. Китайская империя едва ли так скоро оправится от настоящего разгрома и сделается опасной для нас, даже если пекинское правительство приступит к необходимым внутренним реформам. Более удобного соседа с нашей стороны нельзя желать.

Но, в случае, если бы мы были вынуждены искать удовлетворения наших насущных потребностей на Крайнем Востоке посредством наступательных действий, то постановка дела совершенно изменится. Цель наша может быть двоякая: [1]) приобретение нами незамерзающего порта на Тихом океане и присоединение к нам некоторой части Манчжурии, необходимой для более удобного проведения Сибирской железной дороги. Китай, утратив Корею, не обладает однако никаким портом, который мог бы быть уступлен России, и он, конечно, не откажется добровольно от части манчжурской территории. Вообще едва ли возможно смотреть на него, как на деятельного и полезного союзника в критическую минуту. С другой стороны, Япония, несмотря на быстрое развитие своих сил, будет, по всей вероятности, нуждаться некоторое время в нашей опоре, если не против Китая, то против преобладающего влияния Великобритании на море, и соглашение с возникшею на Востоке великою державою представляется не совершенно невозможным.

---

[1]) На полях против слов: «Цель наша» рукой Николая II написано: «Именно».

Главный и самый опасный противник наш в Азии— бесспорно Англия [1]). Чувства недоброжелательности и зависти, с которыми она смотрит на каждый шаг наш вперед на Дальнем Востоке, не подлежат сомнению. Как скоро возникали какие-либо азиатские затруднения, друзья Англии всегда были нашими врагами, и наоборот. При столкновении с Россиею Великобритания привыкла рассчитывать на посильное воздействие Китая в ее пользу. Япония, напротив того, как преимущественно морская держава, не может не вступить рано или поздно в соперничество с англичанами, по крайней мере, в своих собственных водах.

Отношения наши к Японии являлись жгучей задачей нашей политики каждый раз, как нам угрожал разрыв с Англией. Мы прилагали все наши старания к тому, чтобы Япония, провозглашая свой нейтралитет, не закрывала, по крайней мере, своих портов для воюющих сторон и держала их открытыми для всех. Эти порты, не представляя особенного значения для такой державы, как Англия, обладающей превосходной морской станцией на Тихом океане в Гон-Конге, имеют для наших эскадр первостепенную важность не только в мирное время, но еще более во время войны, так как Владивостокский порт наш покрывается льдом втечении четырех зимних месяцев. Без японских гаваней борьба с Англией едва ли мыслима.

Таким образом, вопрос о большей или меньшей важности для нас Китая или Японии стоит в прямой зависимости от большей или меньшей предприимчивости нашей политики и замешательств, могущих возникнуть на Крайнем Востоке помимо нашей воли.

Как бы то ни было, из вышеизложенного вытекает следующее заключение.

Мы, конечно, можем заботиться вместе с другими державами, и преимущественно с Великобританией, о том, чтобы Япония не усилилась чрезмерно вследствие настоящей войны; но в то же время мы должны тщательно воздерживаться от всякого враждебного Японии воздействия помимо других держав, чтобы не повредить в будущем нашим хорошим отношениям к японскому правительству [2]).

25 марта 1895 г.

---

[1]) На полях против этой фразы помета Николая II: «Конечно».

[2]) На подлиннике помета Николая II: «России безусловно необходим свободный втечении круглого года и открытый порт. Этот порт должен быть на материке (юго-восток Кореи) и обязательно связан с нашими прежними владениями полосой земли. Также сообщить в. к. генерал-адмиралу».

Всеподд. записка министра ин. дел (14) 2 апреля 1895 г. [1]).

Осмеливаюсь довести до сведения вашего императорского величества, что французский посол, вернувшийся сюда из отпуска ранее срока, заявил мне, что его правительство, ввиду весьма близкого истечения перемирия между Китаем и Японией (в будущую субботу, 8(20) апреля), с крайним нетерпением ожидает решения вашего величества по вопросу об окончательном мире между этими двумя государствами, дабы сообразовать свои действия с нашими.

По его мнению, положение сделалось тем более затруднительным, что невозможно предвидеть, как Англия будет дальше поступать после того, что она с нами разошлась во взгляде на условия, предъявленные Японией.

Сущность нашего разговора заключалась в следующем:

1) Так как для России занятие японцами Ляотунгского полуострова (с портом Артур), а для Франции занятие Пескадорских островов представляются весьма нежелательными, то, если бы Япония не согласилась от них добровольно отказаться, можно было бы приступить к принудительным мерам. Но, — заметил гр. Монтебелло,— нельзя при этом упустить из виду, что подобные меры могли бы побудить Англию окончательно перейти на сторону Японии и оказать ей против нас необходимую помощь.

2) Если же оба наши правительства согласятся между собою не противиться исполнению японо-китайского мирного договора, то рождается вопрос: не следует ли нам требовать себе вознаграждения? Гр. Монтебелло указал на китайский островок, лежащий в близости от острова Генан (Hainan) по направлению к с.-з., как на вознаграждение, которым Франция могла бы довольствоваться. Что же касается до нас, то казалось бы, что главным образом от нашего морского ведомства зависело бы определить ту местность, которая была бы нам наиболее подходящею.

Всеподданнейшим долгом считаю присовокупить, что, по сведениям, полученным английским послом, уступка, сделанная Японией относительно Ляотунгского полуострова, весьма незначительна: новая граница, предлагаемая Японией, проходила бы от Аньпинга, на р. Ялу, через Фен-чунг, и упиралась бы в Нью-чанге.

Статс-секретарь Л о б а н о в.

---

[1]) На подлиннике помета Николая II: «Согласен со 2-м предположением, т. е. чтобы, по согласии с Францией, не противиться исполнению японо-китайского мирного договора, но во что бы то ни стало получить желаемые нами вознаграждения в виде свободного порта».

Всеподд. записка министра ин. дел (15) 3 апреля 1895 г. [1]).

Всеподданнейшим долгом считаю повергнуть на воззрение вашего императорского величества журнал совещания, бывшего 30 марта по китайско-японским делам.

Перед тем, чтобы произнести окончательное свое решение, не благоугодно ли будет вашему величеству, согласно вами выраженному намерению, выслушать членов, принимавших участие в этом совещании? Обстоятельства в настоящую минуту такого рода, что не терпят долгого отлагательства.

Статс-секретарь Лобанов.

Журнал Особого совещания (11 апреля) 30 марта 1895 г.

Принимали участие: его императорское высочество великий князь Алексей Александрович, министр иностранных дел, военный министр, управляющий морским министерством, министр финансов, товарищ министра иностранных дел и начальник главного штаба.

Министр иностранных дел изложил в коротких словах, на основании полученных за последнее время телеграмм, настоящее положение дела о китайско-японской распре.

На сделанный нами, через представителей наших в Лондоне, Берлине и Париже, запрос о том, какого взгляда держатся Англия, Германия и Франция на происходящие ныне между Китаем и Японией переговоры о мире [2]), великобританское правительство ответило, что оно не видит для себя оснований вмешиваться в эти переговоры; напротив того, Германия, относившаяся до начала переговоров совершенно безучастно к китайско-японской распре, заявила ныне о своей готовности присоединиться ко всякому шагу, который мы сочли бы необходимым сделать в Токио с целью побудить Японию отказаться не только от занятия южной части Манчжурии с Портом Артур, но и от занятия Пескадорских островов. Такую внезапную перемену во взглядах германского правительства наш поверенный в делах в Берлине

[1]) На подлиннике публикуемого документа помета Николая II: «Журнал я оставляю у себя».

Журнал Особого совещания 11 апреля (30 марта) был представлен на утверждение Николаю II 15 (3) апреля. Задержка эта объясняется колебаниями Лобанова в вопросе о постановлениях совещания. Предложение Витте об устранении Японии с материка вело, по его мнению, к немедленной войне с ней; хотя он и не верил в возможность друж. отношений с Японией, но не хотел иметь в ее лице враждебную силу. Поэтому журнал был им представлен только после того, как Николаем II была положена резолюция о том, чтобы не противиться исполнению японо-китайского мирного договора.

[2]) Договор о мире был подписан в Симоносеки 17 (5) апреля 1895 г.

объясняет коммерческими интересами Германии на Дальнем Востоке, которые могли бы пострадать от усиления влияния Японии в Китае. Возможно также предположить, что означенная перемена произошла под влиянием недавно приехавшего в Берлин бывшего германского посланника в Пекине г. Брандта, прожившего в Китае около 20 лет и прекрасно знающего положение дел на Дальнем Востоке. По мнению г. Брандта, обладание Пескадорскими островами и Портом Артур создаст Японии преобладающее положение и над Китаем и над интересами европейских держав в Китайской империи.

Что касается Франции, то она изъявила согласие сообразовать свои действия с нашими.

Великий князь генерал-адмирал высказал, что мы должны выйти мирным путем из того затруднительного положения, в которое поставило нас китайско-японское столкновение. По мнению его императорского высочества, нам необходимо сохранить хорошие отношения с Японией, так как она является сильной морской державой и по своему положению в Тихом океане всегда будет естественным врагом нашего врага — Англии. При настоящих условиях для нас было бы наиболее выгодным негласно перейти на сторону Японии и, не мешая ей итти вперед, вступить с ней в соглашение относительно соблюдения наших интересов. Таким путем, ничего не теряя, мы приобретем сильного союзника на случай могущих возникнуть в будущем осложнений с Англией.

Вопрос о приобретении незамерзающего порта чрезвычайно важен. До окончания Сибирской железной дороги занять порт Лазарева и полосу Манчжурии по Амуру, без соглашения с Японией, было бы в высшей степени затруднительно. У нас в Амурском крае всего около 30 тысяч войск, достаточных для отражения нападения, а не для наступательных действий. Притом порт Лазарева невыгоден в том отношении, что представляет огромную оборонительную линию. В более выгодных условиях находится бухта Шестакова.

Военный министр, признавая, что из предложенных Японией Китаю мирных условий наибольшее значение для нас имеют независимость Кореи и занятие японцами южной части Манчжурии, полагает необходимым потребовать от Японии обязательство, что она действительно очистит Корею, так как, пока Сеул и некоторые корейские порта заняты японскими войсками, независимость этой страны будет призрачной.

Занятие же Японией южной части Манчжурии составляет, по мнению генерала-адъютанта Ванновского, прямую угрозу России, ибо местность эта представляет базу для действий Японии против нашего Приамурского края. Заняв ее, японцы приблизятся к нашей границе и создадут нам величайшие затруднения в деле необходимого для на

исправления Амурской границы. Было бы даже выгоднее уступить Японии южную часть Кореи, а самим занять какой-либо порт на корейском побережьи, чем допускать японцев в Манчжурию. Необходимо поэтому попытаться дипломатическим путем убедить японское правительство отказаться от Манчжурии; если же такая попытка окажется безуспешной, то прибегнуть к силе. Настоящее положение японской армии таково, что пока для действий против нее достаточно и 30 тысяч наших войск, а не более чем через шесть месяцев число это может быть доведено до 50 тысяч.

Великий князь генерад-адмирал, заметил, что, действуя против Японии, мы наживем в лице ее вечного и притом сильного врага на Дальнем Востоке и заставим японцев, силой обстоятельств, быть заодно с англичанами.

По мнению министра иностранных дел, на дружбу Японии ни в каком случае рассчитывать нельзя. Предпринятая ею война направлена не столько против Китая, сколько против России, а затем и всей Европы. Заняв южную часть Манчжурии, японцы не остановятся на этом, а несомненно будут развивать свою колонизацию далее, по направлению к северу.

Министр финансов заявил, что вопрос о том или другом образе действий нашем при настоящих обстоятельствах непосредственно и более всего касается финансового ведомства, так как, в случае неудачного решения этого вопроса, мы рискуем потерять все, что с таким трудом было сделано до сего времени для упорядочения наших финансов.

Тайный советник Витте полагает, что предпринятая Японией война является последствием начатой нами постройки Сибирской железной дороги. Все европейские державы, а также и Япония, повидимому, сознают, что в недалеком будущем произойдет раздел Китая, и в Сибирской дороге видят значительное увеличение наших шансов в случае такого раздела. Враждебные действия Японии направлены главным образом против нас. Предполагаемое японцами занятие южной части Манчжурии будет для нас угрозой и, вероятно, повлечет за собой впоследствии присоединение к Японии всей Кореи. Получив с Китая контрибуцию в 600 миллионов рублей, японцы укрепятся в занятых ими местностях, привлекут на свою сторону весьма воинственных монголов и манчжур, а затем начнут новую войну. При таком положении вещей не будет невероятно, что через несколько лет микадо сделается китайским богдыханом. Если мы теперь допустим японцев в Манчжурию, то для охраны наших владений и Сибирской дороги потребуются сотни тысяч войск и значительное увеличение нашего флота, так как рано или поздно мы неизбежно придем к столкновению

с японцами. Отсюда вытекает вопрос: что для нас лучше — примириться с занятием Японией южной части Манчжурии и вознаградить себя за это после окончания Сибирской дороги или теперь же решиться активно воспрепятствовать таковому занятию? По мнению министра финансов, для нас представлялось бы более выгодным перейти к активному образу действий теперь же и, не стремясь пока к исправлению нашей амурской границы и вообще к каким-либо захватам, дабы не иметь против себя одновременно и Китай и Японию и быть корректными по отношению к Европе, заявить решительно, что мы не можем допустить занятия Японией южной Манчжурии и что, в случае неисполнения нашего требования, мы будем вынуждены принять соответствующие меры. Имеется значительная вероятность предполагать, что дело и не дойдет до войны, когда Япония, а равно и европейские державы убедятся, что мы действительно готовы, в случае, если к тому нас вынудят, действовать энергично. Если же, сверх ожидания, Япония не послушает наших дипломатических настояний, то следует предписать нашей эскадре, не занимая никаких пунктов, начать враждебные действия против японского флота и бомбардировать японские порта. Мы приобрели бы при этом роль спасителя Китая, который оценил бы нашу услугу и согласился бы потом на исправление мирным путем нашей границы.

Тайный советник Витте полагает, что победы японцев над китайцами еще не доказывают силы первых. В действительности, насколько известно, действующая японская армия не превышает 70 тысяч человек, причем она разбросана в Корее, в Манчжурии и на юге. Если бы, паче чаяния, дело дошло до войны, то, вероятно, оказалось бы достаточно с нашей стороны и тех сил, которыми мы можем располагать в данную минуту. Притом можно было бы рассчитывать и на некоторое содействие китайцев, а также и корейцев, которые попрежнему относятся враждебно к японцам.

На запрос министра иностранных дел о том, действительно ли мы располагаем достаточными сухопутными и морскими силами для начатия военных действий против Японии, военный министр заявил, что в данную минуту мы можем выдвинуть не более 12 или 15 тысяч человек, но что и японские сухопутные войска для нас в настоящее время безвредны, так как, не имея ни достаточного обоза, ни кавалерии, они не могут сделать ни шага вперед. Во всяком случае, по мнению генерал-адъютанта Ванновского, первые военные действия должны начаться со стороны флота, с тем, чтобы сухопутные войска в это время готовились и собирались.

Управляющий морским министерством выразил мнение, что предложенное великим князем генерал-адмиралом соглашение с Японией

возможно лишь в том случае, если японцы будут искренни. На искренность же и дружбу их, как заметил министр иностранных дел, рассчитывать трудно. Мы могли бы потребовать от Китая, чтобы он не соглашался на предъявленные Японией условия, заявив, что, в противном случае, мы займем северную Манчжурию, но так как Япония, вероятно, не остановится пред этим, то мы должны будем оказать Китаю помощь. Наша тихоокеанская эскадра сильна и имеет нравственное превосходство над японским флотом, тем более, что она еще не тронута. Не рискуя вдаваться в большие морские операции, она может однако-ныне же прервать японские сообщения. Генерал-адъютант Чихачев думает, что и при настоящих условиях мы могли бы твердо предъявить наши требования, не делая теперь никаких захватов.

Великий князь генерал-адмирал заявляет, что нам ни в каком случае не следует начинать враждебных действий против Японии. Если мы впутаемся в войну, то на стороне Японии, несомненно, окажется Англия, а быть может, и Германия. Наша эскадра достаточна для японцев, но не для англичан.

По мнению начальника главного штаба, для нас в высшей степени важно ни под каким видом не впутываться в войну. Необходимо иметь ввиду, что нам пришлось бы воевать за десять тысяч верст с культурной страной, имеющей 40 миллионов населения и весьма развитую промышленность. Все предметы военного снаряжения Япония имеет у себя на месте, тогда как нам пришлось бы доставлять издалека каждое ружье, каждый патрон для наших войск, расположенных на огромной некультурной территории с населением не более полутора миллиона. Ближайшие войска могут прибыть к месту военных действий лишь через три месяца, а из Омска и Иркутска только через пять. Генерал-адъютант Обручев высказывает убеждение, что необходимо действовать дипломатическим путем; впутаться же ныне в войну, на которую нас будут, вероятно, наталкивать европейские державы, было бы для нас величайшим бедствием, тем более, что мы не обеспечены ни на западе, ни на Кавказе.

Военный министр возразил на это, что, если даже предположить, что мы неготовы на западе, то мы всетаки не можем отказаться от действий на Дальнем Востоке, хотя у нас там только полтора миллиона жителей. Нельзя вести твердой политики с ручательством, что до войны дело не дойдет.

Генерал-адъютант Обручев заявляет, что мы могли бы достигнуть всего, что нам нужно, в согласии с Японией, а Китай нам не страшен. По соглашению с Японией мы могли бы занять северную Манчжурию.

Министр финансов находит, что, если мы возьмем какую-либо часть Китая, то и другие державы сделают то же самое. Таким образом

начнется дележ Китайской империи, который поведет к новым столкновениям. Война чрезвычайно нежелательна, но если требования Японии будут существенно угрожать нашему спокойствию, нам выгоднее решиться на войну теперь, ибо иначе России придется в будущем нести гораздо бóльшие жертвы. Можно предоставить Японии, как победительнице, взять Формозу, Рыбачьи острова, даже Порт-Артур и, в крайности, южную часть Кореи, но только не Манчжурию. Тайный советник Витте полагает, что Япония согласится добровольно на наши требования, если мы скажем решительное слово, но что, тем не менее, нельзя поручать министерству иностранных дел вести решительные переговоры, не имея ввиду возможности столкновения.

Статс-секретарь князь Лобанов-Ростовский выразил сомнение в успехе мирных переговоров с Японией и в возможности вступить с ней в соглашение относительно Манчжурии.

После окончательного обмена мыслей члены совещания пришли к следующим заключениям:

1. Добиваться сохранения status quo ante bellum на севере Китайской империи и в этих видах посоветовать Японии, сначала дружелюбным образом, отказаться от занятия южной части Манчжурии, так как таковое занятие нарушает наши интересы и будет служить постоянной угрозой спокойствию на Дальнем Востоке; в случае же решительного отказа Японии последовать нашим советам, объявить японскому правительству, что мы оставляем за собой свободу действий и будем поступать сообразно с нашими интересами. 2. Сообщить официально европейским державам, а также и Китаю, что, не стремясь с своей стороны ни к каким захватам, мы считаем необходимым для охраны своих интересов настаивать на отказе Японии от занятия южной части Манчжурии. 3. Повергнуть заключения эти на всемилостивейшее воззрение государя императора.

Алексей, Лобанов, Ванновский, Чихачев, Обручев, Сергей Витте, Шишкин.

Записка приамурского генерал-губернатора Духовского.

С.-Петербург (23) 11 января 1896 г.

Посланный гофмейстеру графу Кассини проект концессии железных дорог по Китаю составлен в общих чертах. Из него не видно: заменяет ли собой Манчжурская линия магистраль Великой Сибирской дороги или Амурская линия останется неизменной; не видно, какие именно ветви имеются ввиду в числе упоминаемых в § 12 проекта; не видно подробностей, гарантирующих наши строительные работы

и впоследствии защиту пути. Первоначальный проект концессии, имеющий целью получить лишь принципиальное согласие Китая, и не мог быть составлен иначе.

Несомненно, по получении согласия китайского правительства на этот проект, или даже и ранее, придется приступить к более обстоятельной разработке условий концессии, с участием представителей от министерств: кроме финансов, еще иностранных дел, военного, путей сообщений, а также от приамурского генерал-губернаторства.

Затем разработка должна пополниться данными, на собрание коих придется посвятить, по меньшей мере, все предстоящее лето, с посылкой на место инженеров, офицеров генерального штаба и других лиц. Только зимой 1896—97 года, вероятно, в Пекине или в одном из пунктов на Дальнем Востоке, придется все собранные материалы согласовать между собой и с данными от китайского правительства, дабы весной или летом 1897 года концессия могла утвердиться.

В то же время придется выяснить постепенность работ, связь их на заграничных линиях с внутренними, способы и средства как для самых работ, так и для охраны дороги, также способы и средства для обеспечения спокойствия и порядка во всем крае, как на первое время, так и для будущего, когда русской силе придется итти далее для выполнения указываемых судьбой исторических задач наших на Дальнем Востоке.

На концессию в таком виде, как она редактирована в проекте, Китай, надо полагать, беспрепятственно согласится. Дело для него слишком выгодное: без всяких затрат облагодетельствуются миллионы китайских подданных, в случае новой опасности от Японии облегчится помощь России, если же поколеблются дружеские отношения России с Китаем, последнему представляется много шансов прервать деятельность железной дороги.

Но едва ли тот же Китай отнесется вполне благосклонно к тому же делу, как только при выполнении концессии проявятся шаги для более существенного водворения в Манчжурии русской силы. И не поспешат ли указать на это Китаю наши тихоокеанские соперники; не вынудят ли даже они его вместе с ними подставить неотъемлемому и естественному ходу событий в будущем — ногу? Как предотвратить такой оборот дел и приготовиться дать достойный отпор, буде понадобится? Это также необходимо сообразить при разработке проекта.

Посланный графу Кассини первоначальный проект редактирован лишь с экономической стороны. Но громадное дело, им начинаемое, есть честь и достоинство России, будущая ее сила и мощь на Дальнем Востоке. Это не концессия для линии внутри государства. Здесь сооб-

ражения политические, военные и административные стоят выше экономических.

На Приамурский округ ляжет в значительной степени содействие этому крупному делу и ответственность за благополучный ход его. Потому да будет мне дозволено заявить просьбу о приступе к совокупному обсуждению, для этого обсуждения потребуется много времени и труда.

В основание обсуждений должны быть положены данные о современном состоянии наших сил и средств в Приамурье и о положении дел вообще на Дальнем Востоке. Это налагает на меня долг выставить их.

Еще не минуло 30 лет со времени открытия Суэзского канала, а тихоокеанские прибрежья уже обратились из неведомых и сказочных стран в животрепещущую международную арену. На глазах живущего еще поколения окрепли и развились: Западная Канада, Калифорния, Япония, колонии французов и других наций, крупные торговые интересы Англии и Германии. Результаты японско-китайской войны и позиции, занятые Россией с постройкой Сибирской железной дороги, усугубляют кипение местной жизни. Успехи науки и техники облегчили и ускорили появление в недавно безжизненных морях и краях главных проводников человеческой деятельности, множества пароходов-гигантов и длинных линий железных дорог. Даже неповоротливый Китай проявляет готовность прорезать свои недра теми же железными путями и приступил к закреплению и развитию своего могущества в соседних с нами провинциях.

События на прежде мало кого интересовавшей половине земного шара идут быстрыми шагами. То, что несколько лет назад не стоило внимания или было немыслимо, становится на первой очереди и неотвратимо.

Давно ли мы принялись за колонизацию русским населением Приамурья, за благоустройство здешних военных сил; давно ли явилась первая мысль о Великой сибирской дороге, мысль, казавшаяся смелой и широкой? Не успела еще дорога осуществиться, как приходится итти далее: заводить речь о дальнейшем развитии военных сил и усилении на нашей окраине русской жизни. Давно ли мы смотрели спокойно на свойства нашей китайской границы, а теперь сильно чувствуем не только невыгоды, но опасность ее и очутились в необходимости серьезнейше отнестись к исправлению, памятуя по историческим примерам, что легко достижимое сегодня через запоздание требует иногда необычайных напряжений, громадных расходов и даже пролития крови, с тяжкой ответственностью предыдущего поколения перед

последующим. И все это весьма естественно, идя в параллель с тем, что совершается вообще на тихоокеанских прибрежьях.

Небольшое внимание к совершающемуся приводит к мысли, что в ближайшие десятилетия мы или дети наши, несомненно, увидят соединение центра Сибири с океанскими побережьями несколькими железными линиями, причем все более обрисовываются направления: а) через Кяхту в недра Китая, б) из Забайкалья чрез Манчжурию к Владивостоку, Посьету и Ню-чуану и в) Амурская линия, третья часть коей (от Владивостока до Хабаровска) вскоре будет уже готова. Относительно границы все более становится очевидной неизбежность выдвинуть ее ближе к пределам застенного Китая.

Необходимость Кяхтинской линии станет очевидной, как только решится вопрос об отдаваемых для постройки германцам дорогах внутри Китая. Манчжурская линия, очевидно, важна по ее короткости и экономическому значению. О значении ветки к Ню-чуану и об Амурской линии скажу несколько ниже.

Необходимость усиления мер по колонизации и благоустройству Приамурского края, также для усиления местных военных сил и снабжений, уже привела нас ко многим важным решениям. К сожалению, эти меры не могут осуществиться столь быстро, как требуют обстоятельства; пришлось рассрочить их на несколько лет.

Невозможность поспевать за совершающимися событиями делает нашу Приамурскую окраину временно очень слабой.

Мобилизация 1895 года дала нам полезный урок. При силах, с коими могла предстать перед нами в ту пору Япония, можно было не беспокоиться за малочисленность войск. Русская доблесть и хорошие качества наших войск давали нам смелость бодро итти вперед, особенно опираясь на сильную морскую эскадру. Но воочию обнаружились серьезные опасения в вопросах снабжений при дальних и бездорожных операционных линиях, при полной отрезанности театра войны от всего мира, при младенческой слабости базы. При мобилизации 1895 года мы не формировали ни парков, на транспортов войска, не трогались с места и спустя 21 день демобилизовались. Тем не менее крошечное неокрепшее население базы сильно пострадало, и я уже испрашивал для прокормления его пособие более чем в полмиллиона рублей. А если дело повернуло бы к настоящей войне, вся наша колонизационная работа рухнула бы, железнодорожные подвозки и работы остановились бы, и для поправки испорченного понадобилось бы долгое время, громадные трудности и расходы.

Освободившаяся от операций в Китае и все усиливающаяся Япония в ближайшие годы может вызвать нас на большие жертвы, и не столько в смысле боевой силы, как в смысле расходов на всякого ро-

да снабжения и на исправление потрясений в быте молодого края и в железнодорожных работах, вследствие чрезмерного напряжения всей полосы нашего океанского побережья. А можно ли ручаться за то, что злящаяся на нас ныне Япония из-за какого-нибудь простого предлога не ринется очертя голову, мня себя всемогущей? Слабость нашего положения отлично известна нашим тихоокеанским соперникам, и они хорошо сознают, что, если они пропустят ближайшие годы, перевес слишком резко пойдет склоняться на нашу сторону. Не касаясь Франции и Германии, можно ли ручаться и за то, что Англия все эти годы будет, как ныне, отвлекаема канадским или иными вопросами? Наконец, можно ли ручаться и за самый Китай с его слабым и вероломным правительством; ведь даже не явное, а глухое, по принуждению Японии с Англией, противодействие наделает нам много хлопот. Благодарность за благодеяние легко может обратиться в ненависть.

Великую услугу оказала бы России дипломатия, тщательно устраняя малейшие поводы к взбаломучению Дальнего Востока в ближайшие к нам 4—6 лет. Упоминаю про этот срок потому, что только в течение оного военные силы наши войдут в новую норму снабжения, подготовятся, а главное железный путь из Сибири пододвинется. По прошествии этого срока мы сможем заговорить уже иным языком [1]).

Таковые условия современного состояния Приамурского края необходимо иметь в виду при дальнейшей разработке концессии.

Какими же способами нам следует обеспечить себя на критические годы от всяких случайностей?

Прежде всего, конечно, иметь наготове: на Тихом океане — грозную эскадру, а в Туркестане самую чувствительную угрозу главному сопернику нашему, Англии, силы и средства для действий на Индию [2]).

Затем — не бросать прежде намеченной русской по Приамурью железной дороги. Если бы вся Манчжурия перешла в нашу власть легко и немедленно, если бы мы смогли, возводя манчжурский железный путь, одновременно крепко-на-крепко охранить его не только военной силой, но и русскими поселениями, с водворением во всем крае русской власти, то и в таком невероятном случае Амурская линия сохранила бы за собой ее великое колонизационное, базоустроительное значение. Крайне тяжелый удар нанесется Приамурью, если блеснувший на него луч света померкнет. Колонизация, золотопромышленность, могучий подъем русской жизни — все повернет назад. Никакие усиления кратколетнего пароходства по Амуру не вознаградят этого поистине несчастья. А так как быстрое обрусение Манчжурии немыслимо, то нашей домашней, чисто-русской Амурской линии на многие

[1]) Против этого абзаца помета Николая II: «Это верно».

[2]) Этот абзац отчеркнут Николаем II.

годы предстоит служить нам и важную военную службу. Недаром же комитет Сибирской железной дороги столь хлопотал и расходовался на водворение вдоль пути к Тихому океану чисто русского населения с православными церквами и школами. Будет ли путь по Манчжурии той гордостью и надежей русского национального знамени, которое поднято великим предприятием императоров Александра III и ныне благополучно царствующего? Не будет ли крупной исторической ошибкой проложение участка Великой сибирской дороги в 2000 верст длиной по району, который долгое время будет для нас чужеземным? [1]). Две тысячи верст равны расстоянию от Петербурга поперек всей Европейской России до Астрахани; это не 250 верст, проходящих по Бухаре. Опыт Уссурийской дороги указывает, сколь трудно прочно обеспечить движение на огромных расстояниях даже в безлюдной местности, где бродят лишь ничтожные шайки хунхузов.

Для верного закрепления чести и достоинства России, будущей ее силы и мощи на Дальнем Востоке весьма рискованно, увлекаясь экономией сегодняшних дней, удовольствоваться одной Манчжурской линией. Амурскую линию можно низвести до возможно дешевой стоимости, без дорогих постоянных мостов чрез Амур, но бросить ее, особенно на ближайшее к нам время опасно.

Но в то же время нельзя упускать из виду важности для нас скорее взять в свои руки ветвь от Владивостокской дороги чрез Гирин и Мукден к пределам застенного Китая с отраслями от нее к портам Посьету и Ню-чуану. Возведение линии Шанхай-гуан — Мукден — Гирин давно решено в принципе китайским правительством, остановилось за неимением денег, и ныне уже являются на нее конкуренты. Сохрани бог, чтобы эта линия не очутилась в руках иностранцев, особенно англичан! Нельзя откладывать включение ее в нашу концессию, и следует настоять, чтобы она вышла от Гирина не прямо к Посьету, как мечтали проектировавшие ее несколько лет назад иностранные инженеры, а непременно на соединение с нашей владивостокской линией, например, чрез Нингуту и Полтавский караул к Никольскому.

С другой стороны, часть Амурской линии между Сретенском и Благовещенском столь трудна в техническом отношении и столь невыгодна по своей выгнутости к северу и бесплодности берегов верховья Амура, что ее, во всяком случае, совершенно необходимо спрямить чрез Даурию. Есть основания полагать, что в техническом отношении для начала Манчжурской дороги выгодно взять направление Сретенск — Мэргень (или около). От Мэргеня (или около), во всяком слу-

[1]) Помета Николая II: «Нет».

чае, крайне желательна ветвь к Благовещенску. Таким образом, линия Сретенск — Мэргень войдет в состав и Манчжурской и Амурской линии. Совершенно необходимо возможно прочнее и скорее обеспечить этот участок, приобретя хотя бы дорогой ценой, широкую полосу земли, где можно бы водворить русские поселения. Здесь доселе страна пустынна, китайское правительство этим куском не может особенно дорожить, и не только покупка широкой полосы, но, может быть, даже и полное приобретение всего отрезанного дорогой пространства в изгибе Амура, надо полагать, не возбудит международных осложнений.

Таковая относительная важность разных частей железной дороги, казалось бы, должна быть непременно принята в соображение при дальнейшей разработке концессии.

Этот же взгляд приводит к тому, что начать постройку лучше всего с двух концов, — с линий а) Никольское — Нингута — Гирин, откуда можно повернуть к Бодунэ, и б) Сретенск — Мэргень с ветвью к Благовещенску. Это же соответствует и удобству в строительном отношении, в смысле подвозок материалов.

Будущее трудно предвидеть. Может случиться, что ко времени окончания двух только что упомянутых участков политические и местные обстоятельства сложатся настолько благоприятно, что мы сможем без всякого риска поспешить замкнутием линии Мэргень — Бодунэ, чем короткий выгоднейший в экономическом отношении путь сам собой достигнется. Но гораздо более вероятия, что придется сначала замкнуть линию по Амуру, имея которую мы уже явимся в состоянии действовать в Манчжурии с полным спокойствием и уверенностью в своей силе.

Затем при разработке концессии следует, по взаимному соглашению ведомств, имеющих участвовать в обсуждениях, включить условия, облегчающие строительные работы, подробности охраны линии и обеспечения спокойствия в крае, с соображением видов на будущее. Но это требует производства сначала основательных технических и других изысканий, до чего можно их лишь наметить.

Выше было сказано, что усиление мер по колонизации и благоустройству Приамурского края, также по усилению местных военных сил и снабжений уже привели нас к многим важным решениям, но, к сожалению, их пришлось рассрочить на несколько лет. Было бы весьма важно на критические 4—6 лет иметь ввиду несколько дополнительных временных мер [1]).

При ежегодной переверке мобилизационных и стратегических соображений Приамурского округа легко могут обнаруживаться нужды,

[1]) Эта фраза отчеркнута Николаем II.

ные непредвидимые, в смысле дислокации, службы войск передвижений, заготовок и устройства разного рода снабжений, даже состава войск. Нужды эти будут зависеть, главным образом, от того, что будут делать наши соседи. Эти нужды, разумеется, будут удовлетворяться средствами, уже предположенными к ассигнованию. Но если явится неизбежность переступить такие пределы, то да отнесется к ним министерство финансов с участием.

На первом плане в числе подобных мер представляется командирование теперь же из Европейской России, примерно на 4 года, бригады пехоты из восьми батальонов военного состава на Забайкальскую железную дорогу, с тем чтобы эти войска, по возможности без стеснения строевого образования, приняли участие в железнодорожных работах, а лишь только потребуется, могли бы выступить боевой силой.

Еще в 1866 году, в бытность мою начальником штаба 14 пехотной дивизии, я принимал участие в полезных работах этой дивизии на Киево-Балтийской железной дороге и был свидетелем возможности вести это дело без ущерба строевой специальности. При нынешнем коротком сроке службы солдата понятна несочувственная сторона такой меры с точки зрения военных властей, но исключительные условия, казалось бы, должны допустить исключение. Работы на Уссурийской дороге в значительной доле выполнены войсками, что не мешало им совершенствоваться в своем прямом назначении. Между тем, независимо значения, как военная сила, для строителей дороги это было бы чрезвычайно важное русское знамя и регулятор заработных цен среди масс работающих китайцев и других иноземцев. Опыт показывает, что, не имея вперемежку с иноземными рабочими благоустроенной крепкой русской силы, очень трудно справляться и с порядком на работах и с повышением цен. К тому же желательно, чтобы заработок достался и русскому солдату. С другой стороны, работы на Забайкальской дороге лишь начались, для полного же хода их в наступившем году требуется огромная масса рук. Между тем до меня уже доходят жалобы золотопромышленников на ущерб от приманки людей на чугунку. Усиленная потребность в рабочих, если не принять мер, несомненно и много послужит в ущерб всем сторонам быта малолюдного Приамурского края и как раз в ту пору, когда под светом лучшего будущего он стремится к всестороннему развитию.

На Уссурийскую дорогу прибыл 1-й Уссурийский железнодорожный батальон. Не успев еще установиться на эксплоатации, он уже принес пользу постройке: часть его была мной прямо направлена на укладку рельсов, и, если бы не она, едва ли к 1 января сего года рельсы дошли бы до реки Бикина, как это достигнуто. Может быть, признается удобным некоторые из батальонов просимой бригады постепенно пре-

образовывать в железнодорожные? Ведь без новых железнодорожных батальонов не только на Манчжурской, но и на других дорогах Дальнего Востока не обойтись. Ввиду того, что прибытие частей войск из Европейской России требует времени, не признается ли возможным этот последний вопрос выяснить неотлагательно?

Изложенными мерами мы в значительной степени обеспечим себя на критические годы от всякого рода случайностей. Исход будет тот же, намеченный первоначальным проектом, между тем ведение дела получит более осторожную форму.

Приамурский генерал-губернатор
генерал-лейтенант Духовской.

Записка министра финансов Витте.

(12 апреля) 31 марта 1896 г.

По поводу приведенной записки приамурского генерал-губернатора [1]) министр финансов считает необходимым объяснить нижеследующее.

Безусловно признавая и с своей стороны, что железная дорога, проектируемая для соединения Забайкальской области с Владивостоком, имеет не только экономическое, но также политическое и стратегическое значение, и что поэтому направление ее должно быть обсуждаемо не только с экономической, но и с других точек зрения, тайный советник Витте не может согласиться с тем мнением генерал-лейтенанта Духовского, что приложенный к концессии на Манчжурскую железную дорогу меморандум составлен министерством финансов по соображению исключительно с экономической стороной дела. Назначение сего меморандума заключается в выяснении того значения, которое проектированная через Манчжурию железная дорога представит собственно для китайского правительства, причем в нем указаны экономические и стратегические выгоды для Китая означенной дороги; меморандум имел целью облегчить нашей миссии в Китае ведение переговоров с китайским правительством относительно предоставления русской компании концессии на постройку и эксплоатацию названной железнодорожной линии. Ввиду такой цели меморандума, в нем невозможно было затронуть другую сторону дела — то значение, которое данная линия будет иметь для интересов России: экономических, политических и стратегических. Эта же последняя сторона дела, конечно, и послужила ос-

[1]) 1-я часть записки Витте, опущенная здесь, представляет собой краткое изложение публикуемой выше записки приамурского генерал-губернатора Духовского.

нованием к возбуждению вопроса о проведении железной дороги по означенному направлению.

С политической и стратегической сторон дорога эта будет иметь то значение, что она предоставит России возможность передвигать во всякое время по кратчайшему пути свои военные силы к Вла[illegible]остоку и сосредоточивать их в Манчжурии, на берегах Желтого [illegible]ря и в близком расстоянии от столицы Китая. Одна возможность появления значительных русских сил в названных пунктах чрезвычайно усилит престиж и влияние России не только в Китае, но и вообще на Дальнем Востоке, и будет способствовать более тесному сближению подвластных Китаю народностей с Россией.

С финансовой точки зрения направление через Манчжурию будет иметь следующие существенные преимущества перед другим, проектированным для той же дороги, направлением вдоль Шилки и Амура.

а) Линия от Сретенска до Хабаровска, проектированная по направлению вдоль Шилки и Амура, представит на большей части своего протяжения огромные технические трудности как по характеру тех долин, где она пройдет, в особенности между Сретенском и Покровской (около 400 верст), так и по суровости климата и полной безлюдности местности на большей части ее протяжения. Направление же от Сретенска через Манчжурию к Владивостоку представляется в техническом отношении более выгодным, а в климатическом отношении гораздо более благоприятным, ибо линия пройдет в более южных широтах; наконец, здесь железная дорога прорежет местность населенную и, следовательно, будет более обеспечена необходимой рабочей силой, нежели в районе вдоль Шилки и Амура. Хотя изыскания для Манчжурской линии еще не окончены, и точная длина ее еще не определилась, но уже по одному взгляду на карту можно сказать, что манчжурское направление, как более прямое, будет значительно короче направления на Покровскую, которое, следуя вдоль по течению Шилки и Амура, делает изгиб к северу. Ввиду приведенных данных, при избрании манчжурского направления стоимость постройки линии значительно сократится по сравнению с направлением линии вдоль течения Шилки и Амура.

б) В эксплоатационном отношении манчжурское направление также представит существенные выгоды для Сибирской дороги, ибо по сему направлению от Читы до Владивостока будет приблизительно 2 100 верст, тогда как по направлению через Покровскую и Хабаровск расстояние между теми же пунктами составит около 3 080 верст, т. е. более на 980 верст. Такое значительное сокращение эксплоатационной длины имеет существенное значение для транзитной линии.

Равным образом, направление через Манчжурию на Владивосток представит выгоды также и по сравнению с другим, рекомендуемым генерал-губернатором, направлением на Мергень и Благовещенск, — это последнее проходит по менее плодородной и в некоторых местах совершенно пустынной местности и, кроме того, потребует устройства двух огромных мостов через Амур: в Благовещенске и Хабаровске, ибо оставлять транзитную линию без мостов в таких условиях, что движение по ней прерывалось бы на продолжительное время весной и осенью, едва ли возможно; с принятием же направления на Владивосток, необходимость в устройстве двух означенных мостов через Амур и связанные с сим весьма значительные расходы отпадают. Кроме того, при избрании направления на Мергень — Благовещенск, общая эксплоатационная длина транзитной линии Чита — Благовещенск — Владивосток (3 000 верст) будет на 900 верст больше, чем по прямому направлению с Читы через Цицикар на Владивосток (2 100 в.).

Возбужденный генерал-губернатором вопрос о приобретении в Манчжурии полосы земли.

Как бы в предвидении всех этих возражений, в записке генерал-губернатора указывается, в виде довода в пользу направления из Забайкалья на Мергень и Благовещенск, то обстоятельство, что в таком случае было бы возможно и необходимо купить, хотя бы дорогой ценой, широкую вдоль линии полосу земли, чтобы на ней водворить русские поселения, или даже приобрести все отрезанное дорогой пространство в изгибе Амура, что, по мнению генерал-лейтенанта Духовского, не возбудит международных осложнений. Вместе с сим генерал-лейтенант Духовской указывает на невыгоды и опасность нашей китайской границы и на необходимость серьзнейше отнестись к исправлению ее.

Отзыв по сему делу гофмейстера графа Кассини.

По поводу означенных мнений генерал-лейтенанта Духовского, сообщенных им также и нашему посланнику в Китае, граф Кассини, в донесении к министру иностранных дел, высказывает то соображение, что при нынешних обстоятельствах всякие попытки к расширению наших владений на счет Китая должны быть избегаемы нами самым тщательным образом, и что нам особенно следует остерегаться возбуждать такие вопросы, в которых мы рискуем наткнуться на почти несомненный отказ, могущий самым неблагоприятным образом отозваться на нашем только что укрепившемся престиже в этой стране. По убеждению графа Кассини, весь наш кредит и все наше влияние мы должны полностью приберечь для достижения одной, главной,

ясно намеченной цели, коей и является проведение нашей железной дороги через всю Манчжурию к Владивостоку. Эта цель настолько существенна и важна для нас, что крайне неблагоразумно было бы компрометировать успех предстоящих нам по этому предмету переговоров одновременным возбуждением других вопросов, конечно, так же серьезных и важных, но таких, которые, в случае благоприятного решения главного вопроса о железной дороге через Манчжурию, в более или менее близком будущем, без всякого сомнения, разрешатся сами собой.

Высочайшая отметка, последовавшая на донесении графа Кассини.

По мнению министра финансов, нельзя не согласиться с таковым мнением графа Кассини. Мнение это удостоилось и высочайшего одобрения. На означенном донесении российского посланника вашему императорскому величеству благоугодно было собственноручно начертать: «Верно».

Если же отпадает главный довод, приводимый генерал-губернатором в пользу направления через Мергень на Благовещенск — возможность приобретения в пользу России полосы земли, прилегающей к означенному направлению, — то засим это направление представит значительно менее выгод, нежели прямое направление через Цицикар на Владивосток.

Экономическое значение проектируемой через Манчжурию линии. Соперничество иностранных держав в Китае. Опасность, угрожающая интересам России в Китае в том случае, если ее экономическая политика в этой стране будет иметь пассивный характер.

С экономической стороны направление через Манчжурию на Владивосток будет иметь следующее значение: с проведением железной дороги по этому направлению, Владивосток сделается главным портом для большей части Манчжурии, за исключением самой южной ее части, непосредственно прилегающей к Желтому морю. Соединение через посредство означенной линии Манчжурии, с одной стороны, с русским портом, а с другой—с Сибирью и Европейской Россией представит условия, чрезвычайно благоприятные для русской торговли, которая засим, с закрытием порто-франко в Уссурийском крае, получит возможность прочно утвердиться в Манчжурии и в прилегающих к ней провинциях Китая. По проведении названной магистрали сама сила вещей заставит в скором времени проводить ветви от сей линии вглубь Китая, что будет способствовать тесному экономическому сближению последнего с Россией. Конечно, таковые боковые ветки сибир-

ской магистрали будут когда-нибудь построены даже и в том случае, если сия последняя пройдет исключительно в пределах России, но можно наверно сказать, что в сем последнем случае осуществление их отдалится на очень продолжительное и притом совершенно неопределенное время. Между тем, при современном положении дел на Дальнем Востоке, между главнейшими европейскими державами, а также и Японией идет напряженное соперничество из-за экономического и политического влияния над странами Востока, и наши соперники (Англия, Франция, Германия и Япония) напрягают все усилия к тому, чтобы прочно утвердить свое влияние в Китае и распространить его на возможно большую часть сей страны.

В этих видах они стремятся к получению от пекинского правительства различных привилегий. Хорошо сознавая, что одним из могущественных средств к обеспечению экономического влияния в Китае служит захват в свои руки сооружения рельсовых путей, европейские державы стараются о получении железнодорожных концессий, а также подрядов на поставку железнодорожных материалов.

Так, Япония еще в период войны проектировала сооружение железной дороги по северному берегу Корейского залива и на полуострове Ляо-дуне. Германия, в лице одного из своих подданных, старшего инженера китайских железных дорог Киндера, является уже теперь распорядительницей постройки Тянь-цзинь — Пекинской линии, причем в ее руки поступают подряды на поставку рельсов, паровозов и вагонов. Франция, по статье V франко-китайской конвенции 8(20) июня 1895 г., получила право постройки железной дороги от аннамской границы внутрь провинции Юнь-нань, а французская компания Five-lille хлопочет уже в Пекине о получении концессии на постройку линии от Лун-чжоу вглубь провинции Гуанг-си. Для Англии, статьей IV последней декларации с Франций, признано со стороны Франции право на те же привилегии, которыми пользуется Франция по отношению к южному Китаю. В силу этого в Лондоне уже деятельно обсуждается проект Бирмано-китайской железной дороги по Рангуна через Каренни в Юнь-нань.

Кроме того синдикат гонконгских английских капиталистов стремится обеспечить за собой возможность деятельного участия в постройке Шанхай — Су-чжоуской железной дороги и, вероятно, добьется этого при помощи пользующегося огромным влиянием в Пекине главного инспектора морских китайских таможен сэра Роберта Харта.

При таком положении дела Россия по необходимости должна следовать образу действий своих экономических соперников; в противном случае она рискует, что другие европейские государства приобретут преобладающее экономическое влияние в Китае, и в их руки попа-

дут главнейшие железнодорожные линии северных провинций Китая, не исключая и Манчжурии. Сего последнего Россия, конечно, допустить не может и потому должна всемерно стремиться к переходу в ее руки сети дорог в северном Китае, и прежде всего магистрали, имеющей прорезать Манчжурию по направлению от Забайкалья к Владивостоку.

Из изложенного видно, что, прежде возбуждения вопроса о проведении сибирской магистрали по направлению через Цицикар на Владивосток, министерством финансов вопрос сей был обсужден всесторонне, причем министерство пришло к заключению, что означенное направление наиболее удовлетворяет экономическим, политическим и стратегическим требованиям.

Те опасения, которые высказывает генерал-губернатор относительно направления на Цицикар и Нингуту, должны бы иметь место также и по отношению к рекомендуемому им направлению на Мергень и Благовещенск.

С мнением генерал-губернатора о том, что китайцы всегда будут в состоянии воспрепятствовать правильному движению поездов по Манчжурской дороге, едва ли можно согласиться, ибо от нас будет зависеть принять меры к тому, чтобы этого не случилось и чтобы движение по названной дороге совершалось так же правильно, как на дорогах, проходящих исключительно по русской территории.

Во всяком случае, если бы таковые опасения могли иметь место относительно железной дороги, проектируемой по направлению из Забайкалья через Цицикар на Владивосток, то, казалось бы, они сохраняют свою силу также и относительно линии Сретенск — Мергень — Благовещенск, между тем в записке генерал-губернатор не высказывает опасений относительно возможности перерыва движения на этой последней линии. Ввиду сего представляется непонятным, почему не может быть обеспечена безопасность движения по линии, проектированной по китайской же территории, по направлению к Владивостоку. К тому же эта линия будет вовсе не так длинна, как полагает генерал-губернатор: она составит в пределах Китая не 2000 верст, как указывает генерал-лейтенант Духовской, а 1100—1300 верст (точная цифра определится лишь по окончании производства изысканий).

С проведением Манчжурской линии уже не будет настоятельной надобности в железной дороге вдоль Амура. Естественная база для наших войск на Дальнем Востоке находится не в Амурекой, а в Забайкальской области.

Далее генерал-лейтенант Духовской высказывает мнение о том, что хотя бы вся Манчжурия перешла к нам в руки, все таки не следует бросать намеченной по Приамурью железной дороги, как имеющей колонизационное, базоустроительное значение. «Крайне тяжелый удар нанесется Приамурью, — говорит генерал-лейтенант Духовской, — если блеснувший на него луч света померкнет. Колонизация, золотопромышленность, могучий подъем русской жизни, — все повернет назад. Никакие усилия кратколетнего пароходства по Амуру не вознаградят этого поистине несчастия».

Так как Хабаровск будет в непродолжительном времени соединен железной дорогой с Владивостоком, то вышеприведенные слова генерал-губернатора относятся, очевидно, к Благовещенску и его окрестностям, ибо, согласно предлагаемому генерал-лейтенантом Духовским направлению, железная дорога в пределах Амурской области прошла бы только между Благовещенском и Хабаровском, выше же Благовещенска она следовала бы по манчжурской территории. Благовещенск же и прилегающая к нему часть Амурской области расположены по прекрасным водным путям — Амуру и его притокам, из коих некоторые, как, например, Зея и Бурея, представляют собой большие многоводные реки. Период навигации по Амуру составляет от 188 до 210 дней [1]). Для заселения края Амур и его притоки служат отличными путями, столь же удобными, как и железная дорога. Известно, что бассейны многоводных рек Европейской России заселили задолго до проведения сети железных дорог, которые сооружались вовсе не в видах колонизации. Кроме того, дабы железные дороги принесли наибольшую сумму пользы, их обыкновенно проводят не параллельно течению рек, а по возможности перпендикулярно к ним, дабы железная дорога не конкурировала с водным путем, а, напротив, эти два пути взаимно друг друга дополняли бы. С таким именно расчетом были проектированы все многочисленные железнодорожные линии, идущие к Волге. При проведении же железной дороги по Приамурью она, проходя параллельно реке и притом в близком от нее расстоянии, взаимно конкурировала бы с ней; между тем край этот, при современном его экономическом состоянии, дает очень мало грузов реке; поэтому проведение в нем железной дороги оправдывалось бы не местными потребностями, а исключительно потребностями транзитного движения. Но этой цели еще в большей степени удовлетворяет линия железной дороги, направляющаяся из Забайкалья через Манчжурию к Владивостоку, как более короткая по своему протяжению.

[1]) Волга от Рыбинска до Нижнего бывает открыта для судоходства 183—195 дней в году, Волхов — 195, Западная Двина до Витебска — 202—210, Днепр до Смоленска 205—215. [Прим. подлинника].

Таким образом, в отношении колонизации и в отношении подъема русской жизни проведение железной дороги по Амурской области между Благовещенском и Хабаровском не представляется безусловно необходимым. Оно не требуется также пока и для развития в крае золотопромышленности, ибо, во 1-х, такая линия железной дороги вовсе не захватила бы золотопромышленного района, который значительно удален к северу и к северо-востоку, а во 2-х, как показал опыт того же Амурского края, золотопромышленность успешно развивается здесь и без железной дороги, доставляя в последнее время около 425 пудов золота в год.

Наконец, если в настоящее время к числу пунктов нашей базы на Дальнем Востоке и относят Благовещенск с прилегающей к нему местностью, то еще сомнительно, сохранит ли эта база свое значение с проведением железной дороги по направлению из Забайкалья на Владивосток. Напротив, казалось бы, что, в силу изменившихся условий, база тогда передвинется из Амурской области в Забайкальскую, которая гораздо более населена, чем Амурская, и более производительна: она и теперь считается житницей Амурской и Приморской областей. Поэтому содержание войска в ней должно обходиться дешевле, нежели в других областях Приамурского генерал-губернаторства. К тому же она вскоре будет соединена рельсовым путем с Европейской Россией, откуда таким образом будет обеспечена доставка резервных войск. В случае же осуществления железной дороги из Забайкалья через Манчжурию во Владивосток, будет также обеспечена быстрая доставка войск из названной области к берегам Японского и Желтого морей. Таким образом, находясь из всех частей Приамурского генерал-губернаторства в наиболее благоприятных условиях в отношении содержания и снабжения войск, Забайкальская область, с проведением сибирской магистрали по проектированному направлению (Цицикар — Владивосток), будет поставлена в весьма выгодное положение и в отношении сосредоточения наших войск в тех пунктах Дальнего Востока, где того будут требовать наши интересы [1]).

Ввиду приведенных соображений, министр финансов не может согласиться с мнением приамурского генерал-губернатора о том, что интересы государственные требуют соединения Забайкальской железной дороги через Манчжурию с Благовещенском и далее с Хабаровском, и полагает, что в интересах государственных железную дорогу от Забайкалья следует вести через Манчжурию на Цицикар и ст. Ни-

[1]) База, по всей вероятности, передвинется из Амурской области в Забайкалье и в том случае, если бы сибирская магистраль была проведена по предлагаемому генерал-лейтенантом Духовским направлению на Мергень и Благовещенск. [Прим. подлинника].

кольское Уссурийской железной дороги, для кратчайшего соединения с Владивостоком.

Возбуждаемый генерал-губернатором вопрос о постройке самостоятельной ветки от Уссурийской железной дороги в южную Манчжурию к пределам застенного Китая.

В своей записке генерал-лейтенант Духовской указывает на необходимость для нас скорее взять в свои руки ветвь от Уссурийской железной дороги чрез Гиринь и Мукден к пределам застенного Китая, с отраслями от нее к портам Посьет и Ню-чжуань. «Возведение линии Шанхай-гуань — Мукден — Гиринь, говорит — генерал-лейтенант Духовской, — давно решенное в принципе китайским правительством, остановилось за неимением денег, и ныне уже являются на нее разные конкуренты. Сохрани бог, чтобы эта линия не очутилась в руках иностранцев, особенно англичан. Нельзя откладывать включение ее в нашу концессию, и следует настоять, чтобы она вышла от Гирина не прямо к Посьету, как мечтали проектировавшие ее несколько лет назад иностранные инженеры, а непременно на соединение с нашей Уссурийской линией, например, через Нингуту и Полтавский караул к Никольскому». В виду сего генерал-лейтенант Духовской признает необходимым, одновременно с постройкой железной дороги с запада на восток от Сретенска через Мерген ь к Благовещенску, приступить к постройке железной дороги с востока на запад и от ст. Никольского Уссурийской железной дороги через Нингуту и Гиринь на Бодунэ. Затем эту последнюю линию генерал-лейтенант Духовской полагает возможным, если политические и местные обстоятельства сложатся благоприятно, соединить с первой линией, построив участок Мергень — Бодунэ, если же условия не будут благоприятны, то сначала замкнуть линию по Амуру.

Из изложенного видно, что генерал-лейтенант Духовской полагает необходимым ветвь Никольское — Нингута — Гиринь — Бодунэ включить в концессию и строить во всяком случае, из опасения, чтобы постройка и эксплоатация этой ветви не была передана Китаем в руки наших соперников; затем, если условия сложатся благоприятно, то, по мнению генерал-лейтенанта Духовского, эту ветвь следует соединить с проектируемой им линией из Забайкалья через Мергень в Благовещенск; в противном же случае — оставить ее на некоторое время без прямого соединения с названной линией.

По мнению министра финансов, усилению нашего политического и экономического положения в Манчжурии могут способствовать только линии, которые будут находиться в прямом и непосредственном соединении с нашей естественной базой — Забайкальем, откуда должно

распространяться на Манчжурию наше экономическое и политическое влияние и откуда всего легче могут быть двинуты наши военные силы, если бы в том встретилась надобность. Что же касается линии или ветвей, которые были бы проведены из Приморской области в Манчжурию, но остались бы несоединенными с упомянутой базой, то подобные линии не только не принесут пользы русскому делу в Манчжурии, но могут нанести ему прямой ущерб. Если бы, например, в случае открытия военных действий, неприятель стал угрожать Владивостоку и ст. Никольскому [1]), то вместе с тем опасность стала бы грозить и всей ветви Никольское — Бодунэ. Таким образом эта ветвь, вместо оказания содействия русским войскам в деле обороны Владивостока и Южно-Уссурийского края, могла бы только затруднить их задачу.

Забота генерал-губернатора о том, чтобы, ветви, проектируемые на север от Пекина, не попали в руки наших соперников, имеет чрезвычайно важное значение, но цель эта могла бы быть достигнута усилением русского влияния в Китае, а ничто не в состоянии в большей мере способствовать усилению сего влияния, как сооружение русской линии от Забайкальской железной дороги через Манчжурию к Владивостоку. Раз эта линия будет находиться в русских руках, можно быть уверенным, что засим никакая другая линия или ветвь в северном Китае не будет построена без согласия России. При избрании же направления для сих последних линий или ветвей надо иметь ввиду, что, как это выше объяснено, наша база будет находиться в Забайкалье, поэтому означенные ветви должно примыкать к магистрали таким образом, чтобы расстояние от Забайкалья тех главнейших центров Манчжурии, через которые пройдут ветви, было по возможности кратчайшим. Этому условию не удовлетворяет проектируемая генерал-лейтенантом Духовским ветвь Никольское — Полтавская — Нингута — Бодунэ, ибо, пока Мергень останется несоединенным с Бодунэ, означенная ветвь (Никольское — Бодунэ) будет иметь только очень кружное соединение с Забайкальем — через Хабаровск и Благовещенск; с постройкой же участка Мергень — Бодунэ хотя и образуется транзитный железнодорожный путь Чита — Мергень — Бодунэ — Гиринь — Нингута — Никольское, но путь этот соединяет лежащие на нем пункты с Забайкальем не по прямой или слабо изогнутой линии, а по линии ломанной, несколько раз круто меняющей направление, что искусственно отдалит главные центры Манчжурии от нашей естественной базы (Забайкалья).

Независимо от сказанного, при сооружении железной дороги в Манчжурии с точки зрения торговых интересов России необходимо

[1]) Ст. Никольское представляет собой важный военный пункт в Южно-Уссурийском крае. [Прим. подлинника].

иметь ввиду все более и более усиливающееся влияние порта Нючжуань, как ввозного и распределительного пункта иностранных товаров в стране. При проведении проектируемой генерал-лейтенантом Духовским линии от ст. Никольского на Гиринь и Бодунэ, в расчете продолжить ее к застенному Китаю, с ветвью к Ню-чжуаню, открывался бы самый широкий доступ в Манчжурию товарам Западной Европы и Японии. Наступление такового момента Россия должна всеми силами не приближать, а по возможности отдалять, впредь до упрочения в Манчжурии своего экономического влияния. Представляется более вероятным, что линия Никольское — Гиринь, если бы она велась изолированно, как предлагает генерал-лейтенант Духовской, а не магистралью через Манчжурию, замкнулась бы гораздо скорее на юге с Ню-чжуанем, нежели на севере с Мергенем, и в таком случае явилась бы опасность упустить Манчжурию навсегда из-под русского экономического влияния.

Вопрос об условиях, облегчающих строительные работы и обеспечивающих охрану Манчжурской линии во время постройки и эксплоатации, может быть окончательно выяснен лишь по получении подробных результатов изысканий на месте. Применение для сей цели железнодорожных батальонов.

Что касается условий, облегчающих строительные работы и обеспечивающих охрану линии и спокойствие в крае, который она прорежет, то таковые подлежат выработке в связи с данными, добытыми при производстве изысканий. На одно из таких условий обращает внимание и генерал-лейтенант Духовской, высказываясь за необходимость командирования в Забайкалье на работы по сооружению железной дороги пехотных батальонов, которые впоследствии могли бы быть преобразованы в железнодорожные и оставлены на соответственном участке Сибирской дороги при его эксплоатации.

Министр финансов, признавая и с своей стороны, что участие известного количества нижних чинов в работах по сооружению Манчжурской линии могло бы оказать благоприятное влияние на успешный ход работ по постройке, считает однако необходимым оговорить, что дело привлечения нижних чинов к означенным работам представляется обоюдоострым, и что, если только оно будет проведено недостаточно осмотрительно, то оно может внести в названное дело большие осложнения и даже совершенно затормозить проведение русской железнодорожной линии через Манчжурию. Действительно, если один или несколько батальонов были бы двинуты из Забайкалья в Манчжурию для принятия участия в работах по сооружению линии, то, очевидно, этот

факт не может остаться в тайне, а раз он будет оглашен в печати, то можно быть уверенным, что дело проведения нашей линии через Манчжурию значительно усложнится. По мнению министра финансов для того, чтобы возможно менее привлекать внимание иностранных государств и самого Китая к сему делу, следовало бы, раз только правительство остановится на сказанной мере отпустить для сего потребное число нижних чинов из военных округов, удаленных от пределов Манчжурии, — например, из Европейской России, — зачислив сих нижних чинов как бы в запас и составив им особые списки; затем означенные запасные нижние чины, как во время своего переезда к границам Манчжурии, так и при переходе через границу и во время пребывания на работах в Манчжурии, не должны, по наружному виду, ничем отличаться от простых рабочих и могут иметь при себе только такое вооружение, которое не изобличало бы в них солдат, для чего оно должно состоять, главным образом, из ножей или револьверов, принадлежащее же им как нижним чинам той или другой воинской части оружие должно храниться где-либо по близости манчжурской границы в полной тайне, но при таких условиях, чтобы оно могло быть, в случае надобности, без замедления доставлено в места будущего нахождения этих лиц в Манчжурии. Только при принятии такого рода мер, которыми действительно было бы обеспечено сохранение в полной тайне факта присутствия наших нижних чинов на работах по сооружению Манчжурской линии, было бы, по мнению министра финансов, возможно допустить таковое участие их без риска погубить самое дело проведения русской железной дороги по китайской территории.

Министр финансов Сергей Витте.

Записка Николая Романова министру ин. дел.

(23) 11 ноября 1897 г.

Вполне разделяя заключительные мысли этой записки [1]) и находя, что времени терять нельзя, я назначаю совещание на пятницу, 14-го ноября, в 2 часа. Прошу вас уведомить о том и пригласить от моего имени: военного министра, управляющего морским министерством и министра финансов. Разошлите им предварительно копии с этой записки и план местности. Я всегда был того мнения, что будущий наш открытый порт должен находиться или на Ляодунском полуострове или в с.-в. углу Корейского залива.

[1]) См. ниже.

Всеподд. записка министра ин. дел (23) 11 ноября 1897 г.

Возникшие в 1895 году осложнения на Крайнем Востоке побудили наше морское ведомство озаботиться изысканием в Тихом океане прочной базы для судов нашего военного флота, пользовавшихся до того для зимовок, временных стоянок и иных надобностей исключительно портами Японии.

По мнению командовавшего в то время нашими соединенными эскадрами в Тихом океане вице-адмирала Тыртова 2-го, таковой пригодной во всех отношениях базой представлялась бухта Киао-чао, расположенная на юго-восточном берегу Шандунского полуострова.

Несмотря на то, что Киао-чао, как неоткрытый порт, был недоступен для продолжительных стоянок иностранных флотов, нам удалось, после долгих переговоров, достигнуть намеченной цели: местные власти в Киао-чао получили приказание цзун-ли-ямыня свободно допускать заход и стоянку русской эскадры в названном порте и оказывать командам судов наших всяческое содействие.

Тотчас же поставленный об этом в известность вице-адмирал Тыртов 2-й не воспользовался однако во всей мере этой льготой: в письме своем командующий эскадрами уведомлял нашего посланника в Пекине, что ходатайство его об открытии Киао-чао «было сделано только на случай» и что он ограничится посылкой туда одного лишь судна и притом всего на несколько дней.

Из последующих сообщений нашей миссии в Пекине выяснилось, что к началу 1896 года германское правительство, имея ввиду, с одной стороны, значительно увеличить состав своей тихоокеанской эскадры, а с другой, упрочить положение германской торговли в Поднебесной империи, в свою очередь, озабочено было приисканием для себя у берегов Китая благоустроенного военного и коммерческого порта. Первоначально имелась для этого в виду бухта Киао-чао; однако, как откровенно сознался германский посланник в Пекине, после объяснений его по этому вопросу с графом Кассини, который довольно ясно установил права России на эту бухту, мысль о Киао-чао была окончательно оставлена, и германское правительство, признав более выгодным приобрести порт в одной из южных провинций Китая, обратило свое внимание на островок Ку-эмой, лежащий при входе в Амойскую гавань.

Если вслед затем Германия снова вернулась к первоначальной мысли и столь решительно добилась осуществления ее, то это легко объясняется теми положительными заверениями, которые барон Гейкинг получил от Ли хун-чжана, разъяснившего германскому представителю истинный смысл переговоров, происходивших между гра-

фом Кассини и цзун-ли-ямынем в 1895 г. относительно Киао-чаоской бухты.

Нет сомнения, что на образ действий германского правительства не меньшее влияние имело и то обстоятельство, что мы с 1895 года выказали полное равнодушие по отношению к бухте Киао-чао, ни разу не послав туда своих судов и продолжая попрежнему пользоваться исключительно портами японского побережья.

Как бы то ни было, совершившиеся в Шандуне события не оставляют более никаких сомнений насчет целей, преследуемых Германией на этом побережье, и ввиду сложившихся обстоятельств мы ныне находим неудобным командировать нашу эскадру в Киао-чао. Впрочем, и наше морское ведомство, отстаивавшее с начала недоразумений с Германией права и преимущества наши на Киао-чао, высказалось ныне в отрицательном смысле по этому вопросу, а именно, в недавнем сообщении управляющего морским министерством говорится, что «бухта Киао-чао в мирное время нам не нужна, и, если бы даже была возможность овладеть ею навсегда, то для устройства в ней нашего порта она непригодна, как по отдаленности от Владивостока, так и по совершенной отрезанности от России».

Столь решительное и определенное мнение, высказанное лишь в последнюю минуту вполне компетентным ведомством по вопросу о Киао-чао, указывает, таким образом, на полную бесплодность и бесцельность наших дальнейших притязаний на эту бухту.

Но, если в силу этих соображений, мы отныне можем равнодушно относиться к действиям, предпринимаемым Германией на юго-восточном побережье Шандунского полуострова, то для нас представляется совершенно невозможным примириться с фактом полного отсутствия в Тихом океане вполне удобного и оборудованного порта для надобностей нашей эскадры.

Если тот острый кризис, который в 1895 году побудил вице-адмирала Тыртова 2-го добиваться открытия Киао-чао и миновал, — миновал настолько, что наши суда, как сообщает управляющий морским министерством, могли снова провести зиму 1896—97 гг. в Нагасаки и других портах Японии, то общее положение дел на Крайнем Востоке, созданное последствиями китайско-японского столкновения и нашего вмешательства в пользу Китая, не только не изменилось, но все более и более принимает определенный характер, указывающий на безусловную необходимость для России быть готовой ко всяким неблагоприятным случайностям. Для достижения же этой цели нам необходимо содержать в Тихом океане значительный флот и иметь в своем полном распоряжении удобный для зимних стоянок, вполне оборудованный и обильно снабженный, порт.

Отсюда сам собой возникает вопрос — где искать этот порт, раз на нашем собственном побережье такового не имеется: в Корее ли — и на восточном или западном берегу ее, либо на китайской береговой полосе, и где именно?

На этот настоятельный, существенной важности вопрос пока не имеется вполне определенного ответа со стороны наиболее заинтересованного ведомства.

Правда, в самое последнее время морское ведомство просило заключения министерства иностранных дел касательно предполагаемого им приобретения участка земли с береговой полосой в пределах Фузанского порта с целью устройства на этом участке склада с пристанью для надобностей наших судов.

Нет сомнения, что к скорейшему осуществлению этого предположения морского ведомства не может быть никаких препятствий, но таковое территориальное приобретение не отвечает еще тем насущным потребностям нашего флота, о которых говорилось выше.

Действительно, трудно допустить, чтобы, приобретая участок земли в Фузане, мы могли создать этим надежную опору для нашей эскадры в юго-восточной части Кореи.

При оценке значения Фузана, как операционной базы для нашего флота, нельзя терять из виду следующих соображений.

Порт Фузан, соединенный с Сеулом японской телеграфной линией, охраняемой японскими войсками, давно является предметом затаенных вожделений Японии: заручившись, еще до войны с Китаем, обещанием корейского короля на предоставление постройки железной дороги от Сеула до Фузана японским концессионерам, токийское правительство употребляет ныне все усилия к тому, чтобы достигнуть осуществления этого важного для Японии в стратегическом отношении предприятия. При наличности таковых условий следует опасаться, что, вслед за приобретением земельного участка, всякая дальнейшая попытка наша к более прочному утверждению в Фузане не только будет встречена враждебно Японией, но может легко повести к серьезным столкновениям с ней.

Это обстоятельство, казалось бы, в свою очередь, указывает на то, что порт Фузан, столь близко соприкасающийся с военно-морской сферой влияния Японии и, наоборот, являющийся отрезанным от нашего главного операционного базиса на Крайнем Востоке, каковым должен служить в будущем магистральный Сибирский путь, не может быть твердой опорой для нашей тихоокеанской эскадры.

За неимением другого подходящего порта в Корее, который находился бы к тому же в недалеком расстоянии от нашей операционной базы, казалось бы, нам надлежит обратить внимание исключи-

тельно на китайское побережье и там искать опоры для нашей эскадры.

Действительно, согласно недавно сообщенным нашим консулом в Чифу подробным сведениям, на юго-восточном берегу Ляодунского полуострова, в обширном Таляньваньском заливе имеются четыре отдельных прекрасных бухты: Victoria Bay, Yunk Bay, Hand Bay, Odin Cove. Все четыре названные бухты пригодны для якорной стоянки судов с осадкой в 22 фута, и даже более, причем бухты Yunk Bay, Hand Bay и Odin Cove и особенно удобны в зимнее время, когда в Печелийском заливе господствуют сильные северные ветры, бухта же Victoria Bay представляет надежное место стоянки летом при южных ветрах. По сведениям, собранным на месте нашим консулом, бухты Таляньваня никогда не замерзают. Об означенных удобствах Таляньваня и о преимущественном положении его сравнительно с Портом Артуром, над коим он легко может господствовать, министерству доставлены были сведения и другими, вполне компетентными в этом деле, лицами.

Помимо сего, Таляньвань, бесспорно, имеет за собой и некоторые стратегические преимущества сравнительно со всяким другим портом, расположенным на восточном берегу Кореи.

Действительно, в случае разрыва сношений наших с Японией и весьма естественного немедленного занятия ею порта Фузана и блокирования корейского пролива, суда нашего флота, при обладании единственной опорой на восточном корейском побережье, оказались бы совершенно запертыми в пределах Японского моря и совершенно отрезанными от главной операционной базы.

Тогда как, при тех же враждебных действиях Японии, но при условии владения портом на Ляодунском полуострове, судам нашей эскадры оставался бы совершенно открытым выход чрез Желтое море. В данном случае нельзя не принять во внимание и того обстоятельства, что Таляньвань находится и в менее отдаленном, сравнительно с корейскими портами, расстоянии от нашей Сибирской магистрали, если иметь ввиду, что главную артерию эту предполагается связать особой железнодорожной ветвью с Гирином и Мукденом.

Как бы то ни было, не имея до настоящего времени других более определенных указаний компетентного ведомства по вопросу о приобретении нами надежной опоры в Тихом океане, нам, казалось бы, надлежит, особенно ввиду совершившихся событий в Шандуне, приступить, не теряя времени, к занятию судами нашей эскадры (если таковая ныне представляет из себя внушительную силу, достаточную как для достижения намеченной цели, так и для предотвращения могущих возникнуть осложнений) Таляньваня, т. е. того порта, который

в данную минуту, по имеющимся в м. и. д. данным, представляет несомненные видимые преимущества, или же иного порта, по указанию нашего морского ведомства.

Благоприятно для нас сложившиеся обстоятельства служат до известной степени гарантией успешного исхода этого предприятия.

По телеграфным известиям надв. сов. Павлова, китайское правительство смущено, обеспокоено решительным образом действий Германии в Киао-чао и просит нашей защиты и покровительства. Занятие нами Таляньваня мы поэтому легко могли бы объяснить в Пекине желанием нашим иметь твердую опору для нашей эскадры, на случай возникновения в Тихом океане дальнейших неблагоприятных для Китая событий.

К указанному выше решительному образу действий должны, казалось бы, склонить нас и следующие соображения.

Опыт истории учит нас, что восточные народы более всего уважают силу и могущество; никакие представления и советы, расточаемые пред властителями этих народов, не достигают цели. И поведение китайского правительства за весь последний период времени как нельзя более подтверждает указания истории. Несмотря на неоднократные серьезные представления нашего поверенного в делах в Пекине и самые торжественные обещания и заверения китайских министров, мы до сих пор не достигли благоприятных результатов ни по одному из предъявленных нами требований: 1) вопрос о южном направлении конечной части Сибирской дороги, через Нингуту и Бодунэ, до сего времени остается открытым; 2) по отношению к постройке нами соединительных и др. ветвей на Гиринь и Мукден, китайское правительство проявило уже намерение отступиться от данных нам заверений; 3) выработанные нами правила касательно судоходства по Амуру и Сунгари еще не приняты цзун-ли-ямынем; наконец и 4) вопрос, о предоставлении инструкторского дела на севере Китая исключительно нам, по последним сообщениям надв. сов. Павлова, принимает весьма неблагоприятный для нас оборот.

Все эти обстоятельства, повидимому, ясно указывают, что мы впредь не можем и не должны рассчитывать на дружеские заверения центрального китайского правительства, которое, как свидетельствует последняя телеграмма надв. сов. Павлова, бессильно пред самовластием своих могущественных генерал-губернаторов и начальников провинций. И в то время как мы будем бесполезно и бесцельно тратить время на представления и дружеские увещания в цзун-ли-ямыне, довольствуясь многоречивыми обещаниями китайских министров, все прочие европейские державы будут достигать намеченных целей

тем способом, которым так удачно воспользовалось германское правительство в деле приобретения удобного для своих судов порта на юге Шандунъского полуострова [1]).

Проект договора между Русско-китайским банком и российским и китайским правительствами [2]).

(8 октября) 26 сентября 1901 г.

Между русским министром финансов, с одной стороны, и Русско-китайским банком, с другой стороны, состоялся договор нижеследующего содержания.

Исключительно в силу содействия и покровительства русского правительства Русско-китайский банк заключил ..... октября сего года с китайским правительством соглашение о преимущественном праве банка на получение в Манчжурии промышленных концессий. Ввиду сего Русско-китайский банк берет на себя перед русским правительством следующие обязательства.

1. Русско-китайский банк обязуется о всякой концессии, предложенной ему китайским правительством, немедленно ставить в известность министра финансов.

---

[1]) На подлиннике помета Николая II: «Вполне справедливо». Предложения, изложенные в публикуемой записке, встретили на созванном Николаем II по этому поводу 26 (14) ноября совещании протест со стороны Витте и возражения морского министра, склонившие Николая II к решению не занимать Таляньвань. Тем не менее вопрос о занятии порта на Ляодуне продолжал служить предметом дальнейшего обсуждения. Отмечая преждевременность предпринятого Муравьевым шага, Витте указал на возможность приобретения незамерзающего порта на Тихом океане средствами, доступными ему как министру финансов. В июне 1887 г. Ли хун-чжан обращался к Витте с просьбой о предоставлении Россией гарантий по новому займу, так как подходил срок уплаты японской контрибуции. В то время указанный заем не состоялся. 14 (2) декабря Ли хун-чжан вторично обратился к Витте, и тогда Витте изъявил свое согласие на заем, обставив его условиями, совершенно не соответствующими тому заявлению, которое он сделал на совещании 26 (14) ноября. Он потребовал от китайского правительства «выдачи концессий Обществу Китайской Восточной жел. дороги на железнодорожную ветвь от магистрали до той гавани, которая для сего будет избрана правлением на берегу Желтого моря, к востоку от порта Инцзы, и предоставления России возможности устроить порт в этой гавани с правом входа туда всех судов под русским флагом». (Телеграмма Витте Покотилову 16(4) декабря 1897 г.)

[2]) Договор обсуждался в конце сентября. 6 октября (24 сентября) Ли хун-чжан просил представить ему проект банковского соглашения. Проект встретил решительные возражения со стороны китайцев. Текст договора приводится в книге Б. Романова «Россия в Манчжурии» в примечании к стр. 326.

2. Русско-китайский банк обязуется представлять министру финансов на предварительное одобрение проект всякой концессии, которую он предполагал бы получить с китайского правительства на основании вышеуказанного соглашения с названным правительством. Равным образом, банк будет представлять на предварительное одобрение министра финансов проекты всяких договоров, какие банк имел бы ввиду заключить с китайским правительством по поводу означенного соглашения. Банк будет иметь право получить от китайского правительства только те концессии и заключить с сим правительством только те договоры, относительно коих последует согласие министра финансов.

Примечание. На основании высочайше утвержденного устава, Русско-китайский банк имеет право приобретать в Китае концессии на постройку железных дорог и проведение телеграфных линий. Ввиду этого, буде возникнет вопрос о выдаче Русско-китайскому банку, на основании вышеуказанного соглашения с китайским правительством, какой-либо другой промышленной концессии в Манчжурии, банк предварительно получения такой концессии обязан будет ходатайствовать в установленном порядке перед русским правительством о соответствующем дополнении своего устава.

3. Русско-китайский банк обязуется, если сие не будет сопряжено с расходами для банка, принимать, по требованию министра финансов, всякую предложенную китайским правительством концессию, равно ходатайствовать перед названным правительством о выдаче банку всякой концессии, которую укажет банку министр финансов.

4. Эксплоатацию концессий, полученных Русско-китайским банком на основании вышеуказанного соглашения с китайским правительством, банк обязуется передавать акционерным компаниям, образованным по русским законам, или солидным частным лицам, по усмотрению министра финансов. Устав подобных компаний вырабатывается Русско-китайским банком согласно указаниям министра финансов; при передаче же концессий частным лицам банк должен будет ставить последним такие условия относительно организации предприятия, какие будут указаны министром финансов.

5. Всякая концессия, от которой откажется Русско-китайский банк в силу вышеуказанного соглашения с китайским правительством, может быть передана последним тем лицам и учреждениям, которые при эксплоатации этих концессий будут пользоваться исключительно услугами Русско-китайского банка или банкира.

6. Русско-китайский банк обязуется вообще по всем вопросам, так или иначе связанным с вышеуказанным соглашением между банком и китайским правительством, действовать по указаниям министра финансов.

Журнал Особого совещания (7 февраля) 25 января 1903 г. [1]).

Председательствовал:

Министр иностранных дел, действительный тайный советник статс-секретарь граф Ламздорф.

Участвовали:

Министр финансов, действительный тайный советник, статс-секретарь Витте.

Управляющий морским министерством генерал-адъютант Тыртов.

Товарищ министра иностранных дел, шталмейстер высочайшего двора, князь Оболенский-Нелединский-Мелецкий.

Старший советник министерства иностранных дел, тайный советник Аргиропуло.

Чрезвычайный посланник и полномочный министр в Японии, в звании камергера высочайшего двора, действительный статский советник барон Розен.

Чрезвычайный посланник и полномочный министр в Китае, действительный статский советник Лессар и директор первого департамента министерства иностранных дел, в должности гофмейстера высочайшего двора, действительный статский советник Гартвиг.

Для составления журнала совещания были приглашены: вице-директор первого департамента министерства иностранных дел действительный статский советник Сементовский-Курилло.

Делопроизводитель того же департамента статский советник Нератов и первый секретарь канцелярии министерства иностранных дел, в должности церемониймейстера высочайшего двора, надворный советник Савинский.

По открытии заседания министр иностранных дел объяснил, что, ввиду приближающегося, по силе соглашения с Китаем от 26 марта 1902 года, срока эвакуации Мукденской и Гиринской провинций и первостепенной важности решений, которые надлежит принять по этому предмету в связи с общим направлением русской политики на Крайнем Востоке, им испрошено было высочайшее соизволение на образование особого совещания при участии министров финансов и военного и управляющего морским министерством с целью всестороннего обсуждения необходимых мероприятий и с тем, чтобы ре-

[1]) 23 (11) января 1903 г. состоялось созванное по инициативе Витте совещание по тому же вопросу с участием Ламздорфа, Тыртова, Розена, Лессара и Павлова.

зультаты совещания были представлены на всемилостивейшее благовоззрение государя императора.

Вслед затем статс-секретарь граф Ламздорф сообщил, что, по предварительном обмене взглядов относительно стоящего на очереди вопроса, 11 сего января, при участии российских посланников в Токио, Пекине и Сеуле, действительному статскому советнику Лессару было поручено выработать соответственный проект инструкции российскому поверенному в делах в Пекине коллежскому советнику Плансону, каковой проект был препровожден на рассмотрение министров финансов и военного и управляющего морским министерством. В предложенных указаниях коллежскому советнику Плансону проводится та мысль, что для обеспечения государственных интересов России на Дальнем Востоке императорское правительство, предварительно эвакуации Манчжурии, принимает решение потребовать от китайского правительства обязательства по изложенным в изготовленном проекте инструкции пунктам.

По предложению министра иностранных дел, совещание приступило к обсуждению означенного проекта в соображении с общим политическим положением на Крайнем Востоке.

Прежде всего совещание должно было установить тот факт, что по мере развития интересов России и усиления ее могущества на почве дел Дальнего Востока создавались постепенно новые условия в ее отношениях с Японией, как страной, особливо заинтересованной в спокойном течении событий. Прежние, вполне дружественные отношения островной империи к России приняли мало по малу характер недоверчивости, и токийское правительство, заподозревая нас в затаенных агрессивных замыслах, стало прилагать все старания к ограждению своих интересов от неблагоприятного для него влияния русского поступательного движения, обратив преимущественное свое внимание на корейские дела. После заключения соглашений 1896 и 1898 годов, Япония, в упомянутых целях, неоднократно возбуждала вопрос о дополнении и изменении означенных соглашений и особенно настойчиво делала к сему попытки в последние годы, намекая даже на то, что, в случае предоставления ей новых преимуществ в Корее, она была бы готова отказаться от всякого вмешательства в нашу деятельность на Квантуне и в Манчжурии. Предъявленные Японией при этом притязания в отношении корейских дел представлялись однако же столь чрезмерными, что русское правительство не считало возможным согласиться на просимые уступки, ввиду весьма серьезного значения, которое в будущем Корея должна неминуемо иметь для русских государственных интересов. С другой стороны, и положение, занятое Россией на Квантуне и в Манчжурии, получило уже свою само-

стоятельную важность и достаточную определенность, и поэтому дальнейшее упрочение оного едва ли вызывало надобность в каком-либо особом соглашении с Японией по этому предмету. Тем не менее совещание не могло не признать, что существующее взаимное недоверие между обоими государствами не может не отразиться на успешном разрешении различных международных вопросов на Дальнем Востоке, имеющих существенное значение для России, и вследствие сего полагало бы желательным установление с Японией возможно дружественных отношений.

Министр финансов, с своей стороны, отметил, что путем соглашений с названной страной можно было бы установить известный modus vivendi, который облегчил бы достижение общего успокоения, столь важного для русских экономических интересов и способствовал бы сосредоточению наших сил на деле дальнейшего укрепления нашего могущества на Крайнем Востоке. В этом последнем отношении России предстоит еще весьма серьезная работа. Нет сомнения, что приведение Восточной Китайской железной дороги в обеспеченное и безопасное положение должно потребовать еще немало времени, так как только для окончательного сформирования охранной стражи нужно, по крайней мере, полтора года. К сему статс-секретарь Витте добавил, что, если сделанное прошлой осенью через посредство японского посланника в С.-Петербурге предложение заключает в себе чрезмерно притязательные условия, то это обстоятельство не исключает все же возможности притти к соглашению на удобоприемлемых для России основаниях; ибо выступающая с предложением сторона должна, естественно, предвидеть необходимость известных уступок. По мнению министра финансов, одним из желательных для нас условий такового соглашения была бы нейтрализация Корейского пролива.

Военный министр, присоединяясь к изложенному взгляду по существу, высказал в свою очередь, что одна уже возможность ожидать ухудшения отношений с Японией, а тем более столкновения с ней вызывает напряженную деятельность в подготовительных военных мерах и вследствие сего серьезные и нежелательные в настоящее время материальные жертвы со стороны казны. Что же касается вопроса о нейтрализации Корейского пролива, то генерал-адъютант Куропаткин считает таковое условие уже обеспеченным, ввиду выражаемой японцами готовности установить взаимное между Россией и Японией обязательство не пользоваться территорией Кореи для военных или стратегических целей.

С таковыми мнениями согласился вполне и управляющий морским министерством, указавший однако, что для охранения достоинства и

престижа русского флота в водах Дальнего Востока необходимо избегать таких уступок Японии, которые могли бы быть истолкованы в смысле признания Россией за Японией открыто преобладающего положения. Генерал-адъютант Тыртов обратил при этом внимание совещания на постоянно высказываемое японцами не только недоверие, но и враждебное отношение к русским морякам. С особенной силой проявляется таковой вызывающий их образ действий в корейских водах, где они весьма ревниво следят за деятельностью русских, опасаясь преследования нами завоевательных целей на корейском побережье. Между тем открытые для японцев порты на полуострове не могут считаться недоступными для русских судов, и мы не должны быть стеснены в пользовании приобретенными нами правами, как, например, стоянкой в Мозампо, которая имеет большое значение, ввиду некоторых присущих портам Квантунского полуострова недостатков и необходимости в зимнее время производить морские учения в более подходящих климатических условиях. Образ действий японцев должен служить предостережением против слишком значительных уступок с нашей стороны в случае заключения нового соглашения.

Посланник в Токио барон Розен устанавливает, в свою очередь, единогласно признаваемую необходимость для нас избегать, втечении ряда лет, всякого риска вооруженного столкновения с Японией. Оставляя в стороне вопрос о неизбежности такового столкновения в случае, если мы очутимся в вооруженной борьбе с европейской коалицией, в которую входила бы союзница Японии — Англия, оставляя также в стороне вопрос о возможности столкновения с Японией из-за манчжурского вопроса, весьма к тому же невероятного ввиду начатой эвакуации Манчжурии, нельзя однако не признать, что риск вооруженного столкновения с Японией на почве корейского вопроса действительно существует. Такое столкновение могло бы быть вызвано либо попыткой японцев завладеть Кореей или каким бы то ни было пунктом на полуострове, либо такой же попыткой с нашей стороны. Со стороны японцев означенная попытка представляется невероятной, за исключением, конечно, случая, когда мы будем заняты военными действиями в Европе. Но, с другой стороны, можно быть убежденным в неизбежности вооруженного столкновения с Японией в случае серьезной попытки нашей завладеть Кореей или каким-либо пунктом на ее территории, как, например, портом Мозампо, потому что иначе пришлось бы признать громадные вооружения Японии лишенными всякого смысла. В этом отношении от нас будет вполне зависеть избегать этой опасности или же итти на этот риск.

Но помимо этого, очевидно, в высшей степени желательно положить предел периодически повторяющимся обострениям наших отно-

шений с Японией, вызвавших постепенное усиление ее вооружений и, наконец, вступление ее в союз с Англией, как, равно, и тому напряженному у обеих сторон настроению, на почве которого во всякое время может произойти осложнение, грозящее разрывом сношений, по самому пустому даже поводу, как это чуть, было, не случилось в 1899 году из-за простой уличной драки в Фузане.

Нельзя же закрыть глаза на тот несомненный факт, что обострение наших отношений, громадные японские вооружения и возникновение англо-японского союза находятся в причинной связи с враждебным Японии направлением, принятым нашей политикой в 1896 году, и с нашими преждевременными начинаниями в Корее, ныне отчасти оставленными, к которым нельзя не причислить и приобретения большого земельного участка в Мозампо, под разными более или менее призрачными предлогами, и состоявшегося в последнее время решения устроить там угольную станцию и стоянку эскадры для военных упражнений. Истинный смысл подобных мероприятий, разумеется, не может быть скрываем от проницательности японцев никакими дружественными объяснениями и предупреждениями. Подобные меры подрывают таким образом доверие к искренности наших заявлений и, находясь в противоречии с нынешним желанием императорского правительства достигнуть возможно полного дружественного соглашения с Японией, создают такой политике немаловажные затруднения.

Наиболее настоятельной потребностью нашей политики по отношению к Японии представляется: 1) установление твердой программы политики нашей в Корее и 2) полное единство образа действий всех ведомств и их местных представителей и агентов.

Отмечая полное единомыслие членов совещания относительно желательности соглашения с Японией на почве наиболее интересующего ее корейского вопроса, министр иностранных дел указал, что возможность такового соглашения отнюдь не исключается состоявшимся в начале 1902 года заключением союзного договора между этой страной и Великобританией. Доказательством сему служат как разъяснения, сделанные в этом смысле нам японцами, по собственному их почину, так равно и последние предложения токийского правительства, переданные г-ном Курино. Соглашаясь с тем, что означенные предложения, хотя и не могут быть приняты целиком, ввиду скрывающейся за ними цели Японии обеспечить за собой полное хозяйничание в Корее, но представляют известную почву для дальнейших переговоров, статс-секретарь граф Ламздорф полагал бы однако предпочтительным воздержаться пока от таковых переговоров, дабы не подать японцам повода предполагать о нашем настоятельном желании притти с ними к соглашению. Для достижения наилучших результатов, казалось бы,

целесообразнее ожидать от токийского правительства почина в возобновлении переговоров, хотя бы и принимая исходной базой для них последние японские предложения.

Ввиду последовавшего общего согласия с таковым предложением, министр иностранных дел пригласил членов совещания высказаться относительно тех инструкций, коими надлежало бы снабдить российского поверенного в делах в Пекине по вопросу об эвакуации занятых еще нашими войсками провинций Манчжурии.

Министр финансов заявил, что он, с своей стороны, не встречает особых возражений по существу предположенных инструкций, но полагал бы, что при предъявлении китайскому правительству требований о гарантиях, как средстве обеспечения русских интересов в Манчжурии, едва ли является надобность настаивать, чтобы означенное правительство обязалось ограничивать заселение китайцами местностей вдоль линии Восточно-Китайской железной дороги. Если при этом имеются ввиду местности, расположенные в значительном (например, 25-верстном) расстоянии от рельсового пути, то наблюдение за исполнением упомянутого обязательства представилось бы на деле крайне затруднительным, так как охранная стража лишена была бы всякой возможности исполнять свои нелегкие обязанности на столь широком пространстве, и для означенной цели пришлось бы разредить стражу на линии, переведя ее части в сравнительно отдаленные поселения. Таковая мера вызвала бы, несомненно, неудовольствие китайского правительства и могла бы подать повод к столкновениям с местным населением. Было бы во всех отношениях удобнее ограничиться надзором за полосой отчуждения, как входящей и ныне в сферу деятельности русской стражи. В настоящее время прилагаются всяческие старания к тому, чтобы по возможности расширить вдоль линии пространство земли, включаемой в полосу отчуждения. Вместе с тем принимаются меры, в видах предохранения этих земель от беспорядочного заселения элементами случайными и нежелательными, для надлежащей постановки дела; ныне приступлено уже к разработке правил, которые будут затем подвергнуты обсуждению заинтересованных ведомств. В этом случае будет обращено преимущественное внимание на вопрос об усилении русского элемента вдоль линии. Но отсюда едва ли следует заключить, что мы должны теперь же подготовлять мероприятия к расширению русской колонизации на всем пространстве Манчжурии. Нужно иметь в виду, что на пути из Европейской России встречаются доныне еще обширные пустующие пространства Сибири, вполне пригодные для поселения, вероятно, 80 миллионов, и что их заселение должно, естественно, предшествовать упрочению русской оседлости в китайских пределах. При этом жертвы, которые пришлось бы при-

нести для заселения Манчжурии, были бы неисчислимы, так как опыт переселения в Сибирь уже указал, что для устройства водворившихся в ней двух миллионов человек потребовалось около 30 миллионов руб.

С другой стороны, нельзя ожидать, чтобы китайское правительство отнеслось равнодушно к мерам, к которым мы признали бы необходимым в этих видах прибегнуть. Даже если и допустить, что мы добьемся от него обязательства ставить преграды переселению китайцев в Манчжурию, трудно думать, чтобы в действительности такое переселение не осуществлялось. При чрезмерной густоте народонаселения в Китае потребность к расширению оседлости сказывается в значительной степени. Переселенческое движение началось в Китае не в последние годы, и южная часть Манчжурии уже значительно заселена пришлыми китайцами. В силу естественных, стихийных причин означенное движение будет распространяться к северу на свободные земли, и едва ли есть возможность рассчитывать, чтобы какие-либо запретительные меры могли положить предел этому явлению, вызываемому условиями общего экономического характера. Весьма серьезные затруднения представились бы в этом отношении даже в случае радикального разрешения вопроса о судьбе Манжчурии в смысле окончательного присоединения ее к России.

Принимая во внимание, что всякие меры с нашей стороны к ограждению занятых нами областей от наплыва китайцев, несомненно, побудят богдыханское правительство к усилению, в свою очередь, охраны собственной территории от иноземного элемента и к поощрению китайской колонизации, статс-секретарь Витте полагал бы более осторожным покуда при переговорах с китайским правительством вовсе не касаться вопроса о воспрещении заселять Манчжурию и монгольские земли природными китайцами. Не будучи вынуждено к тому извне, богдыханское правительство, в силу присущей ему косности и вследствие отсутствия денежных средств, едва ли прибегнет к каким-либо энергическим мерам в этом отношении по собственному почину.

Посланник в Пекине действительный статский советник Лессар указал, что вопрос об ограничении прав Китая заселять Манчжурию, действительно, может представить непреодолимые затруднения на практике. Получить на это согласие богдыханского правительства невозможно, так как оно никогда не откажется от своих верховных прав добровольно. Заселение Манчжурии началось уже издавна, как противовес нашей колонизации прилегающих частей Сибири. Но после волнений 1900 года китайское правительство занялось им, главным образом, как источником для получения столь необходимых ему денежных средств. Привлечение колонистов без субсидий, несмотря

на уверения китайцев в противном, оказывается однако невозможным тем более, что, кроме местных жителей, предполагается отдавать участки земледельцам из застенного Китая, пострадавшим от неурожая и наводнений, то-есть людям без средств. Действительно, на объявленные торги почти никто не явился, и, ввиду недостатка денег в Пекине на субсидии, заселение шло бы попрежнему очень медленно, если бы наши местные власти не стали громогласно объявлять о предстоящем заселении всего края русскими. Встревоженное китайское правительство прибегло к фиктивной продаже участков без торгов, как оно это делает и относительно концессий в Манчжурии, чтобы иметь возможность, в случае требований наших властей об уступке земель для русских поселенцев, ответить, что они уже все принадлежат частным лицам. Конечно, таковые меры указывают на недоверие к нам, но, с другой стороны, нельзя лишать Китай совершенно законного источника доходов. Мы же должны принять только те меры, которые необходимы для безопасности железной дороги. Поэтому, не говоря об остановке заселения всей Манчжурии, что совершенно невыполнимо, его можно бы ограничить лишь в ближайшей к линии и возможно менее широкой полосе, притом только на время, пока спокойствие в крае не докажет, что в этой предосторожности уже более нет надобности. Это вполне выяснится уже при самой эвакуации. На такое требование есть надежда добиться согласия от Китая, который не менее нас заинтересован в поддержании спокойствия в крае и не может не сознавать, что пришлый элемент, пока не устроит своих хозяйств, не будет вполне благонадежным. Полное же прекращение переселения китайцев возможно только путем присоединения северной Манчжурии к нашим владениям, и в этом случае, оставляя пустовать земли на десятки лет, ранее чего не может явиться русской колонизации, мы возбудим против себя все местное население.

Военный министр, признавая за китайским переселением стихийный характер, заявил, с своей стороны, что именно это обстоятельство и должно побуждать нас прибегнуть к решительным мерам, дабы предотвратить неблагоприятные для нас в будущем последствия означенного переселенческого движения. По мнению генерал-адъютанта Куропаткина, нельзя упускать из виду, что постепенное развитие местной жизни, благодаря в особенности существованию железной дороги, может привести к тому, что без противодействий с нашей стороны, все наиболее важные части Манчжурии будут через короткий срок заселены китайцами и вся местность до реки Амура из пустынной станет населенной. Тогда сдержать наплыв желтой расы в Приамурский край станет весьма трудно. Ныне Приамурский край может признаваться русским, но, если мы не остановим переселения китайцев в Манчжу-

рию, то, проникнув и в наши пределы, они и в Приамурьи составят преобладающее, по численности, китайское население. Развитие и оборона этой окраины затруднятся. При этих условиях Восточно-Китайская железная дорога будет служить, главным образом, интересам китайцев, и затрата Россией 400 миллионов рублей станет мало производительной. Поэтому мы должны добиваться приостановки заселения Манчжурии китайцами. Затем нам надлежит приступить к устройству русских поселений в прилегающих к железной дороге местностях, по крайней мере, в 15 верстной полосе. Между тем поступающие из Манчжурии сведения свидетельствуют о том, что мероприятий в этом направлении на месте еще нами не подготовляется и что даже существуют препятствия к приобретению русскими подданными земельной собственности. Вследствие сего военный министр с удовольствием принимает к сведению сделанное статс-секретарем Витте заявление о том, что ныне уже разрабатываются правила о заселении полосы отчуждения.

Вслед затем генерал-адъютант Куропаткин изложил свои соображения относительно общих целей, которые Россия должна преследовать в вопросе о Манчжурии, указав, что он, как военный министр, обязанный блюсти интересы России в отношении ее внешней безопасности и военной готовности, не может иначе смотреть на Манчжурию, как на край, который в известной своей части должен современем стать достоянием России. С этой точки зрения первостепенную важность представляет для нас железнодорожная магистраль от сибирской границы к Владивостоку, являющаяся единственным звеном между Россией и побережьем Тихого океана и обладание коей составляет насущную для нас потребность. Полное обеспечение за нами этой железнодорожной линии безусловно необходимо. Иначе военное министерство должно будет настаивать на скорейшем сооружении нового рельсового пути по русской территории от Сретенска к Хабаровску. При этом следует иметь в виду, что на протяжении нынешней нашей границы по Амуру, достигающей 2 400 верст длины, оборонительные меры представляются крайне затруднительными для военного ведомства и обременительными для казны. Направление же оборонительной линии по Манчжурской магистрали имеет уже ту выгоду, что требующая охраны полоса составляет лишь 1 200 верст.

Равным образом, стратегическое значение представляет, как показал опыт последних военных действий, безопасное сообщение по Сунгари и по сухому пути между Цицикаром и Благовещенском. По этому последнему пути в прошлом году двигались и переселенческие партии.

Полная обеспеченность в военном отношении возможна лишь в том случае, если местность, прилегающая к поименованным путям сообще-

ния, будет всецело в наших руках, в виде ли составной части империи, либо как полунезависимое, наподобие Бухары, владение, поставленное под непосредственный контроль русского правительства. В означенную местность должна быть включена вся Хейлундзянская (Цицикарская) провинция и северная часть Гиринской, по условную линию, проведенную от места слияния Нонни с Сунгари, близь Бодунэ до устья Тумыни. Сохранение за нами этой территории имеет огромное государственное значение, ибо, распоряжаясь этой территорией, мы можем создать естественную преграду к наплыву китайцев в Манчжурию. В то же время в пустынной северной Манчжурии мы получим обширные земли для заселения их современем русским элементом.

Далеко не одинаковое значение имеет для нас южная Манчжурия. При существующей в ней густоте китайского населения, нельзя рассчитывать на возможность, хотя бы в отдаленном будущем, появления в ней оседлого компактного русского элемента. Сохранение ее в наших руках было бы даже в известной степени опасно, так как русские войска, оставленные в южной Манчжурии, оказались бы разобщёнными и окруженными враждебной китайской массой. Необходимость же обеспечения сообщения с Порт-Артуром не является крайне настоятельной, так как крепость Порт-Артур снабжена необходимым довольствием по рассчету на полтора года.

Наконец, совершенно особо должен стоять вопрос о Хунчуне Расположенный в узле границ трех территорий — России, Китая и Кореи, пункт этот имеет определенное стратегическое значение и, оставаясь в руках китайцев, может служить постоянной угрозой для Южно-Уссурийского края, подобно тому как это было до волнений 1900 года. Поэтому мы не должны соглашаться на возвращение его Китаю.

В том случае однако, если бы состоялось решение очистить Манчжурию, военный министр полагает, что при нынешнем состоянии Восточно-Китайской железной дороги и ее подвижного состава быстрая перевозка войск очень затруднительна. Ввиду зимнего времени перевозка была бы сопряжена при этом с крайними неудобствами, и войска были бы поставлены в весьма тяжелые условия не только в пути, но и по прибытии в Приамурский край, где для них не могли быть еще приготовлены необходимые помещения. При отправке морем встретились бы не меньшие препятствия, так как большая часть войск сосредочена в центре Манчжурии, а затем и Квантунская область не приспособлена для их приема.

Помимо таковых технических препятствий, военный министр, руководствуясь вышеизложенными общими соображениями, полагал бы желательным не спешить с эвакуацией, а ограничиться очищением

с половины наступающего февраля до 26 марта лишь Мукденской провинции, на что потребуется около месяца времени, и затем приступить к очищению южной части Гиринской, с таким рассчетом, чтобы выводимые войска могли прибыть в Приамурский военный округ летом 1903 года для лагерного расположения.

Что же касается северной части Гиринской и всей Цицикарской провинции, то, по мнению генерал-адъютанта Куропаткина, следует сохранить в них наши войска до выяснения результатов очищения юга, не предрешая времени их эвакуации. Для охраны же путей сообщения надлежит, после окончательной эвакуации всей Манчжурии, не только оставить военные части вдоль магистрали железной дороги, но и сохранить небольшие посты по берегам Амура и Сунгари.

На основании всего вышеизложенного военный министр считает намеченные к предъявлению китайскому правительству требования о гарантиях лишь весьма скромными и не исчерпывающими всех целей, к достижению коих мы должны стремиться. Вследствие сего надлежит, по его мнению, не препятствовать проявлению со стороны Китая и других держав недоброжелательного по отношению к нам образа действия и даже прямому нарушению выговоренных нами прав, дабы на этом основании иметь полную возможность к невыполнению наших обязательств в манчжурском вопросе.

Но если бы совещание признало все же необходимым, при преподании российскому поверенному в делах указаний, настаивать на означенных требованиях, то генерал-адъютант Куропаткин полагал бы целесообразным внести в выработанный проект инструкции колл. сов. Плансону нижеследующие поправки.

Исключить обозначение второго срока эвакуации — 26-м марта сего года.

Обусловить очищение не только Хейлундзянской, но также и северной части Гиринской провинции требованием о сохранении на линии железной дороги и по рекам Амуру и Сунгари известного количества войск и, как уже предположено, определенно указать в означенной инструкции об ограничении заселения китайцами местностей вдоль железной дороги.

По поводу соображений, изложенных военным министром, статс-секретарь Витте заметил, что образ действий, предлагаемый генерал-адъютантом Куропаткиным, носит весьма решительный характер и что, как ни желательно было бы прийти к указанным результатам и конечным целям, трудно согласиться с тем, чтобы мы достигли оных при помощи вышеизложенного способа действия. На занятие нами северной Манчжурии ни Китай, ни другие державы добровольно не согласятся. Всякая мера, принятая нами в этом направлении, вызовет несомненное

и упорное противодействие китайцев. Мы на долгие годы создадим себе врагов в наших соседях, не обеспечив в то же время и своего собственного положения в Манчжурии, ввиду неизбежных и продолжительных смут, к которым приведет таковая политика. Упрочение могущества России на Крайнем Востоке находится, по глубокому убеждению министра финансов, в ближайшей зависимости от спокойного и последовательного течения событий, возможного только при правильном отношении нашем к собственным обязательствам. Всеобщее успокоение единственно отвечает нашим истинным интересам, призрак же войны грозит большими осложнениями, помимо тех неисчислимых жертв, которые явятся последствием несвоевременного агрессивного образа действий.

Статс-секретарь Витте не считает ввиду этого возможным присоединиться к принципиальному мнению военного министра, а в частности замечает, что уподоблять Манчжурию Бухаре едва ли есть основание. Бухарское ханство было всегда обособленной и самостоятельной единицей и, как таковая, могло, не встречая ниоткуда поддержки, всецело отдаться под покровительство могущественной соседней державы. Манчжурия же, являясь лишь провинцией обширного государства, находится в полной зависимости от центрального своего правительства, придающего ей к тому же весьма большую цену, и не может поэтому быть выделена в отдельную единицу, располагающую собственной судьбой, без самого упорного противодействия со стороны центра.

По поводу же приведенных военным министром соображений о значении путей сообщения в Манчжурии министр финансов высказал, что в экономическом отношении развитие железнодорожной сети к югу этой провинции отразилось уже неблагоприятным образом на нашем Уссурийском крае, создав возможность проникновения с юга в эту область товарам китайским и другим иностранным, под видом китайских, в силу договорного условия о беспошлинном пропуске китайских товаров на нашу территорию в пределах 50 верст от границы. В видах ограждения экономических интересов Приамурского края, быть может, представится вследствие сего неизбежным либо отказаться от означенных договоров и ввести полностью протекционную систему на китайской границе, либо, напротив, объявить все русские владения у Восточной Азии портофранко.

Ввиду этого создание новых безопасных путей проникновения китайских произведений на Амур по Сунгари и сухопутно через Цицикар с экономической точки зрения не является желательным. Тем не менее, принимая во внимание соображения военного характера, казалось бы необходимым согласиться с мнением генерал-адъютанта

Куропаткина относительно предложения об учреждении военных постов на означенных путях сообщения.

Министр иностранных дел, в свою очередь, заявил, что предположения генерал-адъютанта Куропаткина о сохранении за нами северной Манчжурии представляются в настоящее время трудно осуществимыми. Возбуждая против нас китайцев, таковая политика вызвала бы в то же время столь сильное противодействие со стороны Японии, что едва ли можно было бы рассчитывать на установление совершенно правильных и спокойных отношений с этой страной, являющихся, между тем, по единогласному признанию всех членов совещания, в том числе и военного министра, в высшей степени желательными для наших общих интересов на Дальнем Востоке.

На поставленный статс-секретарем графом Ламздорфом посланнику в Пекине вопрос о том, насколько, по близкому его знакомству с местными условиями, представляется возможным следовать предложенному военным министром образу действия, действительный статский советник Лессар заявил, что продолжение занятия нашими войсками Манчжурии встретит, конечно, упорное сопротивление китайского правительства и приведет в самом непродолжительном времени к необходимости присоединения этого края. Такой результат будет иметь все недостатки и ни одной из выгод присоединения всей Манчжурии. При одинаковом сопротивлении со стороны держав, при тех же действиях Японии в Корее, при той же непримиримой вражде к нам Китая, столь выгодной для наших противников, мы не достигнем экономических выгод, на которые мы могли бы рассчитывать при обладании богатыми и густонаселенными Гиринской и Мукденской провинциями, включение коих в нашу таможенную черту одно может обеспечить нам развитие нашей торговли. Едва ли может быть сомнение, что от продолжения занятия, в конце концов, нам придется отказаться, но тогда это будет иметь вид вынужденной уступки и вместо улучшения наших отношений с Китаем, на которое мы могли бы расчитывать при прямодушном выполнении своих обязательств, мы получим в наследие от нашей попытки только их обострение.

Способ ведения намеченных ныне переговоров с Китаем будет при этом крайне затруднен. При решении эвакуировать Манчжурию и заявлении об этом китайцам мы могли многого добиться от них, в случае же отсутствия определенного плана действия и недомолвок, неизбежно сопряженных с этим, на уступки китайцев рассчитывать нельзя, и богдыханское правительство едва ли добровольно согласится на что бы то ни было и особенно на имеющий для нас столько важное значение третий пункт предположенных нами требований — об обязательстве Китая, в случае приглашения иностранцев для заведы-

вания каким-либо отделом своей администрации, выделять заведывание делами северного Китая в совершенно особые учреждения и управление ими поручать русским.

Министр иностранных дел обратил засим внимание совещания на предположение потребовать от Китая обязательства урегулировать вопросы, касающиеся Квантунской области и Восточно-Китайской железной дороги. При этом граф Ламздорф заметил, что, быть может, представлялось бы целесообразнее не поручать ныне же российскому поверенному в делах в Пекине предъявление китайскому правительству требований по этому предмету, предоставив улажение интересующих названную железную дорогу вопросов усмотрению министра финансов, а в отношении дел Квантунской области, ввиду отсутствия надобности в изменении фактически установившегося положения вещей в области, войти в сношения с китайским правительством по означенным делам лишь в случае, если китайцы сами возбудят переговоры.

Приняв во внимание высказанные по манчжурскому вопросу взгляды, совещание в заключение признало, что, во избежание недоразумений как с китайцами, так и в определении компетенции прочих русских учреждений, остающихся в области, желательно было бы, чтобы наши военные власти были освобождены от участия в управлении краем и не были отвлекаемы от прямых своих обязанностей.

В отношении же инструкций, коими надлежало бы ныне же снабдить российского поверенного в делах в Пекине, совещание, не встречая препятствий к принятию предположенных военным министром поправок к выработанному действительным статским советником Лессаром проекту, полагало бы внести в последний соответственные изменения и повергнуть затем проект инструкции российскому поверенному в делах в Пекине, в окончательной форме, на высочайшее благовоззрение государя императора.

Пред закрытием заседания министр иностранных дел заявил, что китайский посланник в С.-Петербурге обращался уже к нему с запросом о времени предполагаемого нами очищения г. Инкоу и что по этому предмету можно было бы иметь в виду, что названный город, как входящий в состав Мукденской провинции, будет возвращен китайцам в условленный срок, в зависимости [1]) от принятия ими трех первых из изложенных в проекте инструкций колл. сов. Плансону требований, намеченных к предъявлению китайскому правительству в ближайшем же времени.

Таковой образ действий совещание признало вполне целесообразным.

---

[1]) При подписании журнала военным министром добавлено: «по очищении тех или других местностей сего края нашими войсками». [Прим. подлинника]

При всем прилагается проект инструкций для российского поверенного в делах в Пекине, кои были подвергнуты рассмотрению Особого совещания.

Граф Ламздорф, Сергей Витте,
Алексей Куропаткин, Павел Тыртов,
Кн. В. Оболенский.

Северо-Американские Соединенные Штаты и царская Россия в 90-х гг. XIX в.

Публикуемые здесь «инструкция» царскому дипломату гр. А. П. Кассини, при назначении его посланником в Вашингтон, и два письма его министру иностранных дел гр. М. Н. Муравьеву и товарищу министра гр. В. Н. Ламздорфу представляют собою ценный материал для понимания истинного характера русско-американских отношений в конце XIX столетия. Инструкция датирована январем 1898 г., иными словами — составлена в те самые дни, когда вашингтонское правительство добилось от мадридского кабинета согласия на посылку в Гаванну северо-американского крейсера «Мэн», трагическая судьба которого послужила ближайшим внешним поводом для испано-американской войны. Таким образом, над «инструкцией Кассини» уже веет призрак войны, явившейся поворотным пунктом в истории международных отношений Соединенных Штатов, вышедших с захватом островов Кубы, Порто-Рико, Филиппин и Гуама на путь колониальной политики вне Америки. С другой стороны, два письма Кассини руководителям царского министерства иностранных дел М. Н. Муравьеву и В. Н. Ламздорфу дают яркое представление о настроениях, преобладавших в конце девяностых годов XIX в. в правящих русских кругах в связи с блестящими успехами северо-американского империализма. В этом отношении печатаемые ниже письма Кассини являются чрезвычайно показательным материалом, и вполне правы были руководители царской дипломатии, выделившие их из общей массы донесений из Вашингтона за 1898 г. и заключившие их в Секретный архив министра.

Мы не станем здесь останавливаться на истории русско-американских отношений в XIX в., отсылая читателей к существующей по этому поводу русской и иностранной литературе. Напомним лишь, что «узы, сложившиеся историческим путем», о которых говорит инструкция Кассини и которые были основаны главным образом на соперничестве России и Соединенных Штатов с более сильной в военно-морском отношении Англией, в определенные годы XIX в. достигают такой близости, что в Петербурге считают возможным даже говорить о союзе. В таком положении находится вопрос в начале семидесятых годов, когда Россия признает для себя необязательным Парижский трактат 1856 г. Укажем здесь на один яркий пример, до сих пор, поскольку это известно нам, не цитировавшийся в специальной литературе. Это отрывок из дневника близкой к семье Александра II А. Ф. Тютчевой об ее беседе с им. Марией Александровной в Москве в ноябре 1870 г. «Императрица сказала мне в течение беседы, — записывает в своем днев-

нике Тютчева под 27 ноября, — что нам (т. е. России) обеспечен союз с Америкой, которая готова привести свой флот в боевую готовность при первом проявлении враждебности со стороны Англии. Это такого рода вещи, — добавила она, — о которых не публикуют в газетах» [2]).

Официальный «список благодеяний», оказанных царской Россией Соединенным Штатам, мы находим и в инструкции Кассини. «В Америке не забывают,— читаем мы здесь,—поддержки, оказанной императорским правительством в тяжелую годину междоусобицы в Соединенных Штатах, во время восстания в Южных Штатах». Уступив Аляску и «сочувственно» отнесясь к захвату Гавайских островов Соединенными Штатами, царская Россия, по словам инструкции, засвидетельствовала свое доброжелательное отношение «к усилению могущества Соединенных Штатов в противовес Великобритании» и дала им возможность «сделать важнейший шаг вперед для осуществления доктрины Монроэ».

Но совершенно ясно, что эфемерное здание русско-американской дружбы должно было поколебаться при первом же серьезном столкновении русского и северо-американского империализма в области колониальной политики. Именно с таким фактом столкновения интересов мы и встречаемся в конце девяностых годов XIX в., когда, оправившись от последствий тяжелой и продолжительной «сецессионной войны», явившейся прямой катастрофой для американского торгового флота, Соединенные Штаты вступили в полосу экономического расцвета. Вывоз в конце девяностых годов XIX в. достиг таких размеров, что почти на половину превысил ввоз. Увеличение особенно сильно оказалось на вывозе продуктов фабричной промышленности. Продукты северо-американских фабрик начали конкурировать на Дальнем Востоке и даже на берегах Средиземного моря с продуктами европейской промышленности. Из страны-должника Соединенные Штаты постепенно превращаются в страну-кредитора. Одновременно с этим они стремятся завоевать новые рынки для излишков продукции своей промышленности. Правда, Соединенные Штаты в девяностых годах XIX в. еще слишком слабы в чисто военном и военно-морском отношениях, чтобы вмешаться с выгодой для себя в соперничество великих океанских держав из-за колоний, хотя бы в то же «растаскивание китайских земель». Внешне они все еще сохраняли «усвоенную ими линию поведения, классическую для буржуазного государства». «Не стремясь к захвату ни клочка территории в свою собственность на азиатском континенте (типично феодальная форма завоевания)», Соединенные Штаты «требовали доступа всюду для своих товаров на условиях наиболее благоприятных, какие могли быть в данном месте доступны» [2]).

Но у них уже был свой, — правда, сравнительно небольшой, но вполне активный, — флот, способный, как это показали военно-морские события 1898 г., вести наступательную морскую войну. Недаром же осенью 1897 г. вашингтонское правительство решило создать особую «китайскую эскадру» адм. Дьюя (Dewey), сыгравшую столь важную роль в деле захвата стратегического ключа на морских путях к Китаю — Филиппин, к которым в этот момент тянулись вожделения почти всех держав, заинтересо-

---

[1]) А. Ф. Тютчева, При дворе двух императоров. Дневник 1855—1882 гг., т. I, стр. 216.
[2]) М. Покровский, «Дипломатия и войны царской России», 1924, стр. 367

ванных в экономическом и военном преобладании на Дальнем Востоке (Англии, Японии, Германии и России).

Чрезвычайное усиление Соединенных Штатов в конце XIX в. не могло не встревожить промышленные и торговые государства Европы. Ярким примером этих тревожных настроений является беседа, которую имел Вильгельм II с русским министром финансов С. Ю. Витте, во время пребывания своего в Петербурге в августе 1897 г., т. е. почти накануне составленчя публикуемой нами «инструкции Кассини» и в момент, когда Германия добивалась (и добилась) согласия России на захват «опорного пункта в Китае» (Киао-Чао). Император Вильгельм, читаем мы в мемуарах Витте [1]), — сказал, что «Америка представляет для Европы большую конкуренцию, конкуренцию всему европейскому земледелию; что Америка наживается насчет Европы, а потому он находит, что следовало бы в отношении Америки принять особливые меры, т. е. относительно таможни; не почитать ее страной, наиболее благоприятствуемой, т. е. не трактовать ее, как все остальные европейские страны, а держать для нее совершенно особливые пошлины, дабы Америка не могла наводнять Европу своими продуктами». На возражения Витте, указавшего на опасность для Европы со стороны Англии, Вильгельм заметил, что «Англия не наводняет Европу сельскохозяйственными продуктами, между тем именно Америка понижает цены всех сельскохозяйственных продуктов Европы». «На это я, — пишет Витте, — заметил, что, мне кажется, России будет трудно встать на такую точку зрения уже потому, что Россия находится с Америкой со времен освободительной войны Северо-Американских Штатов в самых прекрасных отношениях и России нет повода вдруг изменять свои отношения к Америке».

После отъезда Вильгельма Николай II передал Витте «маленькую записку, данную ему германским императором». В этой записке, по словам Витте, было изложено то, что ему говорил Вильгельм. «В ней говорилось, — пишет Витте, — об установлении боевых пошлин против Северо-Американской республики. Я доложил его величеству [т. е. Николаю II], что об этом со мною говорил германский император и что я держусь такого-то мнения. Государь император приказал мне составить на эту записку ответ в том самом духе, в котором я говорил германскому императору, причем император сказал, что он мнение мое разделяет. Я составил ответ в виде ноты без подписи и передал государю императору. Государь император сказал мне, что отошлет этот ответ германскому императору при собственноручном письме» [2]).

Если царская Россия не находила нужным для себя итти на прямой враждебный акт по отношению к Соединенным Штатам, на чем, как мы видели, настаивал Вильгельм, то экономическое усиление северо-американского капитала «на всем западном побережье Тихого океана (т. е. в Китае и Корее) серьезно волновало русские правящие верхи. К тому же и в области англо-американских отношений в 1897 г. стал наблюдаться сдвиг в направлении наиболее нежелательном для России. 6 января 1898 г. (25 декабря 1897 г.) депешей за № 77 предшественник Кассини на посту посланника в Вашингтоне Де-Вол-

[1]) С. Ю. Витте, Воспоминания, т. I, стр. 98—101.

[2]) Ср. также беседу Вильгельма II с Муравьевым в январе 1897 г., «Красный архив», т. LXVII—LXVIII, стр. 88.

лан сообщил в министерство иностранных дел, что им получены из достоверного источника сведения о возобновлении английским послом в Вашингтоне переговоров с федеральным правительством о «заключении трактата о третейском суде (Arbitration treaty)». «Этот трактат,— писал Де-Воллан, — заключенный англофильскою администрацией Кливленда, был, как известно вашему сиятельству, отвергнут сенатом в прошлую сессию конгресса. Заключая подобный трактат, Англия развязывает себе руки относительно Америки и получает свободу действий там, где это требуется ее интересами». Правда, Де-Воллан утверждал, что «американцы это очень хорошо понимают и смотрят на трактат о третейском суде, как на союз с Англией, который может вовлечь Соединенные Штаты в разные осложнения с другими державами», и заявлял, что, «несмотря на существующие в стране симпатии к родственной нации, большинство американцев относится с недоверием и неприязнью к английской политике и не желает усиления могущества Англии» [1]). Тем не менее самый факт сдвига в области англо-американских отношений, достигших большей степени напряженности в венецуэльском деле (в 1895 г.), был налицо, и русскому правительству приходилось торопиться с пересмотром основных линий своей американской политики.

Такой попыткой ревизии и является публикуемая нами инструкция Кассини [2]). Какие же моменты особенно характерны для этой инструкции? Прежде всего то, что несмотря на частые упоминания о дружеских отношениях к северо-американскому правительству, о «плодах добрых семян, посеянных Россией», и т. д., инструкция проникнута плохо скрываемым чувством вражды к Соединенным Штатам, в которых петербургские верхи видят возможного конкурента для русского капитала на Дальнем Востоке. Мы не должны в этом случае забывать, что инструкция Кассини менее чем на два месяца предшествует соглашению об аренде Ляодунского полуострова (27(15) марта 1898 г.), а этой последней «русский капитал гарантировал себе монополию» (М. Н. Покровский) [3]). Инструкция Кассини начинается с указания на то, «какое близкое и важное для русских интересов значение представляет развитие американской промышленности на Дальнем Востоке», и с предписания «строго отличать предприятия, для нас [т. е. для русского капитала] желательные, от тех, кои прямо задевают сферу нашего влияния». «Относясь сочувственно к первым,—говорит инструкция Кассини,—вы будете энергично воздействовать против вторых, пользуясь со свойственным вам тактом и осторожностью симпатиями к нам федерального правительства».

Не менее характерной с точки зрения своих настроений представляется и заключительная часть инструкции. «Вам предстоит с особенным вниманием отнестись к этому вопросу и определить, насколько отпадение Канады от Англии представляется с точки зрения наших интересов желательным? Может ли подобное усиление могущества Соединенных Штатов явиться для нас помехою и даже более — угрозою существующих добрых отношений? Соединенные Штаты, ныне уже выступающие в роли великой державы, сохранят ли после расчленения Великобритании ту же пассивно-доброжелательную по

[1]) Архив революции и внешней политики, «Переписка с Вашингтоном» за 1898 г.
[2]) Инструкции Де-Воллану в Архиве революции и внешней политики не обнаружено.
[3]) Указ. соч., стр. 366.

отношению к нам политику или же могут обратиться в конкурента, с которым нам придется считаться, как ныне с Великобританией?» Но инструкция Кассини ценна не только тем, что она свидетельствует о той неприязненной тревоге, с какой петербургские правящие круги следили за успехами северо-американского империализма. Она принадлежит к числу тех откровенных документов, которыми изобилует муравьевский период управления министерством. Муравьев много писать не любил, но зато уж если писал, то называл вещи их именами без всякой дипломатической утайки. В инструкции Кассини мы находим ряд таких заявлений, вскрывающих истинные побуждения, которыми руководилось в том или ином случае царское правительство. Так, из нее мы узнаем, что уступка Аляски в 1867 г. «за ничтожное вознаграждение» была сделана для того, чтобы «усилить могущество Соединенных Штатов на материке в противовес стремлениям Великобритании». Не менее откровенным представляется заявление инструкции по поводу отношения царских дипломатов к пресловутой доктрине Монроэ. «Находясь по нашему географическому положению вне всяких прямых соприкосновений с Соединенными Штатами, — говорит инструкция, — и не имея на американском материке колоний, нам представляется весьма удобным пользоваться доктриною Монроэ там, где эта популярнейшая в Америке теория становится вразрез с интересами наших естественных противников, каковым является Англия через свою наиболее значительную по географическим размерам колонию — Канаду». Характерна в инструкции и та часть ее, где говорится о соображениях, побудивших царское правительство согласиться на захват и аннексию Гавайских островов Соединенными Штатами. «Видеть образование новой Мальты в Тихом океане или же предоставить в руки японцев столь существенное звено для укрепления их морского могущества было бы для нас одинаково нежелательно. Ввиду невозможности самостоятельного существования, являлось более желательным чтобы Гавайские острова составляли часть территории Соединенных Штатов и оставались таким образом для нас навсегда верным и дружественным пристанищем и угольною станцией, а не сделались бы вражеским гнездом и опасной западней». «Мы вполне понимаем,— пишет автор инструкции, — что, заботясь о своем будущем, федеральное правительство обратило должное внимание на постепенные захваты Англии в Тихом океане и решилось опередить ее в данном случае, равно как и нарастающую в Тихом океане — Японию».

Если теоретические рассуждения царского правительства проникнуты чувством нескрываемой тревоги и откровенно говорят об узко эгоистических побуждениях «русской дружбы», то такими же показательными являются и те настроения, с которыми прибыл в Вашингтон исполнитель этих предначертаний, «пекинский» Кассини. Между его письмами из Вашингтона и данной ему инструкцией протекло пять месяцев, крайне богатых в политическом отношении. Мы считаем необходимым напомнить читателю политический календарь первой половины 1898 г. в той мере, в какой это представляется нужным для понимания настоящих документов.

15 (3) февраля на рейде Гаванны взорвался северо-американский крейсер «Мэн». 25(13) марта испанское правительство обратилось к великим державам с просьбой о посредничестве в их конфликте с Соединенными Штатами. 28(15) марта между китайским

и русским правительством был подписан договор об аренде Россией Ляодунского полуострова с гаванью Порт-Артуром, после чего русско-английские отношения достигли большой степени напряженности.

10 апреля (29 марта) Соединенные Штаты потребовали от Испании увода сухопутных и морских сил с острова Кубы. 21 (9) апреля между обеими державами были прерваны дипломатические отношения, вслед за чем последовало открытие военных действий. 1 мая (19 апреля) испанские морские силы адм. Монтохо, стоявшие в бухте Маниллы, были уничтожены северо-американской эскадрой адм. Дьюя; 13(1) мая английский министр колоний Чемберлен произнес в Бирмингаме речь, в которой настаивал на союзе Англии с Германией и Соединенными Штатами для противодействия замыслам России. 19(7) мая испанская эскадра адм. Серверы прорвалась в Сантиаго. 3 июля (21 июня) она была уничтожена американскими силами. 16(4) июля произошла капитуляция Сантиаго. 26(14) июля после оккупации американцами Пуэрто Рико испанское правительство через посредство французского посла в Вашингтоне Камбона просило вашингтонский кабинет о прекращении военных действий. 30 (18) июля федеральное правительство формулировало свои требования. 12 августа (31 июля) капитулировала Манилла, и был подписан предварительный мирный протокол.

Англо-американские отношения за тот же период времени продолжали неуклонно улучшаться. Депешей за № 26 от 28(16) апреля 1898 г. Де-Воллан, управлявший миссией в ожидании приезда Кассини, сообщил в министерство об успехах «английской агитации» в Соединенных Штатах в пользу «сближения двух англо-саксонских народов [1]». В той же депеше он доносил о том, что английский посол в Вашингтоне Джулиан Паунсфот получил предписание своего правительства принять участие в выступлении шести великих держав в пользу мира только в том случае, если он убедится, что «оно будет хорошо принято» федеральным правительством, хотя самая идея такого выступления была предложена Англией. «Многие признаки указывают, — писал Де-Воллан, — на то, что Англия относится очень сочувственно к Америке и всячески поощряет ее к войне, которая, в сущности, не в интересах Англии. Усиление Америки на этом материке, изгнание испанцев из Кубы, как сказал один хорошо осведомленный англичанин, приведет впоследствии к тому, что очередь настанет за Англией, и ей придется рано или поздно померяться с Америкой из-за Канады. Но англичане не задаются такими далекими перспективами, и, если они так настойчиво стремятся к сближению с Америкой, то это делается ради ближайшего будущего, а именно с надеждою заручиться поддержкою федеративного правительства на Крайнем Востоке».

Так же как Де-Воллан расценивал положение и царский посол в Лондоне барон Г. Г. Стааль [2]. По мнению, выраженному им в депеше за № 30 от 26 (14) мая 1898 г., стремление Англии сблизиться с Соединенными Штатами было вызвано: 1) тем, что северо-американский рынок представлял исключительную важность для английской торговли, и 2) тем, что «теперь более, чем когда-либо, в связи с развитием событий на Дальнем Востоке, Англия нуждалась в добрых отношениях с Соединенными Штатами».

[1]) Архив революции и внешней политики, «Переписка с Вашингтоном» за 1898 г.
[2]) Там же, «Переписка с Лондоном» за 1898 г.

Стааль относился с недоверием к возможности англо-американского союза, вопрос о котором поставила речь Чемберлена в Бирмингаме, но признавал и бесспорным факт сближения между обеими странами (депеша за № 46 от 8 июня (27 мая) 1898 г.). Доказательство этому он видел в учреждении в Квебеке особой согласительной комиссии для разрешения всех спорных вопросов между Канадой и Соединенными Штатами (между прочим и вопроса о ловле котиков), тогда как незадолго до этого вашингтонским правительством было отвергнуто аналогичное предложение канадских министров (дело о ловле в Беринговом море).

В конце мая ст. ст. российский генеральный консул в Нью-Йорке В. Теплов сообщил следующие данные об успехах английской агитации в Соединенных Штатах. «Английские газеты, — писал он, — неустанно измышляют всевозможные известия, чтобы рассорить Америку с Францией [1])... Все это, конечно, было затем опровергнуто, так как все это были конкретные факты, лживость которых доказать легко. Но Англия, оставивши конкретную почву, очень искусно стала тогда внушать, что вообще не только Франция, но и все прочие европейские державы стоят за Испанию и питают самые пагубные намерения относительно Америки. Английские журналы стали доказывать ежедневно, что одна лишь Англия является причиною, что континентальные державы Европы не вмешались в войну с целью помочь Испании. «Times» прямо говорил, что Англия не примет участия в коалиции, направленной против Америки, и, при некоторых обстоятельствах, будет готова активным образом противодействовать подобной коалиции. Таким-то образом создалась легенда, что проект враждебной коалиции держав был действительно подготовлен, но не осуществился исключительно благодаря Англии, которая, следовательно, является единственным и лучшим другом Америки. Все эти уверения пали на благодарную почву» (донесение № 789 от 3 июня (22 мая) 1898 г.). «Раздувая вражду американцев к европейским континентальным державам вообще, — писал в том же донесении Теплов, — Англия старается внедрить в умы американцев убеждение, что, пока еще есть время, им необходимо заключить соглашение с Англией; под влиянием английских же газет, здесь начинают верить, что Великобритания и Япония заключили между собою соглашение, предусматривающее не только различные случайности на Крайнем Востоке, но и те, которые могут возникнуть втечение испано-американской войны».

Такова была политическая обстановка к моменту появления Кассини в Вашингтоне. С одной стороны, имелось налицо бесспорное сближение между Англией и Соединенными Штатами на почве испано-американской войны и обострения русско-английских отношений на Дальнем Востоке, заставлявшего царское правительство, опасавшееся за судьбу своих новых приобретений в районе Печелийского залива, относиться с особой тревогой к возможности вооруженного конфликта с коалицией держав, возглавляемой Англией. С другой стороны, в самой испано-американской войне еще не наметился переломный момент. Эскадра адм. Серверы еще не была уничтожена американскими

[1]) Следует перечисление различных известий, распространявшихся английской печатью. «Переписка с Вашингтоном» за 1898 г.

морскими силами, а испанский гарнизон острова Кубы удачно отражал атаки ген. Шефтера. В вашингтонских правящих кругах царила некоторая растерянность, усугублявшаяся развалом в армии. И в этот тяжелый для федерального правительства момент посланник дружественной Соединенным Штатам державы — России не нашел ничего лучшего, как предложить своему правительству пересмотреть вопрос о будущей судьбе Филиппин в невыгодном для «американских друзей» смысле. Такова была истинная цена бескорыстию и дружбе царской России!

В публикуемом нами письме к Муравьеву Кассини хвастается тем, что у него хороший музыкальный слух, и эта уверенность его не обманула. Кассини, как это явствует из его писем к Ламздорфу и Муравьеву, вообще не верил в возможность англо-американского союза. Действительность как будто оправдала его скептицизм. 2 сентября 20 августа) 1898 г. депешей за № 16, сообщая о назначении на пост статс-секретаря по иностранным делам северо-американского посла в Лондоне Хэя, являвшегося убежденным сторонником англо-американского сближения, Кассини уже счел возможным успокоить Муравьева. «Несмотря на шум, произведенный с обеих сторон Атлантического океана по поводу англо-американского сближения, я продолжаю думать, — писал Кассини, — что оно не должно вызывать чрезмерных опасений с нашей стороны и что оно ограничится платоническими уверениями в симпатии и дружбе со стороны Англии, весьма желающей внушить убеждение о существовании тесного соглашения между обеими странами и поднять этим престиж своего могущества и сил, которыми она может располагать в каждую данную минуту... Идея дружеского сближения между обеими странами, без сомнения, симпатична значительной части американского народа, но от этого до согласия следовать в свите Великобритании и рисковать таскать для сей последней каштаны из огня, будь то на Дальнем Востоке или в другом месте, весьма далеко. Испано-американская война окончилась блестяще и с выгодой для американцев. Химерические опасения европейского вмешательства, внушенные ей и тщательно поддерживаемые Англией, рассеялись. Покончив с войной, жертвы и опасности которой Соединенные Штаты могли оценить несмотря на одержанные блестящие успехи, эта страна не имеет никакого желания вступить с Великобританией в союз, который мог бы вовлечь ее в серьезные затруднения, может быть, даже в войну, никоим образом не желательную для Соединенных Штатов. Тем не менее мы должны зорко следить за интригами английской дипломатии в этой стране и не упускать ни одного случая, чтобы не раскрывать их перед глазами наших американских друзей, временно отдаленных от нас довольно грубой игрой наших политических соперников [1]».

Публикуемые здесь документы должны покончить с легендой, еще продолжающей держаться в некоторых северо-американских кругах, о характере той дружбы, которую питала к Соединенным Штатам царская Россия.

Ф. Кельин.

---

[1]) «Переписка с Вашингтоном» за 1898 г.

Инструкция министра иностранных дел Муравьева посланнику в Вашингтоне Кассини [1]).

10 февраля (29 января) 1898 г.

При вступлении в управление посольством нашим в Вашингтоне ваше сиятельство обратите внимание на то, какое близкое и важное для наших интересов значение представляет развитие американской промышленности на Дальнем Востоке.

В этом отношении присутствие ваше в Вашингтоне, как испытанного знатока Востока, является особенно ценным для императорского министерства.

Вам хорошо известно по Китаю, какого рода вожделениями руководятся американцы в своих коммерческих и торговых предприятиях на всем западном прибрежье Тихого океана. Нет сомнения, что, будучи хорошо осведомлены с характером этих отношений, вы будете строго отличать предприятия для нас желательные от тех, кои прямо задевают сферу нашего влияния. Относясь сочувственно к первым, вы будете энергично воздействовать против вторых, пользуясь со свойственным вам тактом и осторожностью симпатиями к нам федерального правительства. Связь между Россией и Соединенными Штатами несомненно существует и имеет историческое основание. В Америке не забывают поддержки, оказанной императорским правительством в тяжелую годину междуусобицы в Соединенных Штатах во время восстания в Южных Штатах. Это чувство признательности за оказанную услугу, кроме многочисленных проявлений в повременной печати, резко показало себя в Америке в наш голодный год (1891 г.), когда изо всех концов Соединенных Штатов посылались пожертвования хлебом и деньгами. В бозе почивающий император Александр III отнесся милостиво к подобному проявлению симпатий граждан дружеского государства. Как известно, его величеству благоугодно было послать роскошные подарки главным жертвователям и лицам, принимавшим деятельное участие в отправке хлеба.

Особенным выражением благоволения его величества следует считать командирование эскадры в Атлантические порты Соединенных Штатов в 1893 году для принятия участия в морских празднествах по поводу открытия Всемирной Колумбийской выставки в Чикаго. Суда наши, совершив довольно продолжительную стоянку, встретили в Соединенных Штатах самый радушный прием. Всем еще памятно, какой восторг среди населения Нью-Йорка вызвало прохождение наших моряков на параде на следующий день после морского смотра.

---

[1]) На подлиннике пометы — рукой Николая II: «Согласен»; другим почерком: «С.-Петербург. 29 января 1898 г.»

Уступка нами Аляски в 1867 г. за ничтожное вознаграждение свидетельствует о том, как доброжелательно относились мы к усилению могущества Соединенных Штатов на материке в противовес стремлениям Великобритании.

В то же самое время мы дали этой уступкой Америке возможность сделать важнейший шаг вперед для осуществления доктрины Монроэ.

Находясь по нашему географическому положению вне всяких прямых соприкосновений с Соединенными Штатами и не имея на американском материке колоний, нам представляется весьма удобным пользоваться доктриной Монроэ там, где эта популярнейшая в Америке теория становится вразрез с интересами наших естественных противников, каковым является Англия через свою наиболее значительную по географическим размерам колонию — Канаду.

В вопросе о Гавайских островах императорское правительство явило новый знак дружелюбного отношения к Соединенным Штатам. Когда четыре года тому назад, при помощи американского влияния, произошел переворот на Сандвичевых островах и была провозглашена Гавайская республика, императорское правительство было едва ли не первым, поспешившим признать новое правительство молодой республики.

Ныне, когда федеральное правительство, ввиду возрастающей иммиграции Японии на Гавайские острова и также вследствие других причин, сочло своевременным совершить окончательное присоединение островов к Соединенным Штатам, императорскому правительству предоставляется новый случай оказать дружескую услугу федеральному правительству, поддержав и сочувственно отнесясь к этому приобретению, отвечающему и нашим интересам. Гавайские острова, находясь в центре Тихого океана, представляют, по своему географическому положению, настолько важную станцию среди больших водных путей, что самостоятельное существование маленького государства среди океана было бы, во всяком случае, непрочно и недолговечно. Рано или поздно Гавайские острова должны сделаться достоянием Великобритании, Японии или Соединенных Штатов. Видеть образование новой Мальты в Тихом океане или же предоставить в руки японцев столь существенное звено для укрепления их морского могущества было бы для нас одинаково нежелательно. Ввиду невозможности самостоятельного существования является более желательным, чтобы Гавайские острова составляли часть территории Соединенных Штатов и оставались таким образом для нас навсегда верным и дружественным пристанищем и угольною станциею, а не сделались бы вражеским гнездом и опасною западнею. Мы вполне понимаем, что, заботясь о своем будущем, федеральное правительство обратило должное внимание на постепенные

захваты Англии в Тихом океане и решилось опередить ее в данном случае, равно как и новую, нарастающую в Тихом океане — Японию.

В самом деле, если бросить в згляд на захваты Англии за последние годы, то окажется, что в Тихом океане не осталось больше ни одного свободного клочка земли, кроме Гаваи (и Самоа).

В 1888 году англичане завладели группой в 13 островов Гильберт, другой группой в 5 островов Эллис, пятью островами Эндербюра, тремя группы Кингсмен, Фаннинг, Вашингтон, Пальмира, Кристмас, Жарвис, Мальден, Старбук, Дудоза, Пеприн, Восток, Флинт и Каролинскими островами. В 1889 г. островами Руль (Rule) и Суворова, равно как и Коралловыми острова ми (в 900 милях расстояния от Гаваи). В 1891 г. островом Джонстон в 600 милях от Гаваи. В 1892 г. островами Гарднер и Данжер (Danger — острова опасности). В 1893 г., наконец, англичане подошли и к Гавайским островам, сделав попытку занять остров Неккер, крайний в Гавайской группе. К счастью, гавайскому правительству, узнавшему об этом, заблаговременно удалось отстоять остров поспешной посылкой судов под гавайским флагом. Конечно, поспешное присоединение к Соединенным Штатам островов, расположенных в 2 000 миль от материка Америки, не вполне отвечает доктрине Монроэ, но федеральное правительство поступает благоразумно, приобретая этот важный стратегический пункт, который вместе с тем имеет и большое экономическое значение для Соединенных Штатов.

Одним из главных вопросов, связывающих наши интересы с интересами Соединенных Штатов,является вопрос о котиковом промысле.

Из находящихся в архиве вверенного вам посольства материалов по сему предмету ваше сиятельство изволите усмотреть, какого образа действий придерживалось императорское правительство в различные фазисы, через которые проходил вопрос. За четыре года до собрания конференции в Вашингтоне в октябре прошлого года императорское правительство, в постоянной заботе о сохранении котиковой породы, запретило русским подданным охотиться на этого зверя в открытом море. И ныне Вашингтонская конференция, состоявшая из представителей России, Соединенных Штатов и Японии, высказалась на основании сделанных прекрасных научных исследований и наблюдений в пользу необходимости приостановки морской охоты на котиков ради сохранения породы. Это благое намерение заинтересованных держав не будет однако иметь практического значения без признания Великобританиею того же положения относительно морской охоты. Как известно, однако, эта держава не только отказалась от участия в конференции, но даже до сих пор не выказывает намерения примкнуть к ее постановлениям. Такая несговорчивость Сен-Джемского кабинета объясняется мотивами чисто политическими довольно сложного характера.

Метрополия в данном случае поддерживает колонию (Канаду), которая, в свою очередь, имеет счеты с федеральным правительством.

Канада же не хочет уступить Соединенным Штатам в котиковом вопросе не столько ради опасения потерять известные выгоды (промысел за последние годы так упал, что даже не окупается), сколько вследствие обострившихся вообще между федеральным правительством и канадским за последнее время отношений (новый американский протекционный тарифный вопрос о рыбном промысле, столкновения по поводу разграничения и проч.).

Итак котиковый вопрос остается неразрешенным, и вашему сиятельству предстоит трудная задача, явившись элементом примирительным среди враждующих сторон, добиться в возможно скорейшем времени единства действий в котиковом вопросе всех заинтересованных держав.

В этом отношении недавняя конференция в Вашингтоне показала, что, несмотря на то, что интересы Японии в котиковом вопросе тождественны с интересами Канады, с той лишь разницей, что морской котиковый промысел в Японии гораздо менее развит, чем в Канаде, тем не менее представители японского правительства готовы были согласиться на приостановку морской охоты и, после некоторого давления со стороны федеративного правительства, подписали акт, коим этот промысел в открытом море признавался безусловно губительным для породы. Итак задержка — исключительно за Канадой, и задержка, надо надеяться, временная. Чем скорее разрешится вопрос в смысле общего международного соглашения о запрещении морской охоты на котиков, тем больше является шансов сохранить эту породу, промысел на островах Берингова моря, средство существования и пропитания туземцев, ценный мех и статью государственного дохода.

С точки зрения научных исследований котиковый вопрос не представляет разногласий. Трудами профессоров Стар, Жордани, Леонарда Стейнегера, равно как и рапортами правительственных агентов, напечатанными в актах 54 (Senate document 137—54-th Congress I-st Section), установлено, что котиковые стада ежегодно в одно и то же время притягиваются на острова Берингова моря инстинктом воспроизводства, что все самки свыше трех лет являются на последних днях беременности и почти тотчас же после появления на свет щенков снова оплодотворяются. Щенки более шести недель питаются исключительно молоком своих матерей и совершенно неспособны держаться на воде. Факты эти имеют важное значение для запрещения морской охоты на котиков, так как матки, принужденные в поисках за пропитанием переступать запретные зоны, подвергаются избиению охотников. С убиением каждой матки пропадает сразу три котика: сама матка,

щенок на берегу и плод в ней находящийся, щенок будущего сезона. Кроме того морская охота на котиков представляется еще в том отношении несостоятельной, что только одна пятая (если не менее того) часть попадает в руки охотников. Раненые котики часто уплывают, прежде чем до них доберется охотник, погибают впоследствии на стороне, убитые захлебываются и тонут, и только сонные котики являются по преимуществу добычей морских котоловов.

Усмотрено было также, что запретные зоны (30 миль вокруг наших Командорских островов и 60 миль вокруг американских Прибыловых) являются далеко недостаточными, чтобы уберечь маток от убиения. Этим обстоятельством объясняется главным образом несостоятельность как нашего временного соглашения (modus vivendi), так и Парижских правил, принятых Соединенными Штатами. Федеральное правительство, с своей стороны, делает все возможное в сфере его компетенции, чтобы остановить пагубную для котиков морскую охоту. После конференции, созванной по инициативе вашингтонского правительства, конгресс одобрил закон относительно запрещения американским гражданам охотиться на котиков в открытом море. Недавно федеральное правительство прибегло к новой мере, направленной прямо против канадских морских охотников: через конгресс прошел закон, в силу которого только шкурки котиков, добытые на островах и снабженные правительственным клеймом, будут допускаться в пределы Соединенных Штатов. Таким образом закрывается совершенно возможность сбыта в эту страну котикового меха, добытого канадскими охотниками. Закон этот, собственно говоря, является последствием первого; запрещая своим гражданам заниматься морской охотою на котиков, федеральное правительство, после тщетных усилий добиться того же по отношению к канадским охотникам, отнюдь не желает оставить за этими последними свободное поле действий. Закрытие столь важного рынка несомненно повлияет на цену котикового меха и заставит, быть может, канадское правительство пойти на уступки, весьма для нас желательные.

Итак, сводя воедино связующие нас с Америкой пункты, ваше сиятельство изволите усмотреть, в чем именно заключается задача императорского посланника в Вашингтоне.

Поддерживая и укрепляя узы, сложившиеся историческим путем, вам надлежит осторожно, но неукоснительно пользоваться для наших интересов плодами добрых семян, нами посеянных.

Оставаясь на почве доброжелательства России к Соединенным Штатам, вы с особенным вниманием будете относиться ко всем могущим возникнуть столкновениям федерального правительства с Англией и Японией.

Проявляя ввиду изложенного полное сочувствие к интересам американцев, вам надлежит однако бдительно следить за отношением Соединенных Штатов к Великобритании и Японии.

В этом отношении особенного внимания заслуживает обострившиеся ныне между Соединенными Штатами и Канадой отношения. Действующий ныне в Соединенных Штатах таможенный тариф протекционного характера является серьезною помехою в деле улучшения отношений их с Канадой. Следует, впрочем, ожидать, что федеральное правительство, стоя на страже своих интересов, будет действовать в таком смысле, чтобы слияние Канады с Соединенными Штатами произошло как бы само собой и имело бы в своем основании взаимные выгоды американцев и канадцев. Отпадение Канады от своей метрополии представляется для нас событием чрезвычайной важности.

Вам предстоит с особенным вниманием отнестись к этому вопросу и определить, насколько отпадение Канады от Англии представляется с точки зрения наших интересов желательным? Может ли подобное усиление могущества Соединенных Штатов явиться для нас помехой и даже более — угрозою существующих добрых отношений? Соединенные Штаты, ныне уже выступающие в роли великой державы, сохранят ли после расчленения Великобритании ту же пассивно-доброжелательную по отношению к нам политику или же могут сбратиться в конкурента, с которым нам придется считаться, как ныне с Великобританией?

Посланник в Вашингтоне Кассини товарищу министра иностранных дел Ламздорфу.

В. секретное письмо.

Вашингтон. 23(11) июня 1898 г.

Дорогой граф.

Я прибыл в минувшую субботу, 18 (6) текущего месяца, в Соединенные Штаты после полного приключениями путешествия на борту германского парохода «Кайзер Фридрих», совершавшего свой первый пробный рейс.

В Нью-Йорке я только сошел на берег и тотчас же направился в Вашингтон. Я слишком недавно еще высадился в Новом Свете, чтобы составить себе точное и заслуживающее передачи вам мнение об общем положении и преобладающих здесь общественных течениях. Единственно, что я могу констатировать, это то, что в идеях и политических тенденциях правительственных сфер царит большая неясность, а в руководстве военными операциями невероятный развал. И несмотря на это, поскольку речь идет о первом из этих двух вопросов, для меня совершенно несомненно, что Соединенные Штаты твердо, повидимому, ре-

шили порвать с традициями прошлого и вступить на путь новой политики с более широкими горизонтами, — политики, которая, если только они будут преследовать ее с упорством, характеризующим их расу, не замедлит оказать значительное влияние на политические судьбы всего мира. Будущее покажет, в какой мере этот поворот в политике способен увеличить могущество, степень влияния и богатства Соединенных Штатов, имевших до сего времени только друзей. Вступив на путь политики захватов, — политики, может быть, не всегда разборчивой в средствах, они не замедлят создать себе многочисленных врагов и подать повод для серьезных осложнений.

Что касается сближения, происшедшего между Соединенными Штатами и Великобританией, — то это сближение не подлежит сомнению. Великобритания, побуждаемая желанием заручиться союзником в лице Соединенных Штатов, которых она с полным основанием опасается, прибегнула к тысяче мелких средств, чтобы завоевать расположение американского правительства и народа, относящихся с большой чуткостью ко всем этим дружеским проявлениям, особенно с момента настоящей войны. Сближение является бесспорным, но вопрос в том, как далеко способно оно итти. Вот вопрос, который интересует нас прежде всего. По моему мнению и судя по всему тому, что я смог здесь увидеть и услышать, этому сближению не суждено выйти за пределы взаимных любезностей и дружеских заверений, и вряд ли оно достигнет тревожных для нас размеров союза, где почти все выгоды были бы на стороне Англии. Американский народ обладает слишком практическим умом, чтобы дать себя вовлечь в невыгодную сделку. Рисковать установлением враждебных отношений с большинством европейских держав ради чести служить английским интересам — перспектива, мало для него соблазнительная, и я не думаю, чтобы он дал себя обмануть.

Рядом с этим сближением между Соединенными Штатами и Великобританией, за развитием коего мне придется следить с неукоснительной бдительностью,— другой вопрос, и этот вопрос непосредственного интереса должен приковать к себе все наше внимание. Я имею в виду вопрос о Филиппинах. Судя по всем доходящим до меня сведениям, правительство Соединенных Штатов твердо решило довести захват этой богатой добычи до благополучного конца и окончательно себе ее присвоить. Я вынужден признать, что, с точки зрения цивилизации и чувства гуманности, эвентуальное уничтожение испанского владычества на этом архипелаге, столь важном по своему географическому положению и исключительному богатству своей почвы, конечно, не сможет ни в ком породить ни малейшего сожаления. Благодаря жалкому управлению и пагубному влиянию господствующих здесь религиозных

орденов, которые она терпит и поощряет, Испания сделала все, чтобы убить симпатии туземцев и толкнуть их на путь периодических восстаний. Из источника богатства, которым могли и должны были явиться для нее Филиппины, Испания сделала предмет финансовых жертв, становящихся с каждым днем все более обременительными. Но если, как я только что сказал, нельзя скорбеть, с точки зрения цивилизации и чувства гуманности, по поводу утраты Филиппин для Испании, то совершенно иначе обстоит дело в отношении политическом, и вопрос о том, кто по окончании войны овладеет Филиппинами, представляет чрезвычайную важность как для нас, так и для остальных держав, заинтересованных на Дальнем Востоке. Если бы Соединенные Штаты, наши старые и добрые друзья, стремясь заручиться опорным пунктом на Дальнем Востоке, сочли бы после победоносной войны с Испанией подходящими для себя в качестве такового Филиппинские острова, то нам, в крайнем случае, пришлось бы ограничиться простым констатированием появления нового фактора на дальне-восточном театре, властно привлекающего к себе за последнее время столько честолюбивых вожделений. Но бесспорное сближение, происшедшее с момента испано-американской войны между Соединенными Штатами и Англией, сближение, которое, несмотря на все, может привести к более тесному соглашению между этими двумя великими морскими державами, заставляет нас отнестись к окончательной оккупации Филиппин Соединенными Штатами с гораздо меньшей благожелательностью.

Мне говорят, что вализа будет отправлена через несколько минут, и я вынужден, дорогой граф, закончить эти беглые строки, к которым прошу вас отнестись с полным снисхождением.

Примите, дорогой граф, уверение в сердечной моей преданност

Кассини.

Посланник в Вашингтоне Кассини министру иностранных дел Муравьеву.

В. секретное письмо.

Вашингтон. 22(10) июня 1898 г.

Мой дорогой и добрый друг.

Только по приезде своем в Соутгэмптон, где я сел на пароход, долженствовавший отвезти меня в Нью-Йорк, я узнал из газет о жестокой и неожиданной потере, которой небу было угодно поразить вас. Я был глубоко ею потрясен, так как я знаю, как горячо вы были привязаны к графине вашей матери и как болезненно должно было это роковое известие поразить вас среди тысячи различных забот и волне-

ний, которыми вы и без того обременены. Ах, как бывает тяжело, как бывает грустно, когда видишь, как исчезают один за другим все, кто нам дорог, все, с кем мы делили наши радости и скорби!

Я убежден, зная вас так хорошо, как я вас знаю, что, среди ваших блистательных успехов и достигнув вершины заветных мечтаний, вашей самой большей радостью было делить с той, кого уже нет, чувство испытываемого вами удовлетворения. Скажите же себе, дорогой друг, что я принял самое искреннее и глубокое участие в вашем большом горе. Ведь вы знаете, каким живым представляется чувство моей сердечной дружбы к вам, а к тому же я по личному опыту знаю, что значит потерять мать, т. е. утратить лучшую, самую надежную и прочную привязанность, которую дано изведать человеческому сердцу.

Я здесь всего только несколько дней и стараюсь разобраться в том политическом и военном хаосе, картину которого мне являет эта совершенно новая для меня страна. Я сегодня же посылаю письмо гр. Ламздорфу, чтобы поделиться с ним моими первыми впечатлениями, которые, признаюсь, носят далеко не радостный и не утешительный характер. Не так давно произошел полный поворот в идеях и политических принципах этой страны. Недовольная прошлым, сделавшим ее богатой, счастливой и почитаемой, она хочет испытать будущее, которое, весьма возможно, таит для нее многочисленные поводы для разочарования и серьезные трудности. Я не верю в англо-американский союз. Ум янки — слишком практичен, слишком расчетлив, чтобы завести вещи так далеко. Но что касается до сближения, происшедшего между обеими нациями с момента настоящей войны, то оно не подлежит сомнению, и одного этого вполне достаточно, чтобы нам встревожиться. Вследствие этого я считаю, что мы должны фиксировать все наше внимание, всю нашу бдительность на двух вопросах: 1) следить с неослабным вниманием за малейшим успехом в сближении между обеими англо-саксонскими странами, не упуская ни одного случая, чтобы раскрывать глаза нашим американским друзьям на те невыгоды, которые представляет для них та обманная сделка, куда их хотят вовлечь, 2) второй вопрос, который может иметь для нас еще более непосредственное значение, это вопрос о том, что американцы намерены сделать с Филиппинами. Если верить им, то они просто-на-просто хотят их аннексировать. Мы могли бы еще, так и быть, примириться с переходом Филиппин в руки наших старых друзей американцев в том виде, в каком мы их любим и ценим. Но переход тех же самых Филиппин в руки американцев, друзей и возможных союзников в будущем Великобритании, — совершенно меняет вопрос, и нам следовало бы об этом подумать.

В ожидании, все, что может быть сделано, чтобы убедить здешнее правительство и нацию в том, что их лучшим другом всегда была, есть и будет Россия, будет сделано. Я, как мне кажется, обладаю хорошим музыкальным слухом и могу, как мне кажется, заверить вас, что сумею избежать всякой фальшивой ноты.

Позвольте мне, дорогой и добрый друг, обнять вас и крепко и сердечно пожать вашу руку.

Кассини.

Прогрессивный блок в 1915—1917 гг.

Продолжение *).

Записи о заседаниях бюро блока, которые печатаются в настоящем томе «Красного архива», относятся к концу 1915 и началу 1916 г. Эти записи далеко не полны и не охватывают всех заседаний блока, но других каких-либо материалов о блоке за этот период до нас не дошло.

То, что говорилось в предисловии в предыдущем томе относительно программы и выступлений блока, остается в силе и для настоящего периода. Но поскольку обстановка изменилась, постольку буржуазия должна была на некоторые вопросы обратить больше внимания, чем раньше. В тылу положение с каждым месяцем становилось все хуже, в особенности с продовольствием. Война затягивалась, и конца ей не было видно. Революционное движение в стране безостановочно разрасталось.

Самодержавию явно грозил крах. Стремясь спасти себя, оно прибегает к обычному средству — усилению репрессий. Правительство Горемыкина уже кажется ему слабым, слишком мягким. И настоящие распорядители правительственной политики — Распутин и царица — заменяют Горемыкина другим, человеком посвежее и поэнергичнее — Штюрмером. Наступала «эпоха расцвета распутинского самодержавия», как характеризовал этот период М. Н. Покровский **).

Как реагировала на это буржуазия? Ее представители высказывались довольно определенно. «Изменилось настроение в самой толще общественных масс... Мы остались наверху, а почва уходит, и мы все это чувствуем. Слои внизу испытывают к нам ненависть и раздражение», говорил на заседании блока представитель московской буржуазии Астров и с горечью добавил: «Гнев населения обрушивается на общественные управления» ***). Другие приходили к таким же безрадостным выводам. Но раз дело дошло до этого, надо было принимать соответствующие меры. Революция? Но революции буржуазия боится больше чем реакции. Это — путь, «которого мы боимся», подтверждает снова Маклаков ****). Остается, таким образом, другой путь — держаться теснейшего союза с правительством, с самодержавием. Сюда и

---

*) См. «Красный архив», т. L—LI, стр. 117—160.

**) «Переписка Николая и Александры Романовых», т. IV, предисловие М. Н. Покровского.

***) См. стр. 145.

****) См. ниже, стр. 159.

склоняются все помыслы и вся «деятельность» блока. Но правительство не обеспечивает в должной мере интересов ни своей отечественной, ни иностранной буржуазии; оно не обеспечивает и сохранности монархии. Так буржуазия приходит к выводу о необходимости дворцового переворота. «После всего предыдущего надо делать революцию, — говорит Шингарев, — или дворцовый переворот, а они невозможны или делаются другими. Это состояние тяжелого политического раздумья» *). Другой кадет — Маклаков, — тоже надеется лишь на «deus ex machina — 11 марта», т. е. на насильственное освобождение Николая II от престола и замену его более подходящим кандидатом. Это решение, высказанное сначала в очень тесном кругу, постепенно становится для буржуазии единственным выходом из грозного положения.

Для проведения своих решений буржуазно-помещичий блок еще более сплочивает свои ряды. Этим объясняется, почему на заседаниях блока этого периода такое большое внимание уделяется Земскому и Городскому союзам, военно-промышленным комитетам и т. д., вплоть до организации объединяющего их центра. Блок об этом центре пока говорит очень глухо, но мысль уже брошена. В этот именно период (март 1916 г.) съехавшиеся в Москве представители указанных выше организаций, рассматривая новое положение о союзах, выдвигают ряд предложений, которые в речи кадета Некрасова нашли себе наиболее яркое выражение: «Перед нами, — говорил он, — задача создания целого ряда новых всероссийских союзов — рабочего, кооперативного, торгового и др., и, когда они возникнут, тогда все они вместе с Всеросс. Городским и Земским союзами должны из своей среды выделить высший орган, который бы явился для всех их единым направляющим, координирующим центром. Это будет как бы штаб общественных сил всей России» **).

Контрреволюция объединяла свои силы, «собиралась в поход».

Н. Лапин.

У Меллер-Закомельского 25 октября [1915 г.] [1]).

Г. Е. Львов, ссылаясь на А. И. Гучкова, кандидата на инициатора предложения о новом съезде Земского и Городского союзов во второй половине ноября, просит его изложить свою точку зрения [2]).

А. И. Гучков. — Хотели придать съезду политический характер — мысль возникла на другой день после назначения Хвостова. Вопрос о созыве Думы — была идея совсем не созывать. Теперь отказались: 25 ноября будет созвана. Мы созовем съезд торгово-промышленный.

---

*) См. ниже, стр. 146.

**) Из доклада о работах Общеземского и Общегородского съездов, происходивших в марте 1916 г.—Ос. отд. ЦИА, ф. № 155 д. № 5.

Хотели бы поддержки. Русское общество должно ответить резким, определенным протестом. То же и в законодательных учреждениях (отвержение бюджета).

Я. — Готовы ли? Есть ли настроение? Я замечаю колляпс; общество вяло реагирует.

Гучков. — Надо его готовить.

Щепкин. — Падение настроения есть и принимает грозные размеры. Намечаются два течения: 1) замолчать до окончания войны, 2) нельзя молчать и уступить окрику. Надо решить, как смотреть и что делать и потом решать вопрос о созыве съездов. Общество ждет от блока и организаций, чтобы подняли голос. Постановления съездов — не слова, а то, чем были и раньше. Нужно найти слова, чтобы это не был призыв к революции. Наша работа — фундамент.

Астров. — Союз городов два воскресения обсуждал вопрос, как реагировать на отвержение депутации. Решено — съезд созвать; время определить по соглашению с другими организациями. Тема — вопрос питания населения, но и вопрос об исполнении поручений. Представим «акт» — последовательное изложение событий, затем сообщить меморандум и проект речи.

Львов. — Мы разослали протокол, на правах рукописи, участникам съезда.

Астров. — Мы решили показать, что остаемся при том же. Но оказывается, изменилось настроение в самой толще общественных масс. Все признаки реакции налицо, различной от 1905 года — без насильственных действий: один жест сверху. Мы остались наверху, а почва уходит, и мы все это чувствуем. Слои внизу испытывают к нам ненависть и раздражение. Политика резвого министра — новые приемы борьбы с обществом — производит свое действие. Прием дискредитирования имеет успех. Гнев населения обрушивается на общественные управления. Первой подвергается сомнению Москва: мы с Михаилом Васильевичем не знаем, представляем ли что-нибудь (*Челноков*: «Говорите за себя»). Я говорю за всех. Забастовки — дело ловких рук. Мы должны быть готовы, что встретим материал иной.

Шингарев. — Резкое падение настроения в гуще населения. Правительство ведет к поражению: неудачи и слабость власти. Не растерялся Горемыкин. Произвели учет и оказались победителями. Тут не только уверенность в безнаказанности, а коррупция общественности (Хвостов). Отказ в приеме депутации произвел впечатление, которое я предсказывал (в Москве я считал, что это — средство последнее). Разговоры кончены, должны начаться действия. Но на них или неспособны или они не назрели. Люди остановились в нерешительности—

перед крупными событиями. Радикальные городские головы в растрепанных чувствах (уфимский). Хвостов учел историческую минуту и ловко пользуется. После всего предыдущего надо делать революцию или дворцовый переворот, а они невозможны или делаются другими. Это состояние тяжелого политического раздумья. В блоке Крупенский говорит о банке с пауками; пусть Хвостов свалит Горемыкина, а Бобринский: что тревожитесь, вы же добивались спокойствия. Как начать вновь? Можно и нужно — паралич недопустим. Но обстановка неблагоприятна. Нужно изменить тему. Правительство негодно для победы, потому что у него в тылу неблагополучно. С этим они не справятся. Надо возвращать правительству его нападения на самоуправление. Надо подготовить съезды агитацией в центре. У нас отнимают печать (не печатать о бюджетной комиссии).

Маклаков согласен с Шингаревым. Мы тогда говорили, что нас ведут к поражению. Мы пришли тогда к требованию общественного министерства. Если будет полная победа, не воскресим злобу против Горемыкина, будем без резонанса. Ввиду нового настроения предостерегаем против возвращения к воспоминаниям прошлого. Если захотим не посрамить прошлого, его не исправим, но сделаем ошибку. Хорошего выхода мы не найдем. Мы получили обиду, но я бы не поднимал счетов. На чем можем поднять общественность? На эффектном лозунге. Конфликт с короной. Но это — временная популярность, интерес к Думе и затем... разрыв. Выявив конфликт, оправдаем поступки власти против нас. У нас больше бурлит верхушка, чем низы, которые оказались обывателями. Демагогические приемы на них действуют. Тенденция против нас с более левой стороны — отрицательная позиция к союзам. Левые элементы поведут идейную атаку. В «Речи» отчет о заседании, в котором я присутствовал; я не ожидал отвратительного отношения к «цензовым» элементам. Надо себя привести к взаимному пониманию. Боюсь обнаружения коренного разногласия с левыми, с их д е л о в о й частью. Это надо исправить и наладить.

М. М. Федоров. — Упадок настроения несомненен, но естественен. В широких кругах связывалась с депутацией надежда, что это даст такой же результат, как предшествовавшие шаги. Неудача должна была вызвать реакцию. У большинства связывается с необходимостью действия. Но подсознательно чувствуется, что нельзя итти на конфликт с властью. Прошлое воскресенье 22 представителя губернских голов (д р у г и е люди, чем посылавшие депутацию) все понимают, что без ответа оставить нельзя, без урона для достоинства и значения учреждения. Власть т о ж е решилась не сразу. Пытались создать общественные течения, которые бы шли вразрез с большинством съездов. Выдвинули Татищева в торгово-промышленный комитет — лицо,

близкое к жене Мих. Ал-ча [3]), вели беседу о современном положении. М. А. говорил, что отлично понимают неправильность и опасность пути, на который вступил царь с Горемыкиным. Он говорил с государем: там готовы итти до несозыва Думы: А. Ф., Горемыкин и Распутин. «Опасность династии грозит из армии» — «Армия теперь народ». М. А. ответил (один из претендентов): «Да минует меня чаша! Конечно, если бы, к несчастью, это свершилось, я сочувствую английским порядкам. Не понимаю, почему царь не хочет быть спокоен». Правительство играет на том, что низы не поддержат; что течение налево против нас не совсем верно. Подтасованные выборы в Военно-промышленный комитет.

Челноков. — Федоров боится, что мы потеряем лицо, если не созовем съезд и не повторим прежнего. Я вообще не верю в слова. Что мы будем делать? Настроение, действительно, упало, но по другим причинам. Нельзя поднимать настроение для того, чтобы поднимать. Постановление городской думы вызвало огромный отклик. То же и съезды. Из этого подъема вышел Хвостов. Это не обидно, потому мы этого и ожидали. Если начнем опять поднимать настроение, и если удастся, то не будет никакого результата. Львов премьером не будет. Но наши союзы работают в тяжелых условиях. Надо быть чрезвычайно осторожным. Пресса чрезвычайно нам вредит: на нас нападать можно. Резкая и мало справедливая критика в Москве получила угрожающие размеры. Бюллетени забастовки, издаваемые думой, останавливались Климовичем [4]) — ни одна газета не изложила объективно. То же с вопросом о топливе и продовольствии. Забастовки — по всякому случаю. Бесполезно выражать обиду и поднимать для этого настроение. Союзы могут добиться прямых результатов: работать в своем направлении. Серьезный разговор с Горемыкиным — только после войны. Все энергичное там, и нам приходится поднимать настроение среди элементов неподходящих. По возвращении почувствуют, что шутки плохи. В лучшем случае, съезды подтвердят то, в чем никто не сомневается. Не переменились же наши взгляды после отказа. Раз объявим, что мы против революции, все будут знать, что дальше слов не пойдем. Не против городского съезда по дороговизне, если будет подготовлен хороший материал центральным комитетом. Нужно вооружиться терпением и ждать.

Меллер-Закомельский. — Нельзя так легко относиться к настроению всей России. Это настроение — не упадка, а политического маразма, потеря всякой надежды. Лучшие элементы сказали: для победы нужно то-то, монарх сделал обратное. Все заключают: значит, теперь не смена Горемыкина, а революция. Неужели теперь, когда 15 губерний заняты неприятелем? Допустить, чтобы Горемыкин заклю-

чил мир, нельзя. Как выступать? Все общественные элементы сделали последний выстрел. На том же пути дальше итти некуда. Нужно быть уверенными в успехе, чтобы решиться на выступление. Конфликт со всей Россией — надо делать в иной плоскости. Созывы съездов — уже испытанный путь: тут наша артиллерия расстреляна. Возможность явится, когда будет созвана Госуд. дума. Новое слово может явиться в наших палатах съезды будут резервом для поддержания парламента. Надо оставить вопрос о дальнейшей тактике открытым до этого времени.

Мой ответ. — Не бояться левых: нас уважают, пока мы действенны. Надо созвать до Думы, остаться на месте, не спуститься ниже, подготовить материал для самооправдания. Менажировать [6]) социальный элемент.

Гучков. — В каждой борьбе риск есть. Но его преувеличивают. Прострация есть, но есть и выигрыш — в выяснении положения. Все иллюзии исчезли и все разногласия отпали. Разногласия в диагнозе нет. Почему кажется, что общественное мнение апатично. Оно достигло пределов отчаяния. Пациент признан moribundus [7]). Тут замерли, потому что предстоит акт великой важности. В выставленных лозунгах мы найдем небывалое единодушие и в тылу и в армии. Я выставил бы боевой лозунг и шел бы на прямой конфликт с властью. Все равно, обстоятельства к этому приведут. Молчание будет истолковано в смысле примирения. Мы никогда не присутствовали при кучке безответственных людей. Режим фаворитов, кудесников, шутов. Это новая нота, которая должна быть сказана. А это — разрыв мирных сношений с властью. Я готов бы ждать конца войны, если бы он был обеспечен — благоприятный. Но нас ведут к полному внешнему поражению и к внутреннему краху. Правительство — «пораженческое». Возымеют ли слова влияние? Может быть. Власть дряблая и гнилая. Там нет железных, сильных, убежденных людей, которые сознают свою слабость. Печать отнята; остаются съезды и законодательные учреждения. Надо отчитаться, покаяться в ошибках и показать большой объем работы.

Щепкин. — Я не сторонник резких выступлений и интересуюсь линией поведения русского общества. Ждать неудач — средство отчаяния. Наши организации сейчас несут ответственность, — мы обязаны найти выход. У всех одно: на нас все смотрят. От нас ждут указаний. Все возражавшие смотрели на съезд, как на аппарат для резкой резолюции. Для меня это — средство поднять и объединить настроение. Всегда уезжают удовлетворенными. Нет «обиды» и «провала», а правильный исторический ход событий. Чтобы

осуществить сказанное 5 сентября, нужен долгий процесс. Если принять предложение Челнокова — замолчать до конца войны, то и это есть серьезное решение, которое должно быть принято собранием. Очень много и деловых вопросов. И резолюция должна быть результатом этой работы. Опасности раскола поэтому нет: есть деловая программа, и если есть разнобой, то политики можно просто не ставить. Отношение левых не связано со съездом. «Ликвидация прошлого»: даже если сделали ошибку и провалились, все-таки молчать нельзя; надо ликвидировать с честью. Съезды и резолюции — не «словоизвержение», как думает Челноков. Должны определить позицию определенно и ясно.

Федоров. — Надо созвать съезд не для подъема настроения; вам придется справляться с настроением. Если промолчим, дискредитируем себя. Население ждет, что мы сделаем. Безусловно за созыв и не боится разноголосицы (может быть, только на Городском слишком левое настроение). Надо созвать три съезда, незадолго до созыва Гос. думы (нужен контакт). Конечно, нужно дать материал для самозащиты. Надо поставить продовольственный вопрос — снабжение заводов и армии. Положение на театре войны будет печальное.

Астров. — Отчетный съезд должен быть, но не раньше декабря. Продовольственный съезд должен быть раньше. Совещания — мертвое место, продовольствие — очередное дело. Политическая сторона, как видно из сегодняшнего обмена, должна быть поставлена. Содержание — нужно не впасть в ошибку, что это «последнее предупреждение», — мы существуем непрерывной жизнью. Я считал депутацию ошибкой, теперь считаю приобретением. Надо сковать новое звено. Надо еще договориться о форме проявления. Разноголосицы на съездах и выступлений левых не боюсь; места последним не будет.

Маклаков. — Съезд не может быть деловым. Он должен будет реагировать на вопросы высшей политики, и деловая часть пропадет. Съезды первые заговорят от имени страны. Единственный лозунг — выявление конфликта с короной. Мы не сможем выдерживать прежней фикции. Желательно ли эту функцию передать съездам, а не Думе, которая обязательно должна это сделать? Милюков требует, чтобы подтвердить прежнее. У него есть оптимизм и нет нервности. Телеграммы государю вызовут оскомину. Нельзя удержаться на позиции лояльности. Съезды, может быть, не пойдут на это. Судьба этих съедов на этом прекратится, и вы испортите музыку Госуд. думе. Города недостаточно авторитетны для поднятия этого вопроса. Позиция левых ждет капитуляции перед

ними. Обращение к государю провалилось. С того момента, как идете на это, мы отказались от нашей позиции, т о г д а я н е б о ю с ь л е в ы х. Приготовлены ли мы к этому конфликту? Скажем ли, что не нужно хранить спокойствие? Поднять забастовки, заставить страну итти путем брожения — мы идем путем, которого боимся. Если бы я был убежден, что не можем победить (*Гучков* «При современной власти») — я надеюсь на deus ex machina — на 11-е марта [7]). Либо перестать бояться всеобщей забастовки. Я понимаю П. Н. Милюкова и Шингарева, но считаю, что созванные первые д о л ж н ы объявить конфликт с властью. Итти на это съездам — нас распустят — невозможно. Додумаем д о к о н ц а: 11 марта, забастовка? Мы тогда не додумали: П. Н. был уверен, что отказать в депутации не посмеют. Теперь герой — Стамбулийский. Не знаю, сделает ли Дума, но придется сделать.

Челноков. — П. Н. намекал на меня, говоря, что не следует говорить рабочим, что они «хулиганы». Действовали они хулигански. Я боюсь, что «п о д ъ е м» б у д е т т о ж е н е в р а с т е н и ч е с к и й. Приглашали к походу против власти, но для этого средств у нас нет. «Резолюции» с к а з а н ы: как часто надо их повторять? К а ж д ы й м е с я ц д а в а т ь ч е с т н о е с л о в о? В провинции нам верят и ждут; что ЦК скажет, что́ делать. А мы только предложим резолюцию, которая встретит частью сочувствие, частью осуждение. Д е я т е л ь н о с т ь союзов мы п о с т а в и м в т р у д н о е п о л о ж е н и е (*Гучков* «Денег не даст»). Деньги не получали по собственной вине (когда не обосновывали). Мы держимся на «казенных» — поправляется: «народных» — средствах, они могут нас дискредитировать очень скоро.

Шингарев. — На чем держится власть, спрашивает Гучков. На многом. На инерции, на заинтересованных кругах, на государственной машине. На отсутствии мужества и даже понимания. Для 11 марта нужен не съезд. Я считаю сомнительным готовность к удару в лоб. Особенно у земцев. Я предпочитаю конфликт на съездах конфликту в Госуд. думе, так как исчезновение Думы превращает общество в пыль. Нужен о т ч е т н ы й съезд д о Госуд. думы.

Гучков. — Конфликт с короной не нужно создавать, а надо зафиксировать. Каждая группа найдет формулу для выражения этого конфликта. Даже правые — овации Самарину и выбор Джунковского. Важен или неважен для Думы целый хор-концерт?

Львов. — Не согласен отлагать съезда до конца войны, но созыв высоко ответственен. Надо бороться с полной уверенностью, что будет успех. Я сомневаюсь относительно земцев: может быть даже провал, если поведем прежний цикл; зафиксировать то, что хочет Гучков

нельзя. Та дорога, которой мы шли, кончена. Мы пойдем назад. Даже, чтобы спуститься ниже, и здесь многие найдут подкрепление своим интимным мыслям. Мы их не обойдем: это наполовину чиновники. Другое дело — работа, важная в результатах политических. Здесь рисковать неправильно. Если дадим повод, работу нашу легко подкосить. Здесь наша ответственность больше, чем перед политическим моментом. Тут есть более призванные учреждения. И в городах Хвостов за месяц успеет многих развратить. Мы соединяем деньгами и шкурными интересами. Это не малодушие, а просто трусость. Союза нет, есть комитет. Одно обязательно — вопрос отчетности. Н е б о р ь б а, а с а м о з а щ и т а.

Меллер. — Я за съезд без политических резолюций, но он невозможен, потому что с нами шли в предположении, что их поддержат сверху.

У Меллер-Закомельского 28 октября [1915 г.].

Крупенский говорит о дворянских выборах, которые объясняет как успех [8]). О созыве Думы министр внутр. дел ничего не знает, а Горемыкин интересуется.

Шингарев. — Как встретят? Гарантируйте, встретят тепло.

Крупенский. — Я ему указал на результат выборов. Лозунг: долой крайних правых! Дума может заниматься д о к а н и к у л.

Стахович. — А потом «не позднее ноября 1916 г.»

Олсуфьев. — 1 января будет чистка «блока» (Оболенский и т. д.), и все полетит.

Стахович. — Если будет такая перетасовка, то вопрос, грустно или желательно? По моему, желательно. Пусть в открытую. Доверяю Куломзину и его определенному отношению.

Я ставлю общий вопрос: как относится блок к событиям? Будет ли действовать?

Ковалевский Е. — Мы считали бы нужным от имени блока оценить: 1) роспуск Думы, 2) отношение блока к переменам кабинета и 3) отношение к бюджету — итти ли сокращенным путем или сообразно естественному ходу дела без торопливости? Все это в первых заседаниях Думы, но с е г о д н я может быть преждевременно. Мы накануне у ж а с н ы х перемен в министерстве (относительно Поливанова). Общее мнение: с 25 — 27 ноября до каникул, его и высказал Горемыкин [9]).

Ефремов присоединяется ко мне. Образование блока произвело благоприятное впечатление. Его учли, как новую силу, и были удручены, что блок себя не проявляет. Некоторые нашли, что роспуск—крушение блока и доказательство несостоятельности всей затеи. Эти го-

лоса единичны, но не единичны голоса, что за два месяца блок себя не проявил. Не реагировали ни на роспуск, ни на отвержение нашей программы (неприем депутации). Нам надо оживить и проявить деятельность. Большой вопрос, нужно ли реагировать на перемену лиц — нужна перемена системы. Нам надо было реагировать на видимую безрезультатность появления блока. Обращение блока — причина прекращения сессии. Нужно показать, что мы не признали свои заявления неправильными, когда нам дали понять, что программа несвоевременна. Не должны давать возможность так истолковывать. Срок до созыва Думы не так велик: надо добиваться скорейшего созыва. Это будет п е р в о е проявление. Важно подробно выяснить отношение к п е р в о м у дню возобновления сессии. Придется сказать не только о факте перерыва, но и раскрыть многое из того, что стало известным нам в совещаниях: не тайны, а заявление, что без изменения двойственной системы невозможно себя усилить. Сессия должна быть длительной, но нельзя добиваться этого смирением и послушанием. Мы никого не надуем, если будем изображать финансовое благополучие.

В. Львов. — Милюков верно сказал, что блок должен действовать независимо от созыва Думы. Понятно, почему бездействовал. Мы присутствуем при полном крушении надежд, из-за которых блок осйовался. Изменение фронта должно выразиться в некоторой с о с р е д о т о ч е н н о с т и п е р е д а к т и в н о с т ь ю. Милюков осветил отношение л е в ы х к б л о к у. Я тоже н е о ж и д а л и был поражен с о ч у в с т в и е м с п р а в а. Сочувствие к к а б и н е т у д о в е р и я чрезвычайно широко. Бездействие блока при этих условиях основательно. Действия блока должны быть осмотрительны, чтобы сохранить доверие в с е й страны. Сочувствуя мысли, что блок должен действовать, призываю к осмотрительности. Положение будет гораздо труднее при открытии сессии. Перед нами глухая стена, которую можно взять только фронтальной атакой.

Шидловский. — Мы все на местах вынесли известные впечатления, но они субъективны. Каждый ищет подтверждения своих взглядов. Я не буду петь дифирамбы блоку, он не произвел впечатления, но неимоверно в о з в ы с и л а в т о р и т е т Д у м ы. Блок сыграл роль служебную. Поддерживать это уважение к Думе вопрос серьезный. Если бы сводить счеты с правительством, нам учиться нечему: д л я э т о г о материала много. Но нам нужно будет считаться с состоянием войны и, не теряя физиономии, не меняя отношения к правительству, не ослабить единения для борьбы с внешними врагами. Ближайшая тема наша — выдумать этот путь; сразу тактики не определишь. Единичные смены для нас не имеют значения: имеет значение намерение

итти обратной дорогой, чем мы, и должно вызывать отрицательное отношение. Пока не имеется парламента, должно пропагандировать свои взгляды путем печати (*Я* — даю справку: «Если мы будем иметь мнения, они просочатся»). Надо проводить в публику и долбить всеми мерами наши взгляды. Надо подготовиться основательно к сессии и достигнуть полного единства выступления — совместного. Вот две очередные задачи.

Васильев. — Первый предмет обсуждения — может ли блок ускорить созыв Госуд. думы?

Шидловский. — Я считал этот вопрос предрешенным, но какими способами? Кто противодействует?

Олсуфьев. — Вопрос П. Н. Милюкова о необходимости новой ориентации вполне своевременен. Как правый, выскажусь откровенно, а потом сделаю уступки. Действия блока вне парламента были бы нарушением программы блока. Вначале страна отнеслась с громадным сочувствием, но с тех пор большие перемены. Тогда мы защищали Россию от возможного вторжения — общее сочувствие: все для войны. Мы относились трагически к перемене командования. Катастрофа. Все мы ошиблись; государь видел дальше. Перемена повела к лучшему. Идол оказался пустым идолом. Блок — и общество — в самом коренном вопросе ошибся и потерпел крушение. Затем мы предлагали для войны сместить министров. Самый нежелательный остался, и война пошла лучше. Прекратился поток беженцев, не будет взята Москва — это важнее бесконечно, чем — кто будет министром и когда будет созвана Дума. В коренном вопросе мы потерпели поражение. Нужно изменить тактику. Воинственность блока теперь не будет отвечать положению, а некоторая сдержанность, «вооруженный нейтралитет», а если будем махать руками, уроним авторитет. Важна не программа, а единение: потенциальная сила в запасе, скоро потребуется выход на сцену. Торопиться не следует. Раньше созывать Думу — наивно. Если опять будет поражение — опять закричим, что нужно волостное земство. Теперь блок должен признать перемены на политической сцене (*Шидловский*: «Блок не касался командования».). Нет, это в связи. Правительство всех раздразнило; когда-нибудь ему припомнится это. Но это грубое обращение, которое искупается общим положением на театре войны. Во внепарламентское время блок не обязан действовать. «Фронтальной атаки» не советую; ничего не останется; весь автомобиль полетит в пропасть.

Стахович. — Одинаково несогласен с Ефремовым и Олсуфьевым: они со мной расходятся в самом понимании блока. Он не мог реа-

гировать: это не входит в его задачи. Несогласен с оптимизмом Олсуфьева. Что лучше? Войска увели с восточного фронта на южный? кто знает? На Балканах все хуже: оттяжка на год. Блок был прав в своем скептицизме. Тогда мы не знали, что будут Балканы. Но я расхожусь в том, что представляю блок, не как Ding in sich, а как м о б и л и з а ц и о н н ы й и о р г а н и з а ц и о н н ы й м о м е н т. Когда нет войны, мобилизационный отдел не может действовать. Блок — организация м н о г и х партий. Никаких упреков не приму. Скользят по 2½ [?] вопроса, а это главное: мы можем в междусессионное время не смущаться сменой министров, а к о г д а с о б е р у т с я п а л а т ы, н а д о с д е л а т ь в с е. Мы должны так подготовиться, как германский штаб, к 25 ноября — 18 декабря: б е с п о щ а д н а я в о й н а.

Шульгин. — Задело, что сказал Олсуфьев. Это не так. Говорят, наша ошибка относительно командования. Чем опровергается наше мнение? Пожалование «георгия» есть удар. Случилось, что было хорошо, когда он поехал на фронт. Могло быть иначе. Мы говорили: это п о с л е д н я я с т а в к а д и н а с т и и. Так и смотрел государь. Произошло лучше, потому что у б р а л и Я н у ш к е в и ч а, но это н а ш е д е л о: Алексеев — думский кандидат. Здесь ошибки не вижу. Острое положение с беженцами успокоилось; но ведь мы вопили с утра до вечера. Ошибка наша, что сами себе не верим: м ы успокаивали и удивляемся, что спокойно. (*Олсуфьев*: «Я говорю о том, что «кажется»). Мы предполагали, что это процесс длительный (заказы до июля 1917 г.). Но согласен, что единство было единством политического мышления, но не было соглашения для н е м е д л е н н ы х мер (помимо смены правительства). Требуются р е ц е п т ы (дороговизна, пути сообщения). Д е л о в о г о е д и н с т в а н е т. При открытии Думы страна будет говорить: в о т Х в о с т о в д е л а е т, а в ы? Если делает хорошо, надо сказать: хорошо. Мало сказать, что д у р н о. Надо сказать, ч т о делать. Это подводный камень. Мы не выработали практических мер. Блок не работал, потому что нас растыкали по комиссиям, а совещания не оправдывают своего назначения. Затем придется готовиться к дальнейшему. Надо предвидеть дальнейшее: никто н е д у м а е т о б о с н о в н ы х в о п р о с а х в о й н ы: план, подготовка. П о о т н о ш е н и ю к п р а в и т е л ь с т в у: деловая оппозиция (*Олсуфьев*: «Не политическая, а деловая»). Готовиться и к бедам и к победам.

Меллер-Закомельский. — Вопрос важный и опасный и чреват последствиями. Скорейший созыв и более длительная сессия не возбуждают двух мнений. Последующий вопрос — об общей тактике — вызовет большие разногласия. Теперь же надо употреблять все силы,

чтобы согласиться о тактике. Легко соскользнуть с почвы борьбы с правительством на конфликт с короной. В провинции — Земский и Городской союз понес афронт [10]). Настроение приподнятое. Надо избрать подготовительную комиссию «лидеров» для выработки тактики.

Львов. — Картина Олсуфьева может быть где-нибудь в Царево-кокшайске. Если это мысли Олсуфьева, я повергнут в полное изумление. Я смотрю на происходящее крайне мрачно. Военные авторитеты мне говорят: не раньше года. На театре с пунктуальной точностью исполняется план генерального штаба германцев. На Балканах — последняя точка войны. Если Германия расщепит Сербию, она сделает, что хотела (*Бобринский* протестует, *Стахович* подтверждает). Полное поражение, крушение монархии, анархия в России — вот что нас ожидает. Что у вас будет на сердце, когда скажут, что Алексеев никуда не годится? Я, как страус, прячу голову в карман, чтобы не притти в нервное настроение. И все люди сведущие делают то же самое. Блок не разбит. Критикуйте, но будьте справедливы. Блок говорил: нужна нравственная атмосфера, которая облегчит задачу. Я слышу справа: о, если бы было другое правительство, какая бы энергия развилась! «Для победы вводить волостное земство», это — возражение врагов. С общественным министерством страна бы знала, что рано или поздно эта программа будет осуществлена. То, что случилось, это — сумасшедший дом. Возможна была уступка блоку или — status quo. А правительство раздражило все общественные силы России. Разве это — оздоровление тыловой атмосферы? Громаднейшая ошибка правительства, а не блока. Никто не может сказать, что будет через месяц. Блок хотел принести жертву, разделить тяжелую ответственность, а не сидеть спокойно, критикуя. Это было продиктовано гражданским чувством. Тупые люди, которые ничего не понимают: все объясняли стремлением к какому-то захвату власти. Блок ни в чем не ошибся. Вся Россия висит на воздухе. Смена Совета министров, непосредственное вмешательство короны поставило всю Россию в конфликт с короной.

Бобринский. — Мы не должны вдаваться в крайности. Олсуфьев верно обрисовал положение. Оно совершенно другое, чем когда образовался блок. 23 августа была паническая эвакуация Киева. Иванов к середине сентября ждал эвакуации юго-западного края. Никто не верил в сохранение Риги и Двинска, опасались за Псков. Теперь положение улучшено. Появились снаряды, мы остановили неприятеля. Правда, Сербия. Но поход немцев вызвал потери от сербской армии; наши союзники пустили в ход незанятые войска и бороться [11]) с немцами на более широком фронте. Как немцы справятся с этим коридором, увидим. Осенью нам нужно было остановить наступление на Петроград и Москву, чтобы получить р у ж ь я. В августе месяце мы

бы перекрестились, если бы нам это сказали. Россия отнеслась спокойно несмотря на ухудшение правительства. Роковой вопрос — когда в июне мы требовали созыва Думы — мы говорили при теперешних министрах теперь нельзя — надо убрать — теперь положение другое. Правительство стало хуже. Что будет при встрече? Смета св. синода. Не речи Керенского, а что мы скажем? Подослали меня спросить: кого в товарищи обер-прокурора, чтобы мог говорить в Думе? Я сказал: место не вакантно. Мы говорили 3 сентября: Думу нельзя будет собрать с Горемыкиным. Как будем теперь? Нельзя сказать: это не наше дело. Я ответа не нахожу, и меня созыв Думы страшит.

Стахович. — Вне сессии блок не должен действовать. Во время сессии должен. Наша задача — сейчас же приняться за разработку не только нашего плана, но и возможных комбинаций. Кто будет говорить, в каком порядке? Со следующего заседания рассмотрим: только бюджет или и другие вопросы? Соотношение Думы и Совета изменилось. Больше поддержки для законодательных работ.

Ржевский. — О бюджете речи не может быть. Он не будет готов.

Ковалевский М. М. — Меньше опасности для столиц и больше опасности проиграть всю кампанию. Не вижу, что блок провалился. Он одержал победу в Госуд. совете, ослабив запруду. Сдвиг произошел. Все значение блока сводится к тому, что создано большинство в Госуд. думе, в Госуд. совете блок против рассеивается[12]). Никто не будет так наивен, чтобы ожидать, что старики сами уступят. Но раз вы приняли борьбу, то должны не ограничиваться заявлениями, а приступить к деятельности, которая покажет, что есть в Думе большинство, которое его не поддерживает. Оппозиция короне — не дело Думы. Это дело Городского и Земского союзов, которые могут не соображаться с блоком. Вы должны вести борьбу во-всю, пользуясь законами. Делайте запросы (уход Самарина), шельмуйте, раскрывайте. Законопроекты. Можно задеть интересы обороны: воздержитесь. Стоустая молва говорит, что председатель Совета министров говорит: вешают собак, я руковожусь высшими соображениями, когда я уйду, будет заключен мир. Очевидно, чувствует неловкость положения. Найдите средство доказать, что он не на месте. Практически: перейти к подготовке сессии. Если от имени блока будете требовать скорейшего созыва, — отложат. Сделайте вид, что блоку нежелательно и трудно разобраться.

Гурко. — Основное положение не в вопросе об «ошибках», а достигнута ли основная цель. Цель была — обеспечить победу. Мы решили, что при современном правительстве победа

немыслима. Изменилось ли это? Можем ли верить, что это правительство — в состоянии. Другого ответа, кроме отрицательного не может быть. Улучшение военного положения — хронологический инцидент. Ни победы, ни внутреннего мира. Медем (гос. прокурор) хуже кретина (племянник Горемыкина). Пути сообщения — Марченко — ближайшие отношения с Гришкой (*Олсуфьев*: «Назначен Ронжин».). Цель остается та же: сменить правительство или обеспечить в нем более толковые элементы. Обращение к улице? Может быть, в крайнем случае. Лучше сейчас, с патриотическим настроением, чем потом, когда всех потопит. Что же действует? Только страх. Надо его напугать до белой горячки. Все спокойно — будем гнать. Если будем молчать, сам Гришка будет премьером. Молчать нельзя. Дело блока — инсценировать. Ни в Думе, ни в Совете никаких действий, которые дали бы право закрыть Думу. Речи должны быть спокойными — первый день — строго в пределах. Перенес бы в комиссии, где приступил бы к напугиванию (нельзя распустить Думу): если не будут приняты меры, то меры решительные, вплоть до отказа в кредите, и соответствующие выступления в первый — второй дни не только в Думе, но и в Госуд. совете. Блок должен проявить жизнь. Единение, которое не действует, атрофируется. Надо конкретно говорить о тех или иных действиях блока.

У Меллер-Закомельского 30 октября [1915 г.].

Продолжение прений об общей тактике.

Крупенский. — Не нужно комиссий. Решим сами.

Другие возражают. Нужен доклад, канва.

Шидловский. — Меня спрашивали члены бюджетной комиссии: принял ли блок меры для ускорения бюджета?

Меллер. — Говорили, что, напротив, затягивать.

Крупенский. — Бюджетная комиссия высказалась: рассматривать обычным порядком.

Я. — Предлагаю схему беседы: 1) до Думы (немедленный созыв, агитация в печати, продолжительная сессия), сговариваться ли с правительством? 2) первые дни Думы (политические выступления: роспуск, министерства, наша программа, съезды); 3) отношение к бюджету (темп, отказ или нет); 4) законодательство блока (по программе).

Ефремов. — 5) Отношение к особым совещаниям.

Олсуфьев. — 6) Вопросы внешней политики. Нужно и в верхней палате. Начать с этого.

Львов В. — Теперь этот вопрос зависит от военных действий. Касаться славянского вопроса — несвоевременно. Русские интересы должны превалировать. В зависимости от исхода балканской кампании нужно решить и путь внешней политики.

Я. — Против.

Гурко. — Тоже. Нельзя все ставить в зависимость от военных действий. Надо иметь постоянную цель. Достижение, темы могут быть оппортунистически сужены, но цель должна оставаться. Страна незнакома. Народное представительство считает это своим долгом. Но выступать от блока нельзя: вопросы слишком сырые. Предоставить отдельным ораторам и лишь поставить на рельсы.

Ковалевский М. — Еще в первой Думе стоял за занятие внешней политикой в палате. В принципе согласен. Но исключительные условия: нельзя итти дальше Англии. О Греции и Румынии нельзя говорить. Выступления от блока были бы весьма действительны. Заявление, что желают продолжения войны. Англичане побаиваются предварительного мира. Французы не боятся, пока германские войска в пределах России. Если бы было ясно в Германии, что на мир не идем, могло бы иметь последствия.

Васильев. — Блок будет иметь огромное значение, подходя к миру. Надо готовиться. Выступления в общих чертах должны быть известны блоку. Это даст им авторитет.

Олсуфьев. — Не знаю, опасно ли в Думе. Но, по крайней мере, в среде блока надо ориентироваться. Военные события зависят от целей политики. Мир ближе, чем думают. Надо составить мнение о Болгарии: печальное недоразумение, которое скоро разрушится; выступление династическое, а не всего народа, который остался верен освободителям. Если ругать Болгарию, лучше не выступать. Смешно, что теперь происходит в Болгарии. Может быть, придется сказать об уступке Румынии из Бессарабии. Румыния давно бы выступила. Правительство без Думы не решится. Надо подчеркнуть, что центр — на Балканах, а не около Риги. Надо обменяться этими мыслями. Германия теперь уже обсуждает вопрос о мире. Назначить специальное заседание в блоке, не предрешая, говорить ли в Думе.

Ефремов. — Подробнее развивает п. 5-й. В связи с возобновлением сессии надо обсудить: 1) выходить ли из совещаний, 2) сделать ли в Думе доклад о деятельности совещаний, 3) вывод Думы: такие совещания вредны, отозвать членов, 4) предложить принять закон в порядке законодательных предположений, 5) вопрос о суточных не кончен. Совет министров изменил статью законов.

Прения по программе.

П. I. До Думы. Требование созыва Думы.

Меллер-Закомельский. — Бюджетная комиссия, как таковая, не действует. Роспись не внесена. Бурное заседание и циркуляр.

Шульгин. — Ничего нельзя больше сделать, кроме печати. Лучше стоять не на том, чтобы скорее созвать, — это будет подогрето — но очень сильно о продолжительности сессии. Можно представить примеры: была бы Дума, не было бы провинциальных запрещений.

Ефремов. — Согласен: поднимать нервный крик после двухмесячного молчания — неловко. Но своевременно говорить, что возможный срок уже наступил. Но можем и сделать: повторить настойчивый созыв фракции. Когда все в сборе, ясно, что интерес возбужден. Отвергать мысль о возможности кратковременной сессии. Повторение газетчиков, которым нечего писать. Надо установить отношение к законодательной работе (волостное земство — очень распространено, что только о войне). Если бы мы победили в вопросе о правительстве, то тогда бы было не так нужно законодательствовать.

Ковалевский М. — Разговоры о Думе должны вестись сотрудниками газет. Мы — внушители. Если бы блок настаивал, Думу бы созвали позднее. Но теперь же можем шельмовать правительство по вопросу о кратковременности, тем более, что роспись не внесена. Согласен, что с бюджетом спешить не следует. Английский парламент уже сто лет назад — вотировать в предпоследнем заседании. Обнаруживать рвение, чтобы сейчас же заняться, — но настаивать, что роспись не может быть рассмотрена в 3 дня.

Гурко. — Присоединяется, но думает, что надо говорить и о скорейшем созыве. Право существовало с 4 сентября. Существуют конкретные причины желать созыва. Соединить с длительностью сессии. Конкретный вопрос — эмиссионное право — остается 123 миллиона рублей, а предполагалось до 1 февраля. Выдумали трюк: золотой запас заграницей. Выпускать бумажки под отрицательную стоимость нельзя.

Крупенский. — Согласен со всеми пунктами.

Меллер. — Резюмирует. Распределяется между членами пресса (Шульгин — «Вечернее время», Шидловский — «Русское слово»). Вопрос о выступлениях — трагический. Правительство Горемыкина везде выставляет монархию. Надо найти тон, чтобы не было конфликта с короной. Это главная задача комиссии. Выбор комиссии.

Львов В. — У нас, бесспорно, конфликт с короной.

Ефремов. — Надо больше расчленить, о чем говорить в первом заседании. Оценка происшедшего — хозяйственная разруха — финансовые перспективы — неисполнение нашего главного условия — личная политика — формула осуждения и, в «мотивах» — «привела к безысходной финансовой разрухе», — из патриотических побуждений нельзя не осудить.

Ковалевский М. — Не раз в других странах депутаты, при конфликтах с короной, сознательно лгали, — фикция ответственных за Совет министров. Сделать козлом отпущения Горемыкина. Расчленить на два дня, а если все в первое заседание, то второго не будет.

Гурко. — Нельзя отрицать конфликта с короной, но теперь, к счастью, премьер тот же, а на него были все нападки. Но в комиссионной деятельности не скрывать: единственный способ воздействия — страх. Слова Vergniard.

Шульгин. — Первый день — должен быть финальный аккорд. Формула перехода. К ней нужно располагать всю пьесу. Начать с армии и войны, вести до конца, никакого мира (какая-то записочка ходит из московских кругов «светлейший государь, молим тебя»). Мы должны предвидеть, что нас скоро разгонят, надо сразу сказать, что надо сделать: все для усиления армии, призреть увечных, — война будет долгая, поэтому подготовлять организованность страны, провести ряд законов (кооперативы), коснуться насущных вопросов (дороговизна): удержать правительство от рискованных шагов, государственный социализм. Единение всех. Разгонять будет труднее (*Олсуфьев*:— «Законодательное урегулирование Земского и Городского союзов».)

Олсуфьев. — Размазывать на много дней критику правительства нежелательно. Надо все сконцентрировать в первый день. Перейти к вопросам делового характера. Иначе, через два-три дня разгонят. Надо помнить о враге.

Шидловский. — Было бы лучше — в первый день; вопрос в качестве ораторов. Нужно включить в резолюцию фразы и мысли патриотические, которые бы страховали Думу. Если будем перечислять вопросы, затянем. Лучше установить общие основания. Отсутствие нападок на корону. Строго конституционный путь. Хотим ли кивать толпе или сохранять удивительное спокойствие и достоинство. И Дума должна принять со спокойствием. Последнее заседание. Придать характер не демонстрации, а строгой, деловой, беспощадной критики.

Бобринский. — А какой повод для прений?

Шингарев. — Если старец придет, нельзя ручаться за спокойствие.

Гримм. — Ввести в резолюцию наше указание на отношение к правительству. Личный режим можно осветить указанием на неконституционный образ действий правительства, создающего опасность конфликта. Правительство подрывает основы строя. Обойти нельзя. Опора на революционеров справа есть косвенное недоверие стране. В Госуд. совете никакой формулы — не удастся. Будет обезличенная, которая затемнит дело.

Меллер. — У нас maximum — разрешение сказать политическую речь.

Львов В. — Несогласен, что можно избегнуть указания на конфликт с короной, критикуя правительство. Правительство не объединенное, прямое вмешательство короны в управление, хаос. Перед страной говорить: правительство во всем виновато, никто не поверит.

У Меллер-Закомельского 2 ноября [1915 г.].

Меллер. — Резюмирует предложения, сделанные относительно содержания резолюции Думы.

Стахович. — Ставится вопрос, возможна ли общая резолюция?

Меллер. — Невозможна.

Крупенский. — Тогда нет пользы от блока в Госуд. совете; вы нам хотите за наш счет давать советы, а сами не помогаете. Лучше тогда совещаться нам между собой.

Меллер. — Госуд. совет не будет плотиной, но требовать повторения политической декларации нельзя.

Стахович. — Не подразумевал слово в слово повторения. Но надо поставить боевым вопросом солидарность с Думой. Если этого вопроса не поставим в виде резолюции, речей мы говорить не будем, иначе придется повторять. А обсуждение аналогичной резолюции — советское дело: определится, к т о з а солидарность.

Ковалевский. — Члены по назначению не хотят расходиться с правительством. Бывшие министры говорят: мы гораздо левее вашей программы.

Дмитрюков. — Если все возлагать на Думу, а Совет будет помалкивать, то где же единение? Распустить и кончено. Госуд. совет начинает н е с подавляющего большинства, как и мы 5 лет назад. Резолюция провалится, но как? Подсчет такой, что не получите большинства. Не может быть 70 и 80 [13]). Д о л ж н о повторять то, что в Думе; язык, манера — разные, но дух один. С вами вместе — нас скорее не разгонят.

Гурко. — Или существует блок и надо громко сказать с трибуны или вы должны встать и уйти. Под лежачий камень вода не бежит.

Если будем продолжать играть в молчанку, погубим. Должны начать с первого дня.

Крупенский. — Вынести резолюцию м о ж н о. Говорите и вы о внешней политике, чтобы о ш и б к а была сделана вместе. О церкви — в Госуд. совете иерархи церкви — важнее. О бюджете — если в у к а з е с р о к — н а ч а л о и к о н е ц — если Дума скажет: н е л ь з я, пусть скажет и Госуд. совет. Если за это нас разгонят, чтобы были обе палаты.

Ефремов. — Не было заданием сегодняшнего дня выработать резолюцию. Теперь только обменяемся общими вопросами, а детали — по докладу комиссии.

Олсуфьев. — Между Думой и Советом — существенное различие. Блок нельзя официально вынести на трибуну. И среди Думы оговорки. Тем более нельзя в Госуд. совете о б я з ы в а т ь с я поддерживать солидарность. Тогда лучше распустить верхнюю палату, акт не конституционный. П р а к т и ч е с к и — присоединяюсь к заявлению о трудностях. «Группы» Госуд. совета ничем не обязываются («беспартийные»). Как Гурко рассчитывает тут поддержку? А центр — мы... [14]). Нас уполномочили ходить и рассказывать. Подписали, но с оговоркой — reservatio mentalis [15]). Блок важен не по формальным основаниям, а по внутренним соображениям, внутреннему единению.

Меллер. — Вопрос о взаимном отношении палат — не на очереди. Все члены Госуд. совета сделают все зависящее, но ответственность за большинство не возьмут.

Стахович. — Вопрос — блок из двух палат или это недоразумение — в п е р е д и. Надо решить.

Гримм. — «Неконституционно» — если сходятся на минимальной программе? Нравственное обязательство говорить в духе блока. Вопрос о резолюции — тактический, насколько целесообразно вносить. Резолюция наша вызовет контррезолюцию, которая пройдет — и при закрытой баллотировке еще лучше пройдет. У нас соглашение часто на взаимном воздержании.

Опочинин. — Согласен со Стаховичем: идем вместе или нет? Говорилось, что и упоминать не надо: брак незаконный. Не понимаю, зачем мы совместно работаем.

Гурко. — Олсуфьев видит конституцию в раздоре. Идеал порядка — в единомыслии. Но нечего опасаться такого единомыслия. Вопрос об обеспечении прохождения известной программы в ее основных очертаниях. Я «тонкий» член в качестве «беспартийного». Вопрос в том, чего вы ждете. Если заявления от фракции, — то кроме левых не найдете. А совместная резолюция не формально, но фактически б л о к о в а я — возможна. Но ни один беспартийный не назовет себя членом

блока, а программу принимают. Нужна резолюция не однозвучная, а однородная. Важен факт произнесения речей, приучить стены к живым речам. Подавляющего большинства против нас не будет, и контррезолюция не пройдет; против нее подавляющее большинство, и они ее не выставят.

Шидловский. — Никто не требовал заявления о блоке, но голоса, подходящего к думскому.

Бобринский. — Надо выработать проект резолюции врозь, а потом сойтись.

Ковалевский М. — В Госуд. совете есть принципиальная разница: вы предпочитали административную деятельность, а Госуд. совет предпочитает разделение властей и законодательство. Так и в еврейском вопросе. Госуд. совет не за 87 статью. Многие вопросы решаются путем советов министрам: находили (в «центре») программу очень робкой. Если хотите большего меньшинства, усильте законодательный элемент.

Олсуфьев. — Было говорено о формальном провозглашении блока. (*Я*: — «Вы подписались, хотя и с reservatio»). Нет, не подписывал. Неконституционно — всегда соглашаться или никогда не соглашаться.

Я. — Не спускаться ниже резолюции 19—20 июля.

Шульгин. — Должно быть две резолюции: одна, если будет срок роспуска, и другая, если не будет. Отношение должно быть совсем иное: короткая и энергичная резолюция, как и сессия.

Шидловский. — Все указанное П. Н. принято. Единственное предложение Крупенского. Единственно не обсужденный вопрос —отношение к совещаниям. Должна быть одна комиссия, которая представит проект того, что будет затронуто в резолюции.

Ефремов.— Может быть, в случае осуществления предположения Крупенского — никакой резолюции!

Я. — Комиссия не режиссирует, не сочиняет речей: невозможно заранее.

Меллер. — Угодно одну комиссию?

Крупенский. — Я за две.

Предварительное обсуждение кончено. Решено — одну. 9 членов: 6 от Госуд. думы, 3 от Госуд. совета.

О бюджете.

Шульгин. — Недопустимо во время войны. Даст почву противникам войны.

Дмитрюков. — Против отвержения бюджета. Никто так и не ставил (А. И. Гучков условно). Покушение с негодными средствами.

Отвергать можно смело, потому что он фиктивный, сокращенный: мы выбирали статьи, которые механически не восстановлялись. Теперь таких нет. Повод для роспуска хороший. Но бюджет заслуживает исключительного внимания с точки зрения сведения баланса. Ошибок — миллионов на 500. В какой срок уместится, неизвестно. Главное значение — доходная часть. Вопрос всей налоговой системы. Заслуживает подготовки. Потребует времени. Не будет рассмотрен в этом году, но не из протеста, а из добросовестности.

Ефремов. — Не будем говорить по существу. Комиссия должна представить суждение, что законодательные палаты не должны впрягаться в этот срок, а рассматривать нормальным порядком. Допустимо ли отвержение? Нужно ли отложить до предпоследнего дня сессии, как доказывал М. М. Ковалевский? Какое иное отношение к указу, включающему срок роспуска? Обсудить отказ в бюджете в этом случае. Нужно ли касаться английских займов? Союзные отношения, бережение кредита — пройти молчанием или указать, что мы ведемся к банкротству.

Шидловский. — Это вопрос принципиальный, который должен быть решен в общем собрании. Партии делились: некоторые допускали — и мы. Но в данную минуту вопрос академический. Не придется отвергать. Ни один из моментов не наступит: ни переход к постатейному чтению, ни окончательный вотум. До рождественских каникул не пройдет: не будет доклада к декабрю, а только к концу января. Зачем принципиальное постановление, когда оно не понадобится?

Опочинин. — Либо соберут на 10 дней, либо нормальное обсуждение. Общего доклада не может быть раньше конца декабря. Если срока не будет, то против отвержения бюджета. Это не исключает необходимости указать, что не отвергаем из патриотизма, а в мирное время обязаны бы были отвергнуть при данных действиях правительства.

Я. — Присоединяюсь к Шульгину, Дмитрюкову и Опочинину. Надо сразу указать, что бюджет не отвергается.

Ковалевский М. — Тоже присоединяется.

Гурко. — Тоже, но надо с места сказать, что не отвергаем, и мотивировать необходимость длительной сессии; указать, что в срок неисполнимо. Вам укажут, что правительство было поставлено в тяжелые условия. Надо указать на позднее внесение: ответственность перелагается на правительство.

Ржевский. — В этом году бюджет особый: ни разу не было. Доходная часть — громадный интерес. Фантазии в исчислении. 87 статья (жел. дороги). Отвергая бюджет, мы лишили бы себя воз-

можности критики. В данном случае я против отвержения: было бы вырвано могучее оружие борьбы. Сейчас война, и широкое население не поймет.

У Меллер-Закомельского 5 ноября [1915 г.].

Комиссия о резолюции.

Я. — Предлагаю не готовить текста, а перечислить содержание ее.

Ефремов. — Сперва наметить рамки речей, а потом более узкое содержание резолюции. Хозяйственная разруха? Финансовые перспективы? Или представить пределы речей свободному усмотрению?

Львов. — Согласен со мной. Предоставить партиям обсуждать наш проект. Наметить только канву.

Шульгин. — Обнять все — невозможно, а в речах должно быть все. Надо избегать повторений. Лучше избрать, в зависимости от вкуса каждого, ряд специальных тем, а остального коснуться вскользь. Порядок ораторов координировать с предметом их речей. Читает программу предметов, что Дума хотела сделать: 1) война до конца, нет мира; 2) привет армии — нашей и союзникам; 3) все для армии, ее снабжения и нужд — забота об армии; 4) увечные; 5) «все для войны»; 6) война будет длительная, нельзя убаюкиваться временными успехами; 7) необходима для длительной войны организация страны; 8) «внутренний мир» — у кого революция в столице, тот первый скажет: мир; 9) осуждение правительства, которое не понимает этого; 9а) необходимость длительной сессии; 10) в чем организация страны? 11) ближайшие меры — анархия на дорогах, дороговизна, переполнение городов, холера, беженцы, финансовая политика (Барк); экономическая политика (губернаторский социализм); 12) дальнейшие меры: кооперативы и другая законодательная деятельность Думы: волость и все остальное; опять вернуться к Думе: ее сохранение. Memento: Сухомлинов. Страховка от ошибок.

Я. — Привожу примеры резолюций. Указываю пробелы в проекте Шульгина сравнительно с Земским и Городским союзами.

Дмитрюков. — Надо уловить основное отличие этой резолюции от предыдущих. Она должна сказать новое слово. Наши резолюции представляют одну линию поднимающуюся. Градация 26 июля — 27 января — 19 июля — недоделанное, недосказанное вследствие грубого жеста Горемыкина. Должно теперь итти crescendo, считаясь с возможностью разгона и вложить все в первые выступления. Намеченная программа бледна, для резолюции — много. Нужно выразить кратко и выпукло не отношение к войне, а указание, что значит:

все для войны. Ругать правительство надоело. Нужна новая мысль: ответственное министерство. Формула «доверия» ни в каком государственном праве не значится. Все утверждают, что министерство доверия то же, что ответственное министерство, лишь только война кончится. Говорю искренне и убежденно: другого выхода для России нет. Мне известно, что наверху заговорили об ответственном министерстве: нам не поверили. Иначе вы страну не удовлетворите. Вашу формулу все забыли. Затем надо сказать о манифесте 17 октября: 10-летие. Надо отметить и роль блока, его существование. Должны быть речи блока: не должно быть личных и фракционных обид. Надо показать, что есть партия, но не «партия войны» Горемыкина. Роспуск Думы до срока должен найти отражение. Не детализировать на 15 пунктов и нете вопросы, а более яркие. Вопрос о Госуд. совете, что он может сказать относительно настроений, которые нужно подчеркнуть. Хочу итти теперь прямой дорогой: страна достаточно созрела, экзамен выдержала. Бояться, как бы не повредить войне, не приходится.

Шидловский. — Форма наших занятий: не материал для ораторов, а выработка резолюции: блюдо, а не соус. Обсудив, как будем мыслить, получили бы ряд положений для обсуждения блока в целом и фракций. Момент для одного выступления всего блока не настал: достаточно общего тона речей и одной резолюции. Это был бы «ход с козырного туза».

Я. — Против изменения лозунга на «ответственное» министерство. Мои доказательства [16]).

Меллер-Закомельский. — Для Госуд. совета неудобно — агитация «Земщины». (Поддерживает меня.)

Львов В. — Цель резолюции — привлечение широких слоев. Блок этого достиг. Согласен со мной, что изменение программы блока может разбить блок. Резкость тона отшатнет. Поэтому резкость нежелательна. Против «ответственности» министерства. Программа блока — новый манифест 17 октября. Дайте ей войти в широкие массы. Даже умеренными нашими кругами воспринимается (Самарская губ.). Все собрание было правое, либеральные представители уездов отсутствовали. В результате против трех встали все за земскую резолюцию.

Меллер. — Трудно, не имея резолюции, вводить поправки. Важно отметить, что спокойствие общества вызвано — патриотизмом, а не мерами правительства. Россия проявила громадный патриотизм, несмотря на меры правительства, благодаря войне.

Ефремов. — Формула перехода должна быть краткая. Поэтому дело идет не только о тоне, о яркости и резкости, а о существе

понятий. Разногласие между Шульгиным и Дмитрюковым не в тоне, а в существе. Нужна краткость и яркость понятий. Поддерживает безусловную необходимость внесения «ответственного министерства». Надо сказать больше, чем в июле. Почти повсеместно ясно, что конфликт с короной. Обывательскому пониманию напрашивается ответственных министров [17]), а не монарха. Объясните юридическое основание министерства доверия. Может отколоть левых отсутствие этого, если отколет правых — присутствие. После того как формула «министерства доверия» ни к чему не привела, надо признать, что была сделана ошибка, и дважды ее повторять нельзя. Можем ли длительно воспитывать мысль обывательских кругов? Если ориентировка направо, согласен с В. Н. Но наша ориентировка на среднее течение. К кому будет обращена резолюция? Если сохранить Думу от подводных камней, одно. Если попасть в тон с настроением более широких кругов, другой тон. Придавать значение резолюциям съездов два месяца назад и не придавать значения резким осуждениям этой формулы неправильно. В речах можно указать, что это не слагается в законченный вид парламентаризма. Но заменить положение, в котором министры выгоняются, таким, в котором они уходят, когда им не оказано доверие при существовании блока.

Шидловский.— Тогда блока и не будет; надо будет создавать другой. Блок слишком дорогая и ценная вещь. Ускорять темпы основных требований было бы политической ошибкой. «Ответственное министерство» вас тоже не спасет от ожидаемых вами событий. Очень просит не нарушать объединения, которое уже оказало ценные услуги.

Гримм. — Нельзя упускать из виду, что основная задача — борьба с личным режимом. Необходимость министерства доверия (страна и определенная программа) — формула имеет громадное значение. «Ответственное министерство» такой резкий шаг вперед, что это уже не эволюция. Не осложняйте требованиями, которые могут вызвать разногласие. В нашей группе мы можем воспроизвести формулу перехода с намеченным содержанием и собрать 30 голосов для внесения. Какое будет меньшинство, нельзя сказать. Объединение вокруг программы — видимость, но ее надо поддерживать и не разрушать численным подсчетом. Поэтому ко внесению резолюции надо отнестись с осторожностью. Если 50 человек, то стоит. Меньше — политический результат нежелателен.

Меллер. — Несомненно, раздадутся новые речи (Гучков, Трубецкой, Рябушинский, я — что не есть «ответственное» министерство).

Ефремов. — Если взгляд правилен, надо проводить. Меньшинство должно уйти. Предрешать не могу. Говорить за товарищей не могу. Не смогу, как бы красноречиво не приводил доводы, не смогу убедить товарищей не вносить «ответственного» министерства и не говорить в речах об этом. Что может дать для предотвращения революции? А министерство доверия?

Дмитрюков. — Я не выставлял категорических требований, а говорил только, что надо сделать подготовку к переходу, который наступит скорее, чем многие ожидают. До окончания войны этого пирожного попробовать не придется. В «министерстве доверия» нет определенного содержания. После войны — придем, но если находите вредным упоминание — не настаиваю, потому что сохранение блока важнее.

Доклад поручен мне.

У Меллер-Закомельского 9 ноября [1915 г.].

Обсуждение моего проекта.

Шульгин. — Затеривается чувство предстоящих опасностей от сахара и т. п. мелочей. Нас могут упрекнуть, что об армии вы не думаете, смотрите академически и не заботитесь о том, что горит.

Шидловский. — «Внутреннее раздвоение» — неудачно: предполагает раскол направо и налево. Мы все едины, почвы у правительства нет. «Разруха» неправильное выражение, покрывающее слишком многое. «Расстройство», а не разруха. Предлагаю разъяснить обывателю вопросы, близко его затрагивающие.

Стемпковский. — Надо связать вопросы дороговизны (и железнодорожной разрухи) с тем, что они не хотят действовать вместе с обществом.

Львов. — Согласен: это такое же катастрофическое явление, как прежде недостаток снабжения армии.

Шульгин. — Поставить дальнейшее (дороговизна и т. д.) в причинной связи с остальным.

Стемпковский. — Например, мы требовали земства, они отказали, а между тем земство могло бы помочь.

Меллер. — «Спокойствие страны зиждется на патриотическом чувстве» и исходило из наших указаний.

Гурко. — Причем ему имеются пределы.

Законодательная программа блока.

Я. — Развиваю основную мысль.

Шидловский соглашается.

Стемпковский настаивает на внесении единовременного военного налога.

Гримм. — Законопроект о военной цензуре и о подоходном налоге — в рассмотрении. Есть управление в порядке статьи 87 — уравнение в правах крестьян (передано в другую комиссию). Отдых торговых служащих (был возвращен в Госуд. думу из Госуд. совета) — рассматривается вновь по существу. Волостное земство (внесено в порядке думской инициативы). Кооперативы (в комиссии).

Ефремов. — Надо пойти дальше. Комиссии или не переизбирать или переизбирать. Дать кратчайший срок; еще до созыва Думы подготовить комиссионные доклады, чтобы могли пройти в комиссиях в одно заседание, не давать картины длинных речей, провести быстро, все сроки истекли, можно в одном заседании признать желательность и до рождественских каникул провести законы. Желательно, чтобы Госуд. совет подоходный налог провел.

Шидловский. — Едва ли блок теперь мог бы служить междуфракционным органом для подготовки в комиссиях. По каждому специальному вопросу есть во фракциях специалисты. Согласен со мной, что мы должны иметь налицо багаж нашей программы: 1) вопросы организации общества; 2) случайные — почтово-телеграфное проведено по 87 статье; нас упрекали, что выставляем «частные вопросы». Я имею полное право сказать, что и другие были бы проведены, если бы были готовы.

Львов. — Приход, по предложению Папкова. Государь — резолюция: «Совершенно согласен; необходимо немедленно провести». Уменьшение ценза уже предполагается. Хвостов предполагает сейчас же по открытии Думы внести.

Стемпковский. — Легко провести расширение избирательных прав в члены управ.

Ефремов. — Это в виде поправок к нашему проекту.

Шульгин. — Правительство готовит министерство здравия (Рейна). Надо провести.

Меллер. — Министр внутр. дел — яро против него.

Шульгин. — М-me Бернар ездит в Париж и лично привозит шляпки. Не одни шляпки. Золото уплывает. Новые юбки в 12 аршин материи.

Гурко. — Это — вопрос конвенционных тарифов. Против наших союзников.

Общее заседание 12 ноября [1915 г.].

Мой доклад о резолюции[18]).

Шульгин. — Предлагает прибавить — вследствие тягостного впечатления, произведенного особым совещанием военным. Борисов (представитель ж. д.) заявил, что уголь в Петербург доставить нельзя; положение катастрофическое. Необходимо объединение в одних руках и мин. пут. сообщения. Гучков прибавил: надо, чтобы он был в ставке и подчинялся главнокомандующему, оттуда правил. Решено — немедленно доложить государю, чтобы он лично председательствовал в этом заседании. Если этот взгляд отвергнут, то это надо включить в резолюцию.

Васильев. — В совещании о топливе мы слышали, что из Донецкого каменно-угольного района можно вывезти 80 миллионов. Дефицит в 15 миллионов пудов. Нужно 120 миллионов. Больше 105 миллионов не берутся. В резолюции необходимо отметить, к чему привела деятельность особых совещаний.

Крупенский.— Краски гораздо гуще. Не только топливо, но все снабжение армии. Кони мрут, потому что не кормят. Привезти фураж,— люди лишатся одежды. Нет плана. Принято единогласно: 1) ехать в ставку доложить, 2) председательствовать — услышать правдивое слово...[19]).

Годнев. — Топлива в Москве и Петрограде — на 10—15 дней. Разруха полнейшая. Неизвестно количество вагонов в армии, перевозят свеклу. Нужно указать, что Госуд. дума предвидит это, и только при известных условиях можно избежать катастрофы.

Бобринский. — В открытом заседании.

Годнев. — Скрывать нечего. Не доставляют ежедневно 1800 вагонов (вм. возможных 3200 — всего 1400).

Родзянко. — Менее всего склонен лично к секретам; гласность полезна в мирное время. Но засвидетельствование с кафедры о предстоящей катастрофе — произведет тяжелое впечатление в России. Работы идут. Главный корень в военном управлении: полевое управление отдало все фронту. Я вступил в переписку с Алексеевым.

Меллер. — Возвращает к рассмотрению схемы резолюции.

Родзянко. — Было бы желательно, чтобы известно было, что блок тоже присединяется к мысли о единстве власти.

Опочинин. — Мы должны отзываться в резолюции на все жизненные вопросы, в том числе и на вопрос о перевозках. Изложить так, чтобы не открывать тайны, а ука-

зать на одну из задач управления под № 8: задача по упорядочению железнодорожного дела.

Львов В. — Сообщенное должно быть центром резолюции, фокусом лучей. Резолюция носит характер спокойный: резюме трех месяцев, более характер политический, чем военный. А теперь стоит вопрос военный. Только что наладили снабжение армии; теперь другой вопрос, столь же острый. Мы должны забить в набат, как забили в набат 19 июля. Это не блоковая, а всей Думы резолюция.

Ржевский. — Присоединяется к Львову, но не ограничивается одними железными дорогами. Министерство земледелия не выработало плана и находится в состоянии хаоса. Следовало бы картину представить в Госуд. думе. Может быть, в другой резолюции.

Крупенский. — Предлагает читать по пунктам. Недопустимо возвращаться к вопросу амнистии. Сказали раз, — ничего не добились — повторять не надо. Поляки отошли от нас — это ошибка — не повторять. Присоединяется к Ржевскому и Львову. Что ждет Россия: говорят о болестях [20]), которые несравненно выше. Но открыто в резолюции говорить нельзя. Только говорить об ужасных вещах перед врагом.

Родзянко. — Резолюция должна быть, и чем ярче выразить настроение страны, тем лучше. Все должно покрываться войной. Но меня смущает следующее: с начала войны я постоянно находился в общении с Горемыкиным: единственный ответ мне в глаза — это не дело правительства, а е. и. в. Имейте это ввиду. Хование за спину монарха — обыденное дело. То же встретите и теперь. Если будет Горемыкин, то что помогут резолюции? Яркие политические лозунги рискованно выставлять: «глава правительства — государь император».

Я. — Протестую.

Опочинин. — Тоже недоумевает. Где граница между политическими и военными вопросами? Например, закрытие кооперативного комитета? Или законодательство о подоходном налоге? Или отношение власти к рабочим? Одно высокопоставленное лицо негодовало, что не было забастовки на заводе, чтобы выделить неблагонадежные элементы. А вчера — бумага из министерства земледелия, что министерство внутр. дел не только не содействует доставке сапог, но мешает. Это — вопрос политический? Мне непонятно, как можно отделить политические вопросы от военных. Так ли бы шла война, если бы полити-

ческие вопросы стояли иначе? Никак нельзя остановиться на резолюции военной. Мы охолостим резолюцию.

Ефремов. — Соглашается со мной. Политический характер резолюции необходим, потому что дефекты в перевозках, топливе, продовольствии не потому, что был министром Рухлов, и не устраняются потому, что стал Трепов. Дело в системе. Даже и указания военного характера суть политические. Но и не с этой точки зрения, а как П. Н. Милюков, общественной. Мы тогда, когда и П. Н. М., будем иметь другую резолюцию.

Львов. — Я предлагал две резолюции: военную и гражданскую. Но здесь есть политические принципы, вытекающие из них, и программа. А там на первой сцене война, а политические лозунги вытекают, как последствие.

Годнев. — Убедился, что последняя часть—перевозки военные — всецело вытекает из политического положения. Один человек, без ведома мин. пут. сообщения, без сношения с Советом министров, провел (Данилов) совершенно незаконное положение. Отсюда все и началось. Без политической части это всецело одобрение правительства с начала войны. Вы желаете раскланяться перед Советом министров. Если не повторите, значит, признаете, что ошибались. Стучите и отверзется. Главное в нашей резолюции — политическое содержание, хотя бы в самых корректных выражениях.

Я. — Не нужно двух резолюций. Аргументация Львова и есть аргументация нашего проекта. Все выводится из войны.

Крупенский. — Самое больное то положение, в котором Россия находится. Если амнистия — причина, выносите, но как объяснительная записка, — а если начнете с амнистии, а в конце пробормочете про жел. дор.?

Васильев. — Теперь условия те же, как когда заключался блок. В военном отношении улучшились, но в экономическом отношении хуже. Партии объединились на политической программе, на том, что Совет министров не на месте. Может быть, центр тяжести должен указывать на то положение, в котором находится страна.

Шульгин. — Крупенский выдернул одну амнистию. Если бы сказать: дайте амнистию и победим Германию, действительно странно. Но там это между другими. Эти господа сделали шаги вперед (Плеханов): отчего же быть глупее, чем они? Но согласен, что нужно несколько переместить центр тяжести. Что разруха железных дорог — из бездействия Совета министров, это ясно, но это надо развить подробнее.

Споры возгораются на 7 пункте.

Ефремов. — Опасно придавать чрезмерное значение сменам лиц Но мы указали на необходимость перемены системы, и подчеркивать перемену лиц не следовало бы. А надо было бы указать, что на требование изменения системы последовало назначение лиц, ничего в системе не меняющее.

Львов. — Совсем не то. Мы должны ответить, что на единодушное желание частичной смены системы — последовало ухудшение. Хвостов понял, что нельзя — и хотел сделать жест навстречу. Но назначен он — по нижегородским подвигам. Уход Кривошеина чисто политический и должен быть отмечен. Мысль верная: в ответ на общественное требование — система ухудшилась, заменена произволом.

Стемпковский. — Главным образом, нет единства. Один министр закрывает, другой открывает мастерские.

Стахович. — Если резолюция должна выразить мысль страны, то как можно говорить, что нельзя упоминать. Это заботит страну не меньше жел. дорог.

Бобринский. — О церкви необходимо упомянуть. Предлагает формулу: «Только что совершившиеся дела в церкви указывают на необходимость восстановления управления церкви по законам каноническим».

Опочинин. — Весь народ этим заинтересован. Даже не примыкавшие к нам круги.

Львов. — «Раскрепощение церкви» из-под опеки государственной власти.

Шульгин. — Нас будут провоцировать, чтобы мы высказались; им это и нужно (конфликт).

Бобринский. — Они боятся?

Шульгин. — Марков 2-й может наговорить прикровенных слов, которые выведут из себя Львова. Нужно дать себе слово проводить вопрос в границах.

Ковалевский Е. — Если можно, при другом поводе — взгляд блока при смете.

Годнев. — Нельзя отделять; сказать следует тут же. Церковь поддерживает все безобразия государства и наоборот.

Я. — Можно сказать о впечатлении, произведенном уходом Самарина.

Львов. — Против отдельной резолюции. Все реформы церкви жизненно тесно связаны, как бы мы ни отделялись теоретически. Пусть церковь знает, из каких рук получает то, что ей надо.

Ковалевский Е. — Соглашается.

Бобринский. — Но не связывать с личностью Самарина.

Ковалевский Е. — Нельзя подчеркивать финансовые затруднения. Можно говорить только о временных затруднениях. Подчеркнуть общую слабость неполезно.

Опочинин. — Можно сказать о «неподготовленности» в прошлом и затруднении в теперешнем.

Стемпковский. — «Разрухи» нет. Всего много, а подвезти нельзя.

Опочинин. — Металла немного. Кожи нехватит.

Ржевский. — Не доказано, что Донецкий бассейн может дать достаточно угля.

Я. — Здесь напоминается о необходимости организации страны.

Ефремов. — Не согласен, что нельзя ярко упоминать о существующих дефектах, нельзя не говорить, что министерство привело к такой разрухе. Если бы я был уверен, что теперь министерство блистательно выведет из затруднений, распустите Думу, действуйте диктаторски, но я глубоко убежден, что без изменения системы управления не помогут французские миллионы. К этому выводу нельзя притти без указания на крах, к которому привело правительство. В «Голосе» напечатан доклад Шаховского.

Стемпковский. — Скажите: «вполне устранимая при другом распорядке».

Ефремов. — Удобно ли (амнистия) упоминать о патриотических шагах крайних левых? Лучше: в то время, когда те пошли, правительство не становилось на этот путь.

Ефремов. — Введение к 8 пункту. Включить мысль, что отмеченное теперь спокойствие не результат мер Горемыкина, а плод патриотизма населения.

Бобринский. — Надо сказать: «вопреки». Единственно непатриотическая группа — Совет министров.

Стемпковский. — Следует ли очень успокаивать?

Меллер. — Раз резолюция должна быть выражением страны, и если говорят, что нервировала только Дума, — уместно в декларации ее сказать, что «Россия в сознании важного момента, проникнутая ...но нельзя считать, что спокойствие...»

Стахович. — В резолюцию этого нельзя вводить.

Бобринский. — (О народностях). В Лондоне Массарик сказал ужасную вещь: в России только видимое единство народов. Мы должны сказать, что все народности России в течении войны доказали полное единство, а потому невозмож-

ны ограничения (латыши, армяне), основанные на недоверии.

Львов. — 3-й пункт сделать первым.

Бобринский. — Нельзя ли иначе выразить? Такое правительство, при котором перестанут думать.

Я. — Это сакраментальная формула.

Меллер. — Группа центра меня обязывает объяснить, что министерство доверия не есть ответственное в смысле парламентарном.

Стемпковский. — Правительство победы?

Ефремов. — Напоминает, что в комиссии высказал сомнение, что фракция прогрессистов едва ли убедится, что «ответственное министерство» можно не предлагать. Сомневаюсь, что блок дозволит внесение самостоятельной формулы, и опасается, что, несмотря на необходимость бережно относиться к блоку, принуждены будут выйти из блока.

Бобринский. — Почему не внести поправку?

Ефремов. — Тогда не будет стремления выйти из блока.

Ковалевский Е. — Это даже выгодно, в смысле доказательства, что наше министерство не парламентарное.

Шульгин. — Поставить на более видное место железнодорожную разруху.

Меллер. — Объединение гражданской и военной власти входило в нашу программу.

Опочинин. — Как дальше будет вырабатываться окончательная редакция? Надо поручить двум — трем выработку редакции для внесения во фракцию. На таком проекте легче объединиться. Что касается размеров, не надо слишком сжимать в ущерб ясности. Мы составляем для широкой публики. Переходные периоды для публики необходимы.

Я. — Предлагаю декларацию.

Ржевский. — Это тем удобнее для вас, что тогда мы не вносим поправку.

Ковалевский Е. — Предлагает внести абзац о внешней политике. И в английском и во французском парламентах говорили остро.

Госуд. дума

1. Посылает привет армии, которая несмотря на все потери, на временный недостаток в снарядах, стойко задерживает врага и бодро ждет наступления. Благоговейно преклоняется перед памятью павших героев. Свято помнит о долге народа — обеспечить их семьи, успокоить больных и увечных.

2. Признание заслуг союзной армии и флота.

3. Несмотря ни на что, страна ждет победы и твердо в нее верит, с негодованием отбрасывает всякие намеки на возможность преждевременного мира.

4. Но чем продолжительнее война, тем яснее в сознании народа необходимость дружно сплотиться, изыскать в своей среде новые силы и средства.

5. Госуд. дума указала для этого пути и способы; движимая сознанием национальной опасности, она сплотилась, отложив партийные распри, и сказала правительству свое единое мнение.

6. Мнение это было поддержано страной, в полном единомыслии с Госуд. думой, и глубоко потрясенная неожиданным и беспричинным роспуском Госуд. думы, страна единодушно и настойчиво добивалась скорейшего созыва законодательных учреждений.

7. Между тем, в ответ на это, члены правительства, готовые пойти навстречу желаниям страны, были удалены, страна повергнута в тяжелое состояние внутреннего раздвоения, ослабляющего дисциплину и тем более опасного, что оно сопровождается экономической разрухой, — следствие неумелых распоряжений власти и пренебрежения общественными элементами,— и быстро возрастающими финансовыми затруднениями.

8. Госуд. дума утверждает, что при подобных условиях длящееся разъединение власти и населения опаснее, чем когда-либо, и что для усиления средств сопротивления, нужного для конечной победы, настоятельно необходимо принятие средств, уже многократно указанных Госуд. думой и общественными организациями:

а. В путях высочайшего милосердия — акт забвения старых политических преступлений;

б. осуществление мер, необходимых для внесения умиротворения в среду народностей, населяющих Российскую империю;

в. создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием и способных решительно изменить приемы управления, разрушившие народное единство и вселяющие вражду и чувство необеспеченности (личности и имущества);

г. проведение этим правительством законодательных мер, способствующих организации страны и указанных в программе думского большинства.

19 ноября [1915 г.].

Читается проект текста моего и Шульгина [21]).

Опочинин. — Вставить в перечень церковную реформу: «Освободить церковь от посторонних влияний».

Переходят к чтению по статьям.

Маклаков. — Зачем «в лице большинства»?

Я. — Это декларация блока.

Капнист. — Проще говорить прямо от Государственной думы. А на странице 3-й большинство уже указано.

Опочинин. — Если от блока, то: «в лице объединившегося большинства». Но лучше перейти на 3-й странице: «в лице своего объединившегося большинства».

Стахович. — Поддерживает Маклакова и Капниста: весь текст — предложение Госуд. думе.

Опочинин. — «Окончательный исход» красивее «исхода войны».

Шебеко. — За «предложения» (от врагов) вместо «предположений» (от самих).

Капнист. — «Отвергает всякую возможность».

Ковалевский М. — Когда «преждевременен»? Отвергаем «сепаратный».

Васильев. — «Преждевременен» по отношению к «прочному».

Ковалевский Е. — Говорить о «сепаратном мире» нетактично: страна не знает.

Шульгин. — Против «отвергает» — мир заключает государь.

Шидловский. — Предлагает: «...22) вместо «предложения».

Ковалевский М. — Решительно против фраз: о «великом споре». В эти «дни» — это совпадает с германским ожиданием от победы на Балканах.

Опочинин. — «Единение» вместо «объединение».

Львов. — Зачеркнуть «австро».

Ефремов. — Против «срединной» и «всего мира». «Государственные» задачи — неясно.

Я. — Защищаю. Нужно и «серединная» и «во всем мире».

Ефремов. — Настаивает. Впечатление героя Достоевского — по всем предметам и арифметике.

Ковалевский М. — Заграницей истолковали в смысле панславизма. Здесь прямой намек на панславизм: «вековые задачи» и «объединение». Говорится о самоопределении, а не об объединении.

Ковалевский Е. — Против «австро».

Шульгин. — Разбить на две части: «главенство» в Европе и «влияние» во всем мире.

Опочинин. — Вместо «преклоняется» — «восхищается». «Оборона» — только пока враг не вышел? Вместо «продолжительности» — «длительность».

Ефремов. — Вместо «готова» — «не отступить перед борьбой, как бы она ни была долга». Против «верить своему правительству».

Ковалевский М. — Предпочло обособиться от общества. «Верить» может быть истолковано в смысле, что «врет». Надо «полагаться».

Ефремов. — Против «коварных расчетов». «Не забыло — и не желая». «Осталось спокойно» — лучше сказать: «сдержало порыв недоуменного негодования». «Недовольство» — добавить: «взаимном недоверии»; затаенное ослабление против «порыва» — «подъем народного духа».

Шидловский и *Ковалевский Е.* — Против усиления выражений. Нельзя «окрылить», «картиной».

Капнист. — Против всего отдела: не сказано, что «легко устранимся». Надо ослабить.

Опочинин. — Слишком резко «опасения» — «тревога».

Шидловский. — Это сильнее.

Шульгин. — Я не замазывал: не можем же мы говорить начистоту. Решайте.

Ростовцев. — Кое-что смягчить; но деятельность железных дорог и бессилие правительства справиться с агентами — надо усилить.

Ефремов. — Усилить начало: «нерешительное и бессильное, неспособно справиться». Далеко не доказано, что в такой декларации произведет худшее впечатление. Что финансы? Тихо или что народное представительство слепо? Добавить в конце, что все это исправимо при других условиях.

Ковалевский Е. — Фразу о финансах исключить (мнение фракции).

Васильев. — Прибавить, что все может быть устранено, и усилить. Через 10 дней станет всем ясно.

Ковалевский М. — Мы скажем о финансовых опасениях после займа в миллиард. Скажут: хорошо, что до Думы объявили заем. Если уже хотите сказать, то в смягченной форме: «Менее блестяще, чем можно ожидать ввиду несметных богатств».

Маклаков. — Тоже против финансового положения. Сказать положительное: Европу обманываем. Сказать так: страшно. Остальной материал может быть усилен. Надо сказать: «при таком управлении вы доведете...».

Шебеко. — Присоединяется к Маклакову. Противопоставить изобилие ресурсов. О «грозных последствиях» исключить.

Шингарев. — Возражает Ефремову: «управление» внушает опасение: дураки управляют. Несмотря на запасы в стране неискусное управление создает трудности, где есть изобилие. Искус-

ственные экономические затруднения создались дурным, неумелым управлением.

Шульгин. — Немцу все равно, от дурного управления или от чего другого происходит расстройство. Когда ослабим все, ослабим доказательство утверждения, что власть не справилась.

Шидловский. — Общество будет склонно дополнить своим ответом. Будет достаточно воспринято.

Шингарев. — Надо только, чтобы не было пробелов.

Опочинин. — А в нормальное время разве не необходимо («необходимо в мирное, особенно необходимо в военное время»)?

Ковалевский М. — Против «стройный порядок в стране».

Ефремов. — Ответственность Госуд. думы? Неправильно принимать на себя.

Ковалевский М. — «Сокровище победы» — общее место: могут и французы, и немцы, и турки. Очевидно, что с победой везде связывается представление о лучшем будущем. На ней не надо останавливаться.

Опочинин. — Исключить «несправедливую» — допускает справедливое недоверие.

Ефремов. — Разделить фразу: «все они доказали»... «правовые ограничения, основанные на недоверии, стали невозможны».

Капнист. — Неспокоен насчет евреев. Тут включаются евреи и немцы. Надо дипломатично избежать.

Шульгин. — Эта фраза дипломатическая. В нашей программе мы не совсем единомышленны. «На недоверии» — можно толковать; а которые основывают не на недоверии, а на других признаках.

Васильев. — Какой народ доказал свой непатриотизм?

Опочинин. — Евреи.

Ковалевский. — «Растить и лелеять» — значит нет стремления к победе.

Я. — Предлагаю вернуться к программе. Амнистия.

Стахович. — Начало фразы в конец: амнистия должна вытекать из заявлений Плеханова и т. д. Не может верховная власть отставать. Высказались не они, «участники», они в Сибири. Они не отказались от своего «государственного понимания», а признали, что задача момента — «любовь к родине».

Ковалевский М. — Тягостное впечатление: напомнил то, что писали об оставленных профессорах.

Опочинин. — Против «путей милосердия». «Акт милосердия». Взять точно круг лиц: как осужденных, так и административно сосланных не только за политические, но и религиозные преступления.

Стахович. — Слишком мягко.

Шульгин. — Лучше не употреблять.

Ефремов. — О заявлениях с.-д. надо переработать. С.-д. не поблагодарят — «мы служили всегда общенародному делу, а вы только теперь». Бороться с общим врагом.

Опочинин. — «Сильных доверием страны». Я нередко слышал, что эти слова не дают ясного понятия, что хотим. Как власть выяснит этих лиц? Где признаки, что лицо обладает доверием? Возражения вески, пока не вскрыт путь, которым могут быть указаны лица. Завтра государь скажет: «Согласен, где они?»

Шебеко. — Эта редакция наверно не разовьет упреков за «парламентаризм». На прошлой неделе в заседании центра нас укоряли, что требуем ответственного министерства. Нам ответили: кто же будет определять? Я сказал: не знаю, может быть, вы и правы; но наверное все знают, кто не заслуживает доверия. Тимашев не возражал.

Ковалевский М. — Не отступая от соглашения, можно несколько раскрыть: «лиц, поставленных доверием во главе организаций для борьбы с врагом».

Меллер. — На выражения казуистически нападают, желая нас втянуть на ложный путь. Обвинению, что это скрытая форма «ответственного», мы отвечаем в двух местах.

Ефремов. — Вставить: «свободных от безответственных (посторонних) влияний».

Я. — Мы гораздо больше от них требуем.

Шидловский. — Оставаться на старой редакции. На местах много соображений; одно из них — кого вы ведете? Когда я убеждал: никого: никто не верил: «не хотите сказать». К лозунгу привыкли. Привыкнут и к тому, что Дума не указывает лицо.

Опочинин. — Сказал не для того, чтобы вносить сомнения. Я внес эту фразу в смоленское земство и принято 9/10. Не среди благорасположенных вызывают сомнения.

Ковалевский М. — Вы подчеркиваете, что личных вопросов не поднимаете. С английской точки зрения вы осуждены: вы оппозиция для оппозиции. Укажите, для кого вы работаете; для тех, кто по выбору попал во главу общественных организаций.

Шидловский. — Если спросят, я назову ряд признаков доверия. Согласен, что в Англии так, но у нас иначе. В слабости нас упрекнуть нельзя. Перекраивать строй во время войны не будем.

Ковалевский М. — Я и подчеркиваю разницу. По английски — Родзянко и члены блока. А я советую князя Львова.

Львов В. — Спор стал принципиальным. Мы живем при монархическом строе. Главная решающая власть — верховная. Неделикатно и бестактно указывать имена. Пусть даже при парламентаризме — это фикция, но эта фикция свободы выбора.

Ефремов. — Напоминает о кооперативах, как о неиспользованной силе.

Ковалевский М. — Очень доволен подчеркиванием мелкой земской единицы. Забота о бедных в Англии — из прихода. Как обеспечить выходящих из лазарета?

Ефремов. — Необходимо всемерное насаждение и поощрение объединяющих творческие силы народа кооперативов.

Я. — «Решительным мерам». Что такое?

Шульгин. — Например, выселение половины населения Петрограда, прекратить железнодорожное движение.

Ефремов. — «Во время указать ошибки» — лучше отнести к стране: «чтобы она могла указать».

Шидловский. — Это приглашение страны к подаче голоса вне рамок.

Ефремов. — Не настаиваю. «Не преследуем цели захвата власти» — кто подозревает, не убедит. Лучше сказать положительно: «преследующую лишь одну цель».

У Меллера 26 ноября [1915 г.].

Состав ограниченный: только левые и С. И. Шидловский. Ждут В. В. Шульгина с нашей окончательной редакцией. До 11½ он не приходит. Обсуждают вопрос, какое значение имеет теперь декларация. Я заявляю, что это только материал, не обсужденный во фракциях, который еще может пригодиться для январской сессии, но никоим образом не может быть публикуем. Отсюда вопрос переходит к тому, какое значение имеет блок вообще.

Шидловский. — Заявляет, что теперь положение очень деликатное, и, чтобы сохранить блок, никоим образом нельзя поднимать рогатых вопросов.

Ефремов. — Как раз поднимает вопрос, не должен ли блок реагировать на отсрочку Думы и для этого созвать совет старейшин.

Шингарев. — Предлагает сговориться о политике в бюджетной комиссии.

Я. — Указываю, что блок пользуется огромным кредитом в стране, который обязывает поддерживать его существование, даже если он

есть только политическая фикция. Но есть возможность сговориться на узкой арене бюджетной комиссии, пока единственной, и там не разбиваться, а вести одинаковую линию. Сорвать блок — уступить правительству.

Шингарев. — Нас все ругают за то, что не сговорились в прошлом заседании (о сроке 15 декабря).

Ефремов. — Ставит вопрос о выходе из особых совещаний, говоря, что если опять откажут, то фракция может выйти из блока.

Шидловский. — В таком случае согласен обсуждать по существу.

Я. — Излагаю вчерашнее решение фракции. Выход нельзя связать с актом отсрочки. Присутствие полезно, оно нужно для информации, уход будет не понят страной и армией. Надо выдти в момент, когда все поймут и когда большинство фракций блока согласится.

Ржевский. — Согласен, что выход не свяжешь с указом, но оспаривает пользу; члены Думы «всосались» в работу, говорят уже о наших и ваших совещаниях, т. е. участвуют в ведомственных спорах. Не могут оказать влияния на избежание катастрофы, которая грозит относительно перевозок и топлива.

Ефремов. — Напоминает всю историю постановки его фракцией вопроса о выходе из совещаний. Указывает на ненормальность положения членов Думы; попытка подменить законодательство Думы, обсудив постатейно в совещаниях, а потом проведя по статье 87-й. По голосованию совещаний принимаются крупные мероприятия, ответственность за которые лежит на нас. Голосование тогда, когда председатель не хочет принять ответственности, а по другим вопросам председатель, «за недостатком времени», решает сам. Мы ответственности не боимся, но нам скажут: вы покрывали, скрывали от населения готовящуюся катастрофу. Это страшно. Эти соображения заставляют большинство фракции склоняться к выходу из совещаний. В сентябре нам говорили: если Горемыкин упрочится, тогда посмотрим. А теперь политическое положение еще не выяснилось. Думы нет, а совещания остаются. Контроль осуществляется делегациями. Если не теперь, то когда? Такой фразы (П. Н. М.): «Дума не созывается потому, что есть совещания» — никогда не будет сказано. Можно сказать: выхода нельзя объяснить с трибуны, и нельзя выходить вмолчанку. Это я мог бы допустить, но неправильно полагать, что все благополучно. Если бы было решение блока, мы ни минуты не колебались бы выдти. Это повлияло бы и на правительство, и оно задумалось бы перед несозывом Думы. Уход одной фракции может быть истолкован во вред тем, кто уходит. Фракция решила изложить эти соображения перед бюро блока, надеясь, что не встретит указания, что никогда такое решение принято не будет.

Гримм. — Это вопрос тактический при данных условиях, с технической точки зрения могут быть разногласия: нужно стремиться к согласованности, но не складывать оружия. Политические соображения: вводят в заблуждение народ. А уход — какое создаст впечатление? Ни от чего не обережет и может быть истолкован, что люди умывают руки и лишают себя возможности воспрепятствовать проискам. Если бы даже объективно было целесообразным (что сомнительно), общество не подготовлено. Принцип бойкота особенного сочувствия не встречает. Влияние на блок: теперь политическое значение и популярность блока очень велика. Блок — борьба и протест против личного режима. Все это — такой большой глас со стороны Думы и присоединившейся части Госуд. совета — производит большое впечатление. Этот вопрос о выходе может повлиять на крушение блока. Это было бы поражение для нас и триумф власти.

Меллер. — Мы страшны теперь, поскольку мы не уступаем. Мы менее страшны, чем им кажется; но разгонять Думу, менять министров, назначать членов Госуд. думы — все для борьбы с блоком. Мы занимаем сильную политическую позицию.

Шингарев. — Если бы мы вышли, правительство только было бы довольно. Слава богу, убрались. А к населению: вы видите, даже во время войны не хотят работать.

Маклаков. — А Хвостов со своей демагогией?

Шингарев. — Мы можем сказать: мы видели и сказали: вы довели! А уйдем и все начнется: Хвостов сочинит.

Маклаков. — А может быть, обойдутся без катастрофы?

Шингарев. — У Ефремова надежда, что правительство испугается, а население поддержит. То и другое — блуждающие огни. Я бы охотно ушел, но не понимаю, как оценит нас население и армия. Каждый день я вижу по несколько человек: одна тяга — ради бога, не сдайте, что-нибудь нам дайте. Сказать им: мы ушли. — Как ушли?!

Ефремов. — Вы, В. В., сказали, когда Поливанов придет, совещания развалятся.

Шингарев. — Если по армии пройдет, то тогда поймут.

Шульгин приносит декларацию в 12 часов ночи.

Маклаков. — Выход будет понят, несмотря на все доводы, как ответ на отсрочку.

Васильев. — До 15 января надо несколько раз собраться и составить материал о деятельности особых совещаний.

Меллер. — Мы делаем опыт, приглашая членов Госуд. думы в особых совещаниях. Не посещают. На второй раз не явятся. Если мотивировать: для обмена мнений о докладе в Думе, придут.

Шингарев. — Аргумент: какое поведение неопытно, нас подлавливают, иной раз мы комичны незнанием. Но все эти аргументы повторялись и относительно Госуд. думы. При бойкоте I и III Думы те же аргументы. Мы представители народа, а не техники. И в Думе нас обманывают, говорят, что мы штемпелюем законопроекты.

Ржевский. — Разница: там законодательные учреждения, а тут техническая область.

Ефремов. — И надо держаться в своей сфере, а не соваться в исполнительную сферу.

У Меллера 28 января [1916 г.] [23]).

Меллер. — Напоминает о последних совещаниях перед перерывом. Главная цель определить тот standpunct, которым следует заняться обеим палатам.

Шидловский. — Докладывает совещание 3-го дня думских групп. Сообщает о видоизмененном тексте.

Я. — Излагаю заседание старейшин, принявшее законодательную программу блока.

Меллер. — До приезда Шульгина поговорим о создавшемся положении. Какое отношение блока к правительству? В каких тонах выступят ораторы?

Я. — Три гипотезы: признает, не признает блок, поищет средней дороги. Обоюдная разведка.

Меллер. — Там тоже разведка. Насколько возможна совместная работа? Горемыкину было объявлено: потрудитесь уйти вон. Теперь назначен Штюрмер [24]). Буде будет протянута рука — будем совместно работать. Насколько возможна совместная работа, будет зависеть, как он пойдет навстречу.

Бобринский. — Должны ли итти, если пригласит к себе? Мы — каждая фракция — суверенные государства: должны ли итти вместе и требовать, чтобы говорил со всеми?

Шидловский. — Надо реагировать не на слова, а на поступки. Штюрмер не ограничится приветствиями и окажется умнее. Но сам не сознает, что ему придется сделать в своей роли. На первое время будет легче вести переговоры, чем с Горемыкиным. Как отнестись к приглашениям до начала Думы? Большая ошибка не пойти. Горемыкин звал определенных членов Думы. Когда захотел поговорить о программе, отклонили. Отчего не пойти на раут? Штюрмер сделает

жест и поставит себе в кредит. Декларация будет набором слов: заключения будут гадательные. Только на поступках увидим, насколько наши дороги сходятся.

Годнев. — Я говорил с лицами между его назначением и временем созыва Думы. Меня выпытывали, как отнесется Дума на то, если правительство окажет желание быть ближе с лицами, могущими оказать влияние. Если к более или менее видным членам придут и будут просить указаний. Я ответил, что сейчас веры нет. Если ко мне придут, я ничего не скажу: все выпытают, а затем обманут. Сказали: не ранее 22 февраля, потому что раньше нельзя узнать настроения. Я ответил, что, за исключением крайних левых, будут вести корректно. Сказали: тогда можно созвать и раньше.

Я. — 3-го. Они — 9-го или 10-го, решит председатель. Дело пойдет в затяжку и войдет в колею. Будут употреблять меры, как при дворе. Будут обещать, даже проведут через Думу нежелательные вещи, потому что «сзади Госуд. совет». «Ивану Логиновичу не могло быть прощено, что он не сумел даже этого предусмотреть: мог провести все, что нужно». О доверии к правительству речи не поднимали.

Я. — Рассказываю, что и со мной пытались. На раут не итти: продешевим.

Гурко. — Человек не деловой. Служил по церемониальной части. Всецело присоединяется ко мне. Плеве: не обращайтесь к Штюрмеру, а к мыслящему и пишущему аппарату: Гурлянду. У него — жизненный такт, умение разговаривать с людьми. По существу: мелкий шулер. Даже раут затеян с двумя целями; вторая преобладает над первой, важнейшей: se pavaner [25]): с супругой торжественно выдти. В Новгороде выходил последний... забрал гостей и уехал. По существу может уступить все. В Твери никакого дела не делал и оставил все третьему элементу. Левые говорили: пусть сидит. А на словах был дружен с правыми. Попал в Петроград. Политических убеждений нет никаких: готов хоть на демократическую республику. Прежде всего решить: при каких условиях удержится? Конечно, не благодаря блоку. Все, что ненужно для престижа, уступит, но поскольку не испортит репутации наверху. Фактически будет опираться на верхнюю палату и делать розовое лицо блоку. Если можно, заставить пойти на прецедент — разговор с представителями блока. Как начало, для крепости блока, нужно; итти на раут до этого — нельзя. Он пойдет на все, чтобы сохранить церемонию. Фактически правительство останется прежним, т. е. раздробленным. Надо придерживаться прежнего. Скандал делать нельзя; но могут быть разные отношения: открытое, скрытое, холодное, сдержанное. Восторгов не выражать. Усиленные аплодисменты немыслимы. Холодная сдержанность.

Меллер. — Хвостов и Белецкий докладывали очень высоко, что нужно вызвать конфликт с Думой, немедленно распустить и устроить выборы на новых началах. С этим надо очень считаться: это течение существует.

Ковалевский Е. — Если система осталась, то произошло изменение отношения верхов к Думе — под влиянием агитации среди солдат, антидинастической. Доложено было куда следует и решено переложить тяжесть на другие плечи. Учреждение, стремившееся взять власть, может служить громоотводом. Из нежелательного учреждения становится помощницей. Правительство станет очень уступчиво, надо учитывать положение благоприятнее, чем предыдущие ораторы.

Ефремов. — Изменения в правительстве не произошло; если в самих верхах произошло изменение, то надо быть увереннее. Надо сказать об ответственности правительства перед Думой. Никакого изменения системы, и существующее положение внутри стало хуже. Мы ближе к возможности катастрофы. Как можем мы занять выжидательную позицию? Она будет выгодна правительству и произведет впечатление, что мы готовы поверить. Ни в каком случае нельзя итти на раут. Если обратятся к блоку, единственный ответ: пока не принято первое положение, не о чем разговаривать. Выступления в Госуд. думе: мы не можем ответить неопределенными фразами на декларацию. Мы должны высказаться определенно. Это правительство не есть правительство общественного доверия.

Я. — Уживется или не уживется с Думой? От этого зависит, при положении, описываемом Ковалевским, сохранит или не сохранит власть. Мы укрепим его или ослабим, смотря по нашему поведению. Не договор, а параллелизм, — но без всяких обязательств. Сейчас на очереди не политика провокации, а политика умалчивания. Зависит от содержания декларации. Ряд фактов.

Годнев. — В 1902 г. решили привлечь духовенство на низах и выдвинуть приход. Штюрмер с этим вопросом 1901—02 гг. знаком (*Гурко*: «Очень»). Манифест 1903 г. 26 февраля (*Гурко*: «Он тут был ни при чем. Я сам писал его»): сближение с приходом (*Гурко*: «Там мельком. Я писал по программе, мне данной; вставил только: «Доверием облеченных»). Коренное требование, неприемлемое в блоке, вовсе не в программе. Противодействия программе не будет; разве для избежания противоречия: но не пропустит ни иоты, оставаясь в стороне. Если не повторять о «доверии», примут любую программу, но ровно ничего не сделают. Предложение Ефремова должно быть высказано: доверием не пользуются. Теперь сведения с фронта, — полиция сообщает о тревожном состоянии. Иначе Горемыкин сидел бы до сих пор. Затем политика выжидательная. На раут не ходить.

Маклаков. — Может быть, не ходить. Но интересен вопрос о первой встрече. Это определится сейчас. Не представляет себе декларацию, в которой было бы доверие. Если бы даже сказали, что принимают программу блока. Невозможно принять п. 1-й. Приходится быть почти холодными. Сдержанность обязательна. Но в недоумение приводит и предложение Ефремова, что в первый день надо сказать, что мы правительству не верим. Мы упустим возможность сделать это гораздо сильнее: это не будет вытекать из критики лица, а из предвзятого взгляда. Раз Горемыкина нет, нельзя. Далее, какие последствия? Сказать эту фразу на ветер, что работать не можем, непоследовательно.

Шульгин. — Становиться в позу невозможно. Что мы знаем о Штюрмере? Или красноречивая характеристика (сказать не можем) или что «правый». Но давно ли, ответят, вы сами ссорились? Теоретически закрывать дверь невозможно. И невыгодно — особенно с тем лицом, который мягко стлал. Мы должны быть еще мягче Штюрмера, ни в чем не уступая. Мы должны ответить, что с наслаждением пойдем на раут, но не можем до заявления, потому что не знаем, к кому едем. Подавать вид ершей, которые колются, и иметь вид самомнения неприступных богов — нельзя.

Гурко. — Страна этого не знает. Стране надо видимые факты.

Шульгин. — Итти на переговоры, но ничего не уступать.

Шидловский. — У меня тоже есть таинственный вельможа. Нужно исключить возможность принятия Штюрмера в блок. Программа там была истолкована, как внизу. «Кого вы проводите?» Это — заноза блока, вторжение в область моего права. Все приемлемо, кроме этого. Из-за существования этого пункта («они хотят себе присвоить право») — что вся программа неприемлема.

Бобринский. — Надо предупредить, чтобы не посылали приглашений.

Переходят к декларации. В общем одобрена [26]).

У Меллера 2 февраля [1916 г.] [27]).

Львов Г. Е. [28]). — Сообщает о цели заседания. На 25 декабря собраны представители 3-х фронтов. Комитет юго-западного фронта сообщил положение в армии. Работа так расширилась, что есть мысль снять звание «Красного креста» и сделать «отдел» краснокрестный. Проверили впечатления другими фронтами: положение одинаковое. Созвали совещание в Москве, решили составить общую записку — и в Москве — общую записку [29]). Три — четыре дня назад новое совещание определило, что при теперешнем отношении к правительству довести до победы нельзя; надо войти в соприкосновение вверх и вниз. Вверх — через блок. Предлагает заслушать записку.

Демидов. — Читает первую часть записки.

Львов. — Из постановки этих вопросов вытекают новые вопросы, которые мы решили вынести.

Шингарев. — Записка несколько переоценивает силы Германии и недооценивает наши. Нам нельзя наступать до осени 1916 г. Кадры недостаточно обучены, недостаточно ружей и патронов, тяжелой и легкой артиллерии. Неготовы и англичане. В Германии, повидимому, достигнули максимума. Переживает тяжелое время в экономическом отношении. Она вырезала свой скот. Нет жиров. Недостаток бензина и смазочных масел. Нет меди, свинца, марганца, хлопка. Из 1 500 пленных (в начале января) в районе Чарторийска — 30% без рубах. Через месяц все текстильные фабрики остановятся. Дезертирство прусаков — просят хлеба. Знакомый врач в Копенгагене от берлинского профессора по внутренним болезням узнал, что врачи в Германии не знают, что делать; износился организм; новые формы прохождения болезней. Рост туберкулеза, детской смертности. Когда можно надломить Германию? Германия и Франция дошли до высшей точки летом; Англия и Россия — растет с сентября и июля. В 1917 г. мы достигнем апогея. Это — год крушения Германии. Никакого наступления, но и никакого отступления. При отступлении уничтожаются и источники питания и создается риск волнений. Не отступать и не наступать до осени. Архангельская дорога перешита; Мурманская дорога кончается осенью. Приходят все паровозы и вагоны из Америки, снабженные ружьями, патронами, тяжелыми снарядами. Количество бомб измеряется десятками миллионов. У нас только мяса нехватает. Остальное в изобилии: хлеб, овес, нехватает кожи; но возможны заграничные заказы. Металла нехватает, алюминия, никкеля, вольфрама, но могут быть ввезены. Нужны кожа, скот, устройство беженцев. Это — лирика, под которую надо подвести более прочный фундамент.

Шидловский. — Какая цель записки? Ее положения — не нарушая логики, можно притти к обратным: дальше воевать нельзя. Едва ли пришлось что-нибудь сделать. Для кого? Для неисправимых оптимистов или для неисправимых пессимистов? Не следует ни увлекаться, ни приходить в отчаяние. Записка изложена в слишком пессимистическом тоне. Во второй части обойдена молчанием мотивировка третьей части — «восстановление живого инвентаря».

Кишкин. — Шингарев не ответил на один вопрос: возможно ли выполнить наши желания? Истощение Германии ведет к экстраординарным усилиям. Сомневаюсь, чтобы мы могли не отступать. Рассчитывать на новую тяжелую артиллерию нельзя. Записка юго-западного

фронта ставит вопрос, что будет, если будем принуждены отступать. И Шингарев указывает на всю катастрофическую опасность. За эту зиму мы слишком успокоились. Если будем предвидеть отступление, смягчим последствия и предотвратим катастрофу. Тут начинается вопрос политики: правительство ничего не сделало, чтобы организовать тыл. Организация тыла должна быть передана общественным организациям.

Шидловский. — Согласен, но записка направлена от армии к стране и к правительству, а не от общества к армии. Она хочет напугать, сгущать краски.

Я. — Нужно объяснить причины, почему требуем выжидания. Надо подать надежду, а не отнимать ее. Вношу поправки. Не нужно обнаруживать свой собственный внутренний надлом и колебаться между двумя противоположными воззрениями (см. замечания Шидловского).

Федоров. — Пробел: борьба с заразными болезнями. Вопрос о продовольствии связан с посевами. Нам нужно быть готовыми к возможности прорыва. Надо предупредить страну. Записка есть обращение к Думе. Дума должна сказать о положении вещей и сказать с трибуны, что надо опереться на союзы.

Львов. — Мы не смотрели на записку, как исторический документ, а для своего круга. Мы ставили целью — поставить политическую проблему. Если тыл будет жить попрежнему, то победить, в сущности, нельзя. Мы наметили в Москве вопросы.

Кишкин. — Оглашает положения: «совещание, исходя из того положения, что государство не может быть разгромлено... Только при организации тыла... правительство оказалось неспособным. Победа может быть только при переходе... общественным учреждениям и министерство доверия. Строгая деловая критика поведения правительства. Сговориться с рабочими и с кооперативами. Заранее поставить предел компромиссов. В руки организации: грунтовые дороги, беженцы, продовольствие, пути сообщения. Легализация должна быть проведена без суженния деятельности. Союзы должны будить и бороться с инертным отношением к войне».

Я. — Разбираю 12 пунктов. Излагаю свой взгляд на «параллелизм» действий правительства и Думы. Не сговор, потому что невозможен.

Шингарев. — Произошел напрасный сдвиг: хотят и на нас подействовать в том же духе, в каком написана записка. Сразу после «фронтового» нападения — предъявлены нам требования и в неопределенной форме. Мы должны сказать: «Не отступать». «Вы, правительство, будете отвечать, если будет отступление». Власть — с пораженческими тенденциями. О политических требованиях согласен с П. Н., но предъя-

вляет встречное требование. Нельзя говорить о «пределе компромисса». Надо указать, где предел? А иначе это то же, что: не воруй, веди себя чистоплотно.

Кишкин. — Мы считали, что если правительство считает, что организация страны сейчас достаточна для победы, тогда надо итти на разрыв. Если признает, что недостаточна, тогда компромисс.

Маклаков. — Нас скомкали с той запиской. Если страна никому, кроме общественных деятелей, не доверяет, одно. Далее другое: в руки общественных организаций. Мы им верим; правительство не передает. Если государственная власть будет в наших руках, для меня спорно: это дело правительства. Теперь под видом общественных организаций— особое министерство. Одно продовольствие обнимает громадный ряд задач: посевы, скот, рабочие руки. Какие их конкретные предприятия? Нужно иметь план.

Щепкин. — Назначение записки — более узкое. Вопрос о тревожном положении, поднятый Главным комитетом, должен быть продвинут далее: к парламентским деятелям. Дальнейшее назначение зависит от вас. По вашему заключению, она должна быть пополнена данными, и тогда представить документ для сообщения в Думу, как материал, в блок или во фракции. Отсюда должен быть вывод, что в обществе должна быть поселена патриотическая тревога: тогда это сделает уже сама Дума. Что касается тезисов, это не рецепты или требования, которые одна группа ставит другой. Это материал для обмена мнений. Относительно «компромисса» — этот вопрос волнует всех общественных деятелей. Дума собирается в ответственный момент. Все говорили: вопросы должны быть разрешены в Госуд. думе. Есть течения среди общества: нужно сохранить хотя видимость работы Госуд. думы, для свободной кафедры. Другое течение: Дума потеряет значение, если будет бесславно существовать во имя самосохранения: такое положение недопустимо. Полезнее для страны даже роспуск Госуд. думы. Уполномочившие Кишкина держатся второго мнения. Сказать, в какой момент, как требует П. Н., нельзя. Сами сумеют найти. Можно ли вступить в переговоры? Никакое существование Думы без контакта невозможно. Переговоры — очередная задача настоящего момента. Достаточна ли программа блока? Разделяется всей Россией. Вопрос только: возможно ли осуществление? Здесь опять мы в заколдованном круге. Осуществление, конечно, теперь не будет проведено при теперешних отношениях с правительством. Если мало-мальски приличное волостное земство (а не какое бы то ни было).

Демидов. — Началось с того, что на фронте появилось ощущение, что армия брошена тылом. Мы видим, в чем брошена, а

помочь не можем. Да, это «лирика армии». Не считаться нельзя. Может быть, есть пессимизм, но для него есть и оправдание. «Мы думали, что Госуд. дума сильна. Но она разошлась, и больше у нас надежды нет». Возможность отступления есть. Что ответит страна? Только, чтобы страны выдержала, ибо, если это будет катастрофа, то это конец войны. Армия не знает о состоянии запасов. Когда приходится говорить со штабом верх. главнокомандующего, Иванова и т. д., то там только одно: снарядов мало. Мы не можем развивать ураганный огонь. Ружей мало; их совсем нехватает, и о патронах приходится думать. Может быть, и артиллерия будет, но ее нет. Тоже и пулеметов. Состояние дорог нельзя описать: полное отсутствие. Нечего скрывать: целых два корпуса недавно не могли отступить, были затоплены. Запасов, может быть, много в стране, но в армии нехватает. На просьбу отпустить 20 тысяч пудов сена... Относительно тыла: назревает новый фактор — до сих пор сами представители общественных и законодательных учреждений недостаточно объединены. Идея объединения должна распространиться на все живые силы: это единственный мирный выход. Слабость правительства и объединение страны дадут возможность фактически сломить сопротивление правительства, даже не сменяя его.

Астров. — Мы хотели обратиться к блоку с концентрированными впечатлениями. Эта записка только подтвердила наш круг мыслей. От него отступать нельзя. Добавлением Шингарева не надо пополнять записки: объективное изображение не наше дело. В ставке не придают истощению Германии решающего значения. Внесем только еще больше разложение воли, при которой страна победить не может. Мы не можем сказать, что правительство обмануло. Мы с головой сидим в этом деле. Внушать излишнее спокойствие нельзя. Существует наличность транспорта, ведомственность организаций, апатичного настроения, с которым надо считаться. Тезисы Кишкина — не строго формулированы: не стоим во что бы то ни стало. Мы идем по линии политической: блок должен ответить, с чем нам вернуться в Москву. Хотим выслушать, с какими надеждами блок вступает, какой тон будет звучать. Если решительный, бодрый, уверенный и грозный, страна вспомнит то, что забыла. Если нерешительный, то — плохо. Насколько найдем в программе блока то, чго необходимо? При катастрофических событиях мирная программа блока не удовлетворит. Нужно иметь в запасе программу беженства, продовольствия, путей сообщения, поправки к законодательным актам «особых совещаний»: мертворожденные, осужденные на смерть учреждения. Есть ли основание рисковать

с поправками? Если законодательным порядком будут поправки, пусть требуют от нас материалов. Сейчас объединяется совещание пяти министров: нечто совершенно незаконное. Но объединение совещаний необходимо: проект его у нас имеется. Общественные организации будут призваны, когда будет катастрофа. Поэтому мы не особенно жалеем, что у нас органической программы нет. До некоторой степени есть, но мы вынуждены были приурочить их к существующим органам. Сегодняшнее совещание должно дать ответ на то: нужно создать иное отношение к войне, вернуть к сознанию действительности. В Госуд. думе это должно быть сделано. Не знаю, ваши слова дойдут ли до глубины сознания населения. Относительно прессы — новые скорпионы. Придется итти на компромиссы. У нас ставится и вопрос о с р'ыв е законодательных учреждений. Вопрос о кооперативах поставлен на почву возможности реального осуществления. Временами чувствуется, что сердцевина организаций утомляется; Госуд. дума должна помочь, признав союзы. Госуд. дума недостаточно восприняла союзы. Что-то мешает контакту. Может быть, это субъективное ощущение, но не единичное.

Я. — Четыре вопроса: 1) компромисса, 2) программы, 3) легализации союзов, 4) отношения к рабочим и к кооперативам, (5) соединенного совещания, 6) положения прессы. Выделяю вопрос о беженстве. Что будет, если оно повторится? Потечет коренной элемент населения.

Кишкин. — Мы сегодня не ожидали перейти к конкретному обсуждению. Для докладов надо сговориться. Общение блока с общественными организациями должно вылиться в определенную комиссию с завтрашнего дня. Проекты легализации у нас есть: вопрос лишь, следует ли легализоваться при условиях, которые ставило правительство. Вопрос об особых совещаниях важен. Уже произошел раскол в блоке. Это — мертворожденное дитя: надо Госуд. думе выступить с определенными организациями. «Продовольственная управа». Соединенное совещание не надо делать. О рабочих и кооперациях — союзы меньше всего могут сделать. Вы должны дать им возможность организоваться: они будут пользоваться решительно всеми возможностями организации. Будут мешать нашей организационной работе. — Остальное — дело сговора с этими группами Госуд. думы.

Челноков. — Записка от армии? Что это значит? Какое имеем право?

Львов. — Мы понемногу затягиваемся, работаем совместно и можем говорить от имени армии. Демидов назвал и имена. Мы идем от армии к блоку. Для М. В. это не секрет (*Челноков* настаивает, что это — не от армии).

Демидов. — Здесь изложены слова Алексеева и Иванова. Подтверждено тремя командующими армиями. В первой редакции: «следующие слова командующих». Старались занести точные слова беседы. Я прочел записку Алексееву; он вычеркнул 4 строчки. В Киеве присутствовал Маклаков, просивший: собственных слов не выносить; скажите это от армии. «Германия крепнет» — слова ген. Дитрихса.

Челноков. — Это противоречит тому, что говорил Алексеев мне и Львову. Надо разграничить работу нашу и правительства. «Управа» — одно название недостаточно. Придется выяснить точно картину нужд с главнокомандующим и проект их разделения. «Транспорт» и т. д. мы выполнить не можем; должно быть поставлено во главе правительство. Иначе — самих себя обманывать. Надо поставить перед правительством картину его ответственности, а не перелагать на себя. Можем строить мосты, продавать из лавок, обделывать кожу. Но поставить снабжение, транспорт — не можем. Надо разграничить сферы действий и потребовать от правительства самостоятельности для нашей доли.

Меллер. — Отношение законодательных палат к союзам. В этой сфере союзы делали громадную ошибку. Со стороны блока принципиально союзы будут встречать всякую поддержку. Но мы взяли колоссальную ответственность. Правительство пользуется случаем обличать в неисправности. А в особых совещаниях члены не осведомлены и не находят, что ответить. За последнее время в ведомствах новая тактика (с пушками, с кухнями). Одна из главных заслуг сбить с позиции посредников. Теперь блондины и брюнеты приспособились. Земский союз получил заказ на кухни, сдал работу Пастору, материал получен, наши инженеры следили за заказом, кухни приняты по 800 рублей. Кухней уже нет; наступает время: является к нашему сдатчику представитель заводов: кухни негодны, подлежат браку. Мы бракуем. А потом сданы не по 800 руб., а по 1 200 руб. Ведомство согласно на дефекты. Нам заявят: Земский союз оказался неисправным; пришлось переплатить. То же с болванками орудий.

Щепкин. — Предположения Н. П. о шагах блока могут вызвать только полное сочувствие. Такую тактику поймет и страна: если угодно, договаривайтесь с блоком. Если Дума будет открыта с указанием, что программа будет сохранена для организации страны. Не только отписка. Только — вопросы программы блока должны быть дополнены одним: в первом же заседании призыв к обществу относительно более интенсивной работы.

Шидловский. — Все — в качестве материала. Будьте осторожны со словом «блок». Наказ — мне и Милюкову. Не может быть наказа от целой организации к другой организации. Там может быть и д р у г о й материал. Здесь два слова: «о б щ е с т в е н н ы х д е я т е л е й» прибавлены к «мин. доверия». А нам предлагали: в с ю программу, кроме этого. Разрушить блок, — значит разрушить Думу как целое.

Шингарев. — В среде людей близких ясно, что ничего не выйдет, если власть не в наших руках. В блоке — сейчас же сомнение. Начнут бегать к Штюрмеру с заднего крыльца. Огорчил Кишкин: все совещания ни к черту негодны. З н а ч и т, н а д о у й т и? В Москве мы говорили: уходить нельзя. Хотите заменить «управу». Это — кружиться около одного места. В л а с т ь н е г о д н а. Но с ней приходится работать. Значит, и в совещаниях. Что выгодно ставить в Думе? Надо конкретизировать.

Алферов. — Надо организовать взаимную информацию.

Кишкин. — Точка зрения Шингарева пораженческая (что ничего делать не можем). Вы хотите поправлять в механизме. Особые совещания — дурной механизм. Мы делаем. Должна делать и Госуд. дума. Это не общее место.

Шингарев. — Вас нет в совещании о беженцах — и это ошибка Думы. Там, где вы представлены, ваше представительство не использовано.

Я. — Против обращения к стране об интенсивности работы (и о бодрости).

(Окончание следует.)

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Между 3 сентября и 28 октября 1915 г. в заседаниях бюро блока был, повидимому, перерыв. По крайней мере, в сохранившихся материалах нет никаких указаний, что в этот промежуток времени происходили какие-либо совещания блока. В прессе, близко стоявшей к основным фракциям, образовавшим блок, и наиболее заинтересованной в систематическом освещении деятельности блока, также нет сведений о блоке.

В данной публикации мы помещаем первоначально запись Милюкова о заседании, происходившем 25 октября. На нем присутствовали, с одной стороны, представители фракций Госуд. думы и Госуд. совета — кадетов и центра — (Милюков, Шингарев, Маклаков, Меллер), а с другой стороны, представители буржуазных общественных организаций — военно-пром. комитетов и Земского и Городского союзов (Челноков, Гучков, Львов Г. Е., Астров). Это заседание было посвящено: 1) общей оценке политического положения в России в 1915 г. и 2) установлению единой линии поведения буржуазии как в Думе, так и вне ее стен. В общую публикацию материалов о «прогрессивном» блоке мы вво-

дим эту запись, так как это заседание в значительной степени определяет характер настроений блока в конце 1915 и в 1916 гг.

2) Начиная с весны 1915 г., в силу тех условий, о которых мы говорили раньше (см. «Красный архив» т. L—LI, стр. 119), буржуазия проявляет усиленную активность по собиранию своих сил и политической организации. В особенности большую роль сыграли созданные ею Земский и Городской союзы, военно-пром. комитеты. Этим организациям нехватало оформления их устава и законодательного установления сферы действий. Об этом и хлопотали перед блоком представители этих организаций. Действительно, в первую же (февральскую) сессию этот вопрос был внесен в порядок работ Думы. Что касается съездов этих организаций, то они были назначены в Москве на 25—27 ноября, но по распоряжению правительства были запрещены.

3) Вел. кн. Михаил Александрович, брат Николая II; для буржуазии и капиталистических помещиков он был той фигурой, которая должна была заменить Николая II. Его жена, Наталья Сергеевна, урожд. Шереметьевская, по первому браку Мамонтова, по второму Вульферт.

4) Климович, Е. К., втечении 20 лет находился на жандармской службе; до 1 марта 1916 г. был московским градоначальником, а затем при А. Н. Хвостове был назначен директором департамента полиции.

5) Менажировать — направлять, руководить.

6) Moribundus — тот, кко должен умереть.

7) 11 марта 1801 г. — день убийства Павла I.

8) Осенью 1915 г. происходили перевыборы членов Госуд. совета, давшие усиление центра и беспартийной части «верхней палаты». Правое крыло Госуд. совета увеличилось всего лишь на 4 человека.

9) Месяц и число роспуска Госуд. думы в действительности были проставлены Горемыкиным на заранее подписанном царем бланке, и начало занятий обеих палат было намечено на ноябрь («не позднее ноября»). Буржуазия ждала открытия Думы 1 ноября, затем стала утешать себя мыслью, подсказанной черносотенной прессой, что занятия Думы могут начаться 30 ноября. На самом деле 27 ноября появился новый царский указ и рескрипт на имя председателей Госуд. совета и Госуд. думы об отсрочке занятий их на неопределенное время («впредь до окончания подготовительных работ по утверждению гос. доходов и расходов»). И хотя бюджетная комиссия Думы закончила свои работы в декабре 1915 г., никакого указа о Думе не было. Лишь разраставшееся революционное движение в стран заставило «верхи» наметить день открытия Госуд. думы и Госуд. совета на 9 февраля.

10) Так в подлиннике.

11) Так в подлиннике.

12) Так в подлиннике.

13) После указанных выше перевыборов в Госуд. совете количество членов, примыкавших к блоку, незначительно увеличилось и не достигало 50 человек.

14) Два неразборчиво написанные по-французски слова здесь опущены.

15) Reservatio mentalis — подразумеваемая оговорка. Обычно принятая формула иезуитского ордена, позволявшая произносившему ее давать формально клятву и в то же время считать себя в праве в любой момент ее нарушить — «греха не будет».

16) Доказательства Милюкова о недопустимости перемены лозунга «министерство общественного доверия» на лозунг «ответственное министерство» заключались в том, что он предостерегал против «перепряжки лошадей во время пе-

реезда через реку» и вообще советовал не «форсировать событий». Что касается строгости соблюдения своей программы, то однажды на совещании в Москве на вопрос о том, почему кадеты в программе ставят вопрос об ответственном министерстве, а в блоке проводят другую линию, Милюков отвечал: «Кадеты-партия — одно, кадеты в блоке — другое».

17) Так в подлиннике.

18) Тезисы доклада Милюкова см. Ос. отд. ЦИА, ф. № 155, д. № 5.

19) Опущено неразборчиво написанное слово.

20) Так в подлиннике.

21) Ни самого текста, ни тезисов его в настоящее время не найдено; тем не менее ввиду важности отдельных замечаний и возможности в дальнейшем нахождения указанных материалов приводится здесь запись прений по этому вопросу.

22) Опущено неразборчиво написанное слово.

23) Никаких записей относительно заседаний блока за время после 26 ноября до 28 января не сохранилось.

24) Горемыкин был уволен 18 января 1916 г., и на его место, по настойчивой рекомендации Распутина и Александры Федоровны, был назначен Штюрмер. Подробности см. «Переписку Николая и Александры Романовых», том IV, начиная с 5 января, и вводную статью к переписке М. Н. Покровского.

25) Se pavaner — кичиться, ходить гоголем.

26) На этом запись заседаний бюро блока в период подготовки к февральской сессии Думы кончается. Дальнейших записей среди бумаг Милюкова не сохранилось. Заседания бюро блока продолжались вплоть до открытия Думы (9 февраля) и в период сессии. Некоторые из них, судя по газетным сведениям, затрагивали очень важные вопросы, как, напр., окончательное мнение бюро блока об отношении к правительству, выработка формул перехода по отдельным вопросам и т. д.

27) В заключение публикации за этот период помещаем запись беседы, происходившей по инициативе, главным образом, Г. Е. Львова, между представителями буржуазных организаций и бюро блока.

28) Львов Г. Е., кн., крупный помещик, в годы войны «главноуполномоченный Всероссийского земского союза по оказанию помощи больным и раненым воинам»; во время переговоров среди буржуазных групп о кандидатуре в председатели Совета министров в случае, если окажется необходимым выставить кандидатуру, «пользующуюся доверием страны», всегда фигурировал Г. Е. Львов. Поэтому, когда власть в феврале 1917 г. оказалась в руках буржуазии, Г. Е. Львов стал председателем Временного правительства.

29) Так в подлиннике.

Из записной книжки архивиста.

Письмо А. П. Моренгейма о французской политике на Ближнем Востоке.

(1896 г.).

Печатаемое ниже письмо А. П. Моренгейма, царского посла в Париже, представляет дополнение к публикации «Проект захвата Босфора в 1896 г.», помещенной в XLVII — XLVIII т. «Красного архива», проливая дополнительный свет на франко-русские разногласия в вопросе о захвате проливов царской Россией. Но основной интерес этого документа заключается в том, что он вскрывает собственные захватнические планы французского империализма в Турции и вообще в странах мусульманского Востока в бассейне Средиземного моря. При полном пока отсутствии французских публикаций по данному периоду, этот документ становится особенно интересным. Впрочем появившиеся до сих пор томы французской дипломатической публикации представляют собой столь бесцеремонную фальсификацию, что с этой стороны и не приходится чего-либо ждать, так что нашим архивам еще долго суждено служить главным источником для разоблачения не только русского, но и союзного с ним французского империализма.

В упомянутой выше публикации мы уже отмечали, как французский империализм, стремясь к полному экономическому и политическому закабалению Турции французским финансовым капиталом, опасался, что царская Россия, захватив проливы, не только впутает Францию в бесконечные международные осложнения, но и помешает удовлетворению собственных захватнических аппетитов французского империализма, стремившегося тогда играть в Турции не вторую и не третью, а первую роль — не забудем, что тогда в смысле финансового и экономического влияния Франция бесспорно занимала в Турции первое место. Усиление германского влияния начинается только в следующие годы (с 1897—98 гг.). Французский империализм устами Ганото ставит вопрос не более не менее как о господстве Франции над всем бассейном Средиземного моря: «Становится все более и более вероятным, что в более или менее близком будущем главной ставкой в игре будет Средиземное море и его большой придаток — Красное море, являющийся путем из одного океана в другой. Там будут разыгрываться судьбы мира. Поэтому, если египетский и сирийский вопросы являются, по справедливости, самыми важными для Франции, она не спускает глаз также и с деятельности Англии в Марокко, где эта последняя только что получила концессию на постройку мола в Танжере — настоящем ключе к Средиземному морю». Марокко, затем — турецкие области — Сирия и Египет и побережье Красного моря — вот тот огромный те
комплекс, который притягивает, по словам самого французского министра иностранных дел, аппетиты француз

ского империализма. Говоря, что «египетский и сирийский вопросы являются, по справедливости, самыми важными для Франции», Ганото отразил точку зрения определенных кругов французской буржуазии — именно колониальных кругов и интересы определенного этапа политики этой буржуазии — этапа, на котором (уже с 80-х годов) на почве борьбы за раздел последних кусков уже почти поделенного мира англо-французские отношения особенно напряглись, а франко-германские по внешности несколько смягчились. Вообще же говоря, с точки зрения общих интересов французского империализма в целом, здесь есть некоторое преувеличение. «Судьбы мира» он все же чаще предполагал решать не в борьбе против Англии в бассейне Средиземного моря, а в войне — реванше на полях Эльзаса и Лотарингии. Мысль о соглашении с Англией ради этой войны — за счет все тех же стран Востока, как нам уже пришлось отмечать в упомянутой статье в «Красном архиве», и тогда уже не была чужда французскому правительству и, в частности, тому же Ганото.

Письмо Моренгейма, написанное часто намеками и, надо добавить, очень скверным языком, представляет для читателя не-специалиста большие трудности для понимания. Поэтому считаем необходимым предпослать некоторые пояснения к отдельным местам печатаемого ниже текста.

Упоминаемая в начале письма экспедиция от 19 (7) ноября извещала об отказе царского правительства от данного, было, им согласия на расширение компетенции Управления оттоманского долга и от участия в нем русского делегата [1]). Ганото вполне правильно почуял при этом и общий поворот русской политики в сторону подготовки немедленного захвата проливов.

Дальше в письме говорится о телеграммах Шишкина от 25 (13) ноября, которые успокоили Ганото. Повидимому, дело идет о телеграммах, в которых Шишкин сообщал о согласии русского правительства на английское предложение (от которого оно раньше отказывалось) обсудить необходимые для Турции реформы и меры принуждения по отношению к Турции, чтобы заставить ее их принять. В истолковании этого шага Ганото, наоборот, видимо, ошибся: он ни в коем случае не означал отказа царской России от сепаратных выступлений и, напротив, входил в качестве необходимого составного элемента в нелидовский проект захвата проливов [1]). В соответствии с этим успокоение Ганото оказалось весьма кратковременным [2]), так что вывод Моренгейма, что этот «короткий кризис» франко-русских отношений «завершен», тоже оказался неверным, как явствует из документов, опубликованных в «Красном архиве» [3]).

Весьма любопытны места, относящиеся к египетскому вопросу. Речь идет здесь о полумиллиардной ссуде, которую египетское правительство (а фактически — английское, стоявшее за его спиной) взяло из кассы египетского долга на расходы по экспедиции для завоевания Судана. Комиссия египетского долга (большинством голосов английского, германского, австро-венгерского и итальянского представителей против голосов русского и французского делегатов) выдала эту ссуду. Франция и Россия перенесли дело в международный смешанный апелляционный трибунал в Александрии, где им удалось провести свой тезис о необходимости единогласных решений Комиссии долга и, следовательно, о незаконности выданной ссуды, которую египетское правительство принуждено

[1]) См. об этом «Красный архив», т. XLVII—XLVIII, стр. 52.

[1]) Там же, стр. 53.
[2]) Там же, стр. 54.
[3]) Там же, стр. 54 и 68.

было вернуть. Ганото развивает в беседе с Моренгеймом планы дальнейших действий, сводящихся к попытке наступления на позиции Англии в Египте путем финансового давления на египетское правительство через Комиссию египетского долга.

Из плана этого фактически ничего не вышло (он был сорван Англией, предоставившей Египту заем), но для понимания египетского вопроса, политики Франции в Египте и англо-французских взаимоотношений там всего за несколько лет до соглашения 1904 года план этот весьма показателен.

В. Хвостов.

Письмо царского посла в Париже бар. Моренгейма управляющему министерством ин. дел Н. П. Шишкину[1]).

Господин статс-секретарь.

Тотчас же по получении экспедиции от 7 (19) числа текущего месяца, которой ваше превосходительство почтили меня, я поспешил в тот же день выполнить возложенное на меня поручение к министру иностранных дел республики. Было бы очевидно бесполезным скрывать, насколько это было ему неприятно.

Несмотря на то, что он был в курсе того, что происходит в С.-Петербурге, это на него произвело в высшей степени сильное впечатление. Он мне сообщил тогда, что он уже, будучи очень встревожен дошедшими до него сведениями, написал, в качестве последней попытки, письмо графу Монтебелло [2]) для немедленного сообщения его вам, и он надеется, что ваше превосходительство сможете с ним познакомиться в понедельник 23 ноября. На основании сведений, очевидно, очень детальных и чрезвычайно алармистских, г. Ганото, как мне показалось, очень преувеличивал значение и последствия того, что он счел возможным определить, как «поворот политики». Я, конечно, привел самые убедительные доказательства, чтобы предостеречь его от слишком большой доверчивости к слухам, лишенным всякого правдоподобия; я напомнил ему насколько лучше он был настроен (inspiré), когда он так красноречиво ограничился противопоставлением всем подозрениям оппозиции собственных публично произнесенных слов его величества. Одним этим он заставил замолчать своих противников. Я мог только посоветовать ему поступить так же и по отношению к его собственным подозрениям.

Простой факт непринятия нами предложения послать нашего представителя в Комиссию оттоманского долга, по моему разумению, нисколько не заключает в себе всех тех последствий, которые он, кажется, склонен из него выводить. «Мне нет нужды, — ответил он, — утруждать себя этими выводами; об этом достаточно заботятся у вас, и я ежедневно нахожу доказательство этого, нисколько не скрываемое — и в качестве дозволенного отголоска — в важнейших органах вашей печати, несомненно, инспирированных известными инициаторами этой новой политики изоляции, которая не допускает кого бы то ни было третьего в ваши отношения с Турцией, которую вы хотели бы монополизировать [1]).

Имеется ли ввиду протекторат подобно тому, как в Египте или даже как в Тунисе? И взвесили ли вы все труд-

[1]) Перевод с французского. Подлинник хранится в Архиве революции и внешней политики (дело общей канцелярии мин. ин. дел, папка «Paris 1896», арх. № 139, листы 451—456).

[2]) Французский посол в Петербурге.

[1]) Подчеркнуто в подлиннике.

кости и учли ответственность? Если бы еще дело касалось только нас, только Франции, — в крайнем случае, я бы это понял и, может быть, не усмотрел бы в этом ничего для нас слишком неудобного. Но не забывайте же, что мы не одни и что вы имеете дело со слишком сильным противником. Если вас даже и впустят в Константинополь, то лишь для того — будьте в этом уверены, — чтобы не дать вам оттуда выйти, ибо в тот же самый день англичане с помощью итальянцев воздвигнут в Дарданеллах Гибралтар, который запрет вам всякий выход. К тому же случай этот п р е к р а с н о [1]) предвиден, и в предвидении всех этих событий, которые неизбежно последуют из-за разлада между нами, которому уже радуются и который учитывают наши общие противники, — итальянцы, отказавшись от Триполи и Албании, остановили свой выбор на Сирии, где они уже сосредоточили две дивизии своего флота в Смирне [2]), которую они займут немедленно, без единого выстрела. И вот в подобную-то авантюру известная партия, которую мы раз уже видели за работой перед вашей последней войной, хотела так, здорово живешь, бросить вашу страну! Нет, я хочу вам верить, и я предпочитаю быть уверенным, что она не одержит верха над советами разума и благоразумия, и я держусь за те слова императора, которые вы мне напомнили; я помню также и то, что он сказал лично мне. Только я предупреждаю вас, что в результате всего этого шума, поднятого по этому случаю иностранной прессой, которая при этом только следовала за вашей и который не замедлит вызвать эхо в нашей прессе, я жду новых запросов в палате, на этот раз со стороны радикальной партии, особенно со стороны слишком известного г. Думера — опасного противника, который в качестве министра финансов в кабинете Буржуа является представителем всех наших держателей ценностей — больших и мелких, биржевых маклеров и т. п. И вы согласитесь, что я уже не буду иметь столь выигрышного положения. Вы сильно ослабили нашу партию, которую однако, как я смею думать, в ваших интересах поддержать».

После всего этого нетрудно угадать, как ему было представлено положение в С.-Петербурге, раз он мог притти к таким крайним выводам. Во всяком случае, это положение ему представлялось очень запутанным благодаря известным влияниям. Нужно ли вам также говорить, какое облегчение, какое благотворное успокоение произвели на с л е д у ю щ и й д е н ь [1]) ваши телеграфные сообщения от 13 (25). Редко когда что-либо приходило так удивительно кстати. Г. Ганото сказал мне вчера (ибо это было вчера, в среду), что он рассчитывает воспользоваться моим сегодняшним курьером, чтобы отправить вашему превосходительству ответ на ваше письмо от 6 (18) текущего месяца. Я не знаю ни содержания этого ответа, ни содержания его письма к Монтебелло, о котором он должен был вас поставить в известность в последний понедельник. Они были написаны под очень различными впечатлениями, и я твердо надеюсь, что последнее письмо констатирует, что все вполне успокоилось и что этот короткий кризис завершился без больших трений. Пусть также наши так называемые органы общественного мнения не подстрекают попусту заграничные. Опасно так легкомысленно играть с подобным огнем.

Раз уж я начал говорить относительно прессы, я не премину сообщить вашему превосходительству о странном сообщении во вчерашнем «Фигаро», которое г. Ганото получил прямо из

[1]) Подчеркнуто в подлиннике.

[2]) Так в подлиннике.

[1]) Подчеркнуто в подлиннике.

редакции этой газеты и на которое он обратил мое внимание.

Оно — из Рима — помечено позавчерашним числом и, по словам г. Ганото, исходит из собственного кабинета короля, который ради таких сообщений поддерживает квази-личные отношения с г. Кальметтом, редактором этой газеты, который, в свою очередь, имеет прямые связи с г. Ганото. Я позволил себе при сем приложить это сообщение, которое г. Ганото сопоставляет с одной статьей «Italia Militare», где говорится, что правительство решило увеличить кредиты на морские вооружения на сумму свыше ста миллионов! Что касается Германии, то кредиты, испрошенные на 1897—1898 гг., равняются 153,426,000 марок. Становится все более и более вероятным, что в более или менее близком будущем главной ставкой в игре будет Средиземное море и его большой придаток — Красное море, являющееся морским путем из одного океана в другой. Там будут разыгрываться судьбы мира. Поэтому хотя египетский и сирийский вопросы являются, по справедливости, самыми важными для Франции, она тем более не спускает глаз и с действий Англии в Марокко, где эта последняя только что получила концессию на постройку мола в Танжере — настоящем ключе к Средиземному морю. Чей мол — того и порт, и у того и сила! (or, qui dit môle, dit port, dit bort!). Франция это понимает, так как и сама действовала так же в Бизерте, чтоб сделаться действительной хозяйкой Туниса. Англия, повидимому, желает последовать этому примеру. Как бы то ни было, она уже встала там одной ногой и встанет и другой; она уже там, и пожелает там и остаться. Завладев Танжером и уже обладая Аденом, она будет госпожей обоих выходов и сможет менее интересоваться промежуточными опорными пунктами, имея возможность отрезать путь, кому она захочет. Я не представляю себе более серьезных вопросов, нежели этот; этот вопрос сильнее всего озабочивает Францию, и, казалось бы, он должен был бы не меньше занимать и Германию.

Г. Ганото сегодня менее обеспокоен той участью, которую ему готовит новый запрос об отношениях между Францией и Россией, но в качестве доказательства тех чувств, которые охватили страну, он прочел мне очень знаменательную статью, которую в тот же день поместил в «Matin» Г. Трарье, бывший министр последнего кабинета Рибо, под заголовком: «Почему бы нет?» и которая подготовляет поворот в сторону Англии, имея ввиду соглашение с ней, подобное соглашению с нами. Это, как вы знаете, старый тезис Шоторди, но весьма удивительно видеть его воспринятым в качестве подлинного принципа этими кругами [1]).

Возможно, что по приезде Монтебелло я смогу предварить эти строчки телеграммой, которая придаст им несколько ретроспективный характер.

Примите и проч. М о р е н г е й м.

P. S. Любопытно, что статья «Matin» мне в тот же день была прислана четырьмя различными лицами, оставшимися анонимными, — очевидно, своего рода предупреждение. Странный симптом волнения умов!

Переходя к вопросу о Комиссии египетского долга, г. Ганото находит, что решение, на котором остановилось правительство хедива — взять полмиллиарда для вложения в кассу долга из своего собственного бюджета, — имеет ту хорошую сторону, что позволяет выиграть время, но лишь при условии, что время это будет использовано для

---

[1]) К письму приложена упоминаемая статья, указывающая на рост англо-германских противоречий и предлагающая, ввиду наличия общего врага, заключение англо-французского соглашения, которое существовало бы параллельно с франко-русским союзом, дополняя его.

того, чтобы заставить саму Комиссию разрешить вопрос, может ли Египет, за которым отрицается право производить выдачи ссуд [1]), требовать права заключать займы, ибо, рано или поздно, он будет принужден прибегнуть к этой мере, чтобы сбалансировать свой сильно пошатнувшийся бюджет. И вот, в случае отрицательного ответа, который кажется несомненным, — по крайней мере, поскольку дело идет о необходимости единогласного решения Комиссии, — уже этой последней будет принадлежать задача изучить, когда этого потребуют обстоятельства, те условия, в зависимость от которых она поставит свое согласие. Таково мнение г. Луи, французского делегата [2]), к которому присоединяется правительство. Кажется, г. Луи старается обеспечить голос одного из членов прежнего, враждебного нам, большинства, но он не высказывается более ясно. Кредиторы не сделают ошибки. Г. Ганото мне подтвердил, что уж образовался банковский синдикат, который предложил свои услуги. Требуемые гарантии и условия конкурентов будут предварительно подвергнуты контролю полномочных держав, и всякие опасения относительно залогов территориального характера (hypothèque territoriale) были бы таким образом устранены с самого начала.

Господин министр иностранных дел соблаговолил ознакомить меня, строго конфиденциально, с интересным донесением г. Камбона, которое он вам, без сомнения, перешлет непосредственно с ближайшим курьером. Французский посланник в Константинополе сообщает там своему правительству сведения, полученные им, по его словам, из источника, вполне заслуживающего доверия, по поводу военной конвенции, которая, якобы, была заключена в прошедшем мае между Австрией и Румынией и согласно которой Румыния обязалась, в случае войны с Россией, сосредоточить на своей северной границе две дивизии под командой австрийского генерала, а остальная румынская армия под личной командой короля должна занять укрепленный лагерь под Бухарестом. Министр прибавил, что, с своей стороны, он не может гарантировать точности этих сведений, но что он считает необходимым придавать им значение, так как г. Камбону, очень осмотрительному в подобных случаях, несвойственно давать такой определенный ход слухам, которые ему не казались бы заслуживающими доверия.

Из того, что происходит во внутренних делах Франции, ничего не заслуживает нашего особого внимания. С трудом продолжается обсуждение бюджета — из-за обструкционных маневров радикалов, объединившихся с социалистами, но правительственное большинство держится хорошо и верно кабинету. И все-таки нельзя надеяться, что финансовый закон пройдет раньше рождественских каникул и таким образом страна будет избавлена от двенадцатого провизорного (месячного) бюджета [1]). Нельзя быть уверенным, что министерство благополучно выпутается по возобновлении январской сессии; подоходный налог, являющийся основанием финансовой системы г. Кошери, легко может стать, по мнению многих, камнем преткновения, против которого придется бороться кабинету. Эта неудача слишком сильно коснется лично министра финансов, чтобы не повлечь за собой, по крайней мере, частичное изменение министерства. Войдет ли г. Ганото в этом случае в новую комбинацию — это, очевидно, будет зависеть, главным образом, от состава

---

[1]) Видимо, из кассы управления.

[2]) В Комиссии египетского долга.

[1]) В подлиннике «Les douziemes provisoires soient epargnés au pays».

будущего кабинета, но отчасти, также, от его доброй воли, которая может оказаться уже и не той, что раньше. Все это — на волю случайностей калейдоскопа (au hasard du kaleidoscope)!

Примите и проч.

М о р е н г е й м.

Из истории интеллигенции 60-х годов.

Автор печатаемого нами письма — известный публицист и литературный критик 60-х годов Варфоломей Александрович Зайцев. Начав свою литературную деятельность в 1863 г. в «Русском слове» Г. Е. Благосветлова, Зайцев очень скоро приобрел широкую известность как один из литературных представителей «нигилизма». Этому много способствовал боевой характер статей и библиографических заметок Зайцева. Ведя в «Русском слове» библиографический отдел и давая в нем ежемесячные обзоры вновь выходящих книг, Зайцев сумел превратить этот скромный отдел журнала в трибуну для проповеди материализма, атеизма и политического радикализма. Для врагов «нигилизма» имя Зайцева, наряду с именем Писарева, было одним из наиболее ненавистных. Консерваторы и умеренные либералы того времени не могли говорить о Зайцеве без скрежета зубовного.

Печатаемое нами письмо было послано Зайцевым 24 декабря 1867 г. его сестре Варваре Александровне Якоби, находившейся в то время в Женеве. Зайцев был очень дружен с сестрой, принимавшей, как и сам Зайцев, участие в революционном движении того времени. В 1861—1862 гг., живя в Москве, она была близко знакома с членами московского отделения тайного общества «Земля и воля» и, может быть, сама была его членом. В 1863 г. она привлекалась к ответственности по делу И. Андрущенко и др. Ей вменялось в вину содействие, оказанное ею побегу за границу Ивана Кельсиева, брата известного эмигранта В. Кельсиева. По недостатку улик Зайцева была Сенатом оправдана. Вскоре она, спасаясь от преследований отца, ярого реакционера, вышла фиктивно замуж за некоего кн. А. С. Голицына и уехала за границу. Там она познакомилась с известным впоследствии психиатром П. И. Якоби и, разведясь с Голицыным, вышла за него замуж. Поселившись в Женеве, она стала приглашать своего брата приехать туда. В ответ на это приглашение Зайцевым и было написано печатаемое нами письмо.

Письмо это было перлюстрировано. Копия его сохранилась в деле III отделения, 1 эксп., 1866 г. № 100, ч. 14 «О студенте Зайцеве» (Архив революции и внешней политики). Хотя письмо было не подписано Зайцевым, чиновники III отделения по содержанию письма без труда догадались, кто был его автором.

Для полного понимания письма Зайцева необходимо иметь в виду, что оно было написано в весьма тяжелое для Зайцева время. В конце 1865 г. он, вместе с Писаревым и Н. В. Соколовым, порвал с Г. Е. Благосветловым и прекратил сотрудничество в его журнале. Если он и не пострадал особенно от этого в материальном отношении (он славился как хороший переводчик и потому всегда имел много переводной работы), то уход из «Русского слова» болезненно переживался им вследствие того, что он, порывая с Благосветловым, лишался возможности вести самостоятельную литературную работу: других журналов, в которых он мог бы писать, в то время не существовало.

В апреле 1866 г., когда после покушения Каракозова по России широко разлилась волна «белого террора», Зайцев был арестован по распоряжению

председателя следственной комиссии гр. М. Н. Муравьева. Хотя к Каракозовскому покушению он не имел никакого отношения, ему пришлось более четырех месяцев просидеть в каземате Петропавловской крепости.

Выпущенный после этого на свободу Зайцев увидал начавшуюся реакцию в полном разгаре. Лучшие журналы того времени «Русское слово» и «Современник» были закрыты. Многие знакомые Зайцева оказались арестованными, а большинство из тех, кто остался на свободе, или спешили отречься от своего прошлого или притаились в ожидании новых репрессий.

«Политический сифилис», по выражению Герцена, принимал характер грозной эпидемии. В такой обстановке Зайцев не мог не чувствовать своего полного бессилия перед лицом торжествующей реакции. Уехать за границу становится его заветной мечтой, но полицейский надзор, которому он был подчинен по выходе из Петропавловской крепости, не давал возможности получить заграничный паспорт. Все это объясняет нам тот жестокий и безисходный пессимизм, которым проникнуто письмо Зайцева.

Крайне ценное для биографии и характеристики его автора, это письмо имеет и более общее значение. Настроение, под влиянием которого оно было написано, было характерно не для одного Зайцева, а для всего того слоя мелкобуржуазной интеллигенции второй половины 60-х годов, к которому принадлежал автор письма.

Б. Козьмин.

Я долго не писал вам, друзья мои, в приятной надежде увидеть вас. Я сделал все, что можно было, но все оказалось напрасно. Куда тут ехать к вам, когда, как я недавно узнал, даже мое пребывание в Лялине [1]) считалось опасным для государства, так что вся земская полиция была поднята на ноги искать в Вышневолоцком уезде якобы посеянных мною злых начал! Не знаю, много ли нашли плевел; полагаю, что жатва была не щедра и не обильна, так что далеко не стоила потраченной на нее бумаги. Но тем не менее вредоносность моя дознана, и признано, что дать мне повидаться с вами значит подвергнуть опасности священные начала гражданственности, собственности, религии и т. д. Опять, и на сей раз уже в казусном месте, спрашивали адрес маменьки — не знаю, зачем). [2]

А между тем мне очень хотелось побывать у вас, чтобы поговорить с тобой, моя милая девочка, потому что я тебя все представляю себе прежней Варенькой, девочкой дорогой. Я хотел тебе сказать, что не ожидал от тебя такой слабости, какую ты теперь выказываешь. Вы оба пишете, что потеряли в жизни цель и что теперь ни о чем заботиться не хотите. Друзья мои, если бы вам было по 45 лет, вы были бы правы. Но в 20 лет так говорить — это верх малодушия. Неужели вы друг друга настолько не любите, чтобы быть друг для друга вполне достаточною целью жизни, если бы вы были даже Афанасием Ивановичем и Пульхерией Ивановной, для которых не существует иных целей, кроме личных? Мне кажется, я, на вашем месте, как и на своем, потеряй я все добрые цели, мог бы просуществовать всю жизнь одними злыми. Я вообще не понимаю горя: это какая-то мертвечина; горе — чувство старости или тупоумия; но для свежего и умного человека, если бы даже вовсе не оставалось кого любить, есть отрада, цель и своего рода счастье в ненависти и злости. И притом для ребенка смерть есть самое лучшее, что с ним может случиться: ведь будь он жив, был бы или подлец или мученик. Ты желала бы для Оли своей судьбы? По крайней мере, я не пожелал бы своей своему сыну, если таковой будет. Вот для кого-нибудь из нас умереть неприятно: остается неудовлетворенным какое-то смутное чутье справед-

ливости: что ж это такое, в самом деле, мучились, мучились и ни до чего не домучились — так и подохли. А впрочем и то все равно. Какая тут справедливость? Что за дело законам природы до жалкой инфузории, которая, немного потопорщившись, проглатывается своими соседями, которых чрез минуту постигает та же участь? А ведь в сущности все равно, что инфузория, что мы с тобой! Так только глупый, невежественный эгоизм в нас несколько вопиет и копошится, но надо же быть умнее самих себя.

Если бы у меня было любимое существо, которого будущность сколько-нибудь зависела от меня, я старался бы сделать из него подлеца. Пускай бы он, когда вырос, нашпионил бы на меня и тем составил бы себе карьеру: я нарочно дал бы ему на это материалы. Разумеется, это очень неприятно; но из двух зол — сохранить человека и погубить животное или сохранить животное и погубить человека, — надо выбирать меньшее, и потому надо роду отдать предпочтение перед видом. Но и в том и в другом случае для себя я потерял бы его, как потерял, например, тебя и, положим, Бессонова [3]). И то и другое неприятно, но я не настолько еще эгоист, чтобы предпочесть первое. Лучше пускай в моем сердце человек п о г и б н е т, зато сам будет счастлив. Странное было бы для меня утешение, если бы мой приятель умер от честности и голода. Но самое лучшее, конечно, чтобы он вовсе не существовал. По экономическому и политическому положению европеец стал китайцем: пора принять и миросозерцание китайское и праздновать смерть детей. А то плохо жить с европейскими понятиями в китайских условиях.

Когда я сидел в крепости, на меня находили неприятные думы: мне иногда казалось, что, верно, все вы сгибли. Если бы это оказалось правда, я по выходе из крепости первым делом отправился бы в Неву: благо было еще тепло! [4]). У меня созрел на этот счет решительный план. Но представьте себе, я теперь часто с сожалением думаю, отчего это так не случилось? Один я не хочу умирать, пока могу огорчить этим кого-нибудь. Но ничего не может быть лучше повальной смерти. Я давно перестал мечтать о социальных реформах и политических переворотах: я того мнения, что люди — все равно, что вши, которым природа предназначила жить на грязных головах и нигде более. Но если о чем мечтать с удовольствием можно, то это о какой-нибудь хорошей чуме или холере, не о такой, какая бывает у нас, а о такой, какой награждал господь людей в средние века.

Друзья мои, от души желаю я вам уехать, если еще есть возможность, на какой-нибудь Дарбадос. Бегите вы от этих я г у, от этих мерзких, вонючих, зверских тварей, которые называются людьми [5]). Если чему можно сочувствовать и чем можно наслаждаться, то это только природой. Она одна, чуждая нашего трагикомизма, в своем величественном равнодушии способна успокоить больную от любви и злобы душу, способна внушить человеку хорошие помыслы. Там можно и детей нажить и за них не бояться; можно и жить в благородном равнодушии и умереть без скрежета зубовного. Все остальное тем досаднее, чем пошлее, и тем пошлее, чем досаднее.

Насчет дел я ничего вам не могу сказать особенного. Статьи, какие угодно, присылайте — все найдет сбыт — как я писал в прошлом письме, особенно если будет по возможности водянистее и глупее. Деньги бы я вам послал тотчас — франков 600, но пока их у меня нет; надеюсь однако получить к Новому году и тогда вышлю. Писем от меня регулярно не ждите, потому что мне тяжело вам писать. Разве Леночку буду просить раз в неделю извещать вас, если уж маменька не может не беспокоиться обо мне [6]). Вот бы она хоть приехала сюда, если вы уедите в Вест-

Индию! Впрочем вы верно не уедете: странные вы люди, должно быть, по молодости еще, особенно П. И. [7]) я совершено не понимаю. Скажи мне, Варенька, что он за человек? Верит он чему-нибудь, ждет ли чего-нибудь, хочет ли? Дай бог вам поскорее раскусить орех.

Если что забыл написать в ответ, то напомните; хлопотать о статьях буду, сколько хотите; могу, хотя сам никуда больше не пойду. Скоро буду печатать книжку. А что же бедная брошюра? [8]). На кого вы ее оставите?

Примечания.

1. Лялино — имение, принадлежавшее теще Зайцева Кутузовой в Великолуцком уезде Тверской губернии.

2. Зайцев имеет в виду III отделение. С 1865 г. мать Зайцева, Мария Федоровна Зайцева, женщина горячо любившая своих детей и умевшая жить их интересами, находилась под негласным бдительным надзором III отделения, подозревавшего ее в симпатиях к «нигилизму».

3. Кто такой Бессонов, нам определить не удалось. Возможно, что это — какой-то товарищ Зайцева по гимназии или университету.

4. Зайцев был освобожден 21 августа 1866 г.

5. Ягу — у Д. Свифта в «Путешествии Гулливера» племя обезьяноподобных, отличающееся крайней нечистоплотностью, грубостью и жадностью к деньгам.

6. Леночка — жена Зайцева. Мать его в то время жила в Женеве при его сестре.

7. П. И. — Павел Иванович Якоби, муж сестры Зайцева.

8. О какой книге упоминает Зайцев, определить невозможно. Может быть, это была одна из переводимых им на русский язык книг. Равным образом, нельзя определить, о какой брошюре упоминает Зайцев.

Ответственная редакция: { В. Адоратский. В. Максаков. М. Покровский. }

1-я типография Огиза РСФСР «Образцовая». Москва. Валовая, 28.

Оглавление

Стр.

Несколько документов из царских архивов о М. Н. Покровском . . . . . 5—33

Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888—1903 гг.) С предисловием **А. Попова**. . . . . 34—124

Северо-Американские Соединенные Штаты и царская Россия в 90 гг. XIX в. С предисловием **Ф. Кельина**. . . . . 125—142

Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. (Продолжение). С предисловием **Н. Лапина** . . . . . 143—196

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА

Письмо А. П. Моренгейма о французской политике на Ближнем Востоке Сообщил **В. Хвостов** . . . . . 197—203

Из истории интеллигенции 60-х годов. Сообщил **Б. Козьмин** . . . . . 203—206

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) ПАРТИЗДАТ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1933 ГОД
НА ЖУРНАЛ

ЗА МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

ОРГАН АССОЦИАЦИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Год издания 5-й **6 номеров в год**

Задачи журнала: разработка проблем марксистской методологии в области естествознания, пропаганда метода диалектического материализма среди естественников, борьба с враждебными пролетарской идеологии течениями в области естествознания и точных наук (идеалистическими и механистическими), активное содействие практике социалистического строительства по линии естественных наук, организация научно-естественных марксистских обществ, освещение вопросов подготовки кадров, планирование научной работы, борьба за овладение техникой.

Отделы журнала: 1. Статьи. 2. Доклады в Коммунистической академии. 3. Трибуна. 4. Обзоры. 5. Критика и библиография. 6. Научная жизнь.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес. — 12 руб., на 6 мес. — 6 руб.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 2 РУБ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ отделениями, магазинами и киосками Партиздата, всюду на почте, письмоносцами и уполномоченными по партпечати на предприятиях и в учреждениях